

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Д. Л. Берг

«Забывая Августа»

(Потерять и найти # 1)

Оригинальное название: *Forgetting August (Lost & Found, #1) by J.L. Berg*

Д.Л.Берг - «Забывая Августа»

Автор перевода: Алина Ц., Яна Е., Евгения А.

Редактор: Женя Б.

Вычитка: Настя З.

Оформление: Алёна Д.

Обложка: Ира Б.

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Аннотация

Она сумеет простить, но сможет ли забыть?

Вот уже несколько дней Эверли видит его повсюду, где бы она не находилась: за столиком в торговом центре, на почте или за рулем, мчась на полной скорости, чтобы успеть проехать на зеленый. Их встреча длится ровно секунду, но этого достаточно, чтобы в памяти ожило то время, когда она была зависима и практически уничтожена тем, кто теперь стал ее наваждением – Август Кинкейд. Её переезд и предстоящая свадьба нисколько не избавили Эверли от прошлого. Глубокий вдох и напоминание о том, что Август не сможет больше причинить ей боль, возвращают потерянный контроль Эверли.

Август в коме.

Был в коме. Теперь же, потеряв память, но возвращаясь к активной жизни, Август намеревается развеять туман, окутывающий его память. Случайно наткнувшись на фотографию прекрасной рыжеволосой девушки, он вдруг осознает, что ключ к разгадке его прошлого таит она – Эверли. Он находит её и узнает о себе много нового.

Испытывая угрызения совести за принесенные страдания, Август хочет только одного: сделать девушку самой счастливой. Порой Эверли вспоминает того самого человека, который покорил ее сердце. Но сможет ли она поверить, что стоящий перед ней человек действительно тот, кого она когда-то знала? Все карты открыты: прошлое уже не изменить, чего не скажешь о будущем, и одному из них придется сделать выбор...

Пролог

Звук гремел в моем ухе и был подобен грохоту товарного поезда – с огромным усилием я сопротивлялся нарастающему приливу.

Я скребся, хватал руками и прорывал себе путь на поверхность. Я не знал, куда он вёл, но добраться туда было единственной целью. Чего бы мне это не стоило.

Издалека доносился смех. Он был мягкий и принадлежал женщине. Смех исчез подобно танцующему перышку, гонимому потоками неистового штормового ветра.

Яркие цвета и размытые образы плясали перед глазами. Это сильно сбивало с толку, но и влекло меня, вызывая непреодолимое желание продвинуться вперед.

Где я находился?

Откуда-то доносится громкий звук сирены, в то время как темно-зеленый свет приближался, чтобы окружить меня. Свет двигался подобно течению воды и проходил сквозь меня. Я ощущал пульсацию по всему телу. Что бы это все значило? Цвет показался знакомым. Я протянул руку, чтобы прикоснуться к нему, как вдруг, все замерло, и даже сердце, казалось, замедлило свой привычный ритм.

Мне просто необходимо выбраться отсюда.

Я вновь услышал женский голос и инстинктивно последовал за ним. Но, как и все остальное, голос исчез, и я погрузился в темноту, оставшись наедине с собой.

Вскоре я снова увидел тот зеленый мягкий свет. Наблюдал, как он кружился и становился все ярче. Я следил за светом до тех пор, пока он не превратился в камень и не упал с сильным характерным стуком, а из-за угла в это время показались на секунду чьи-то рыжие волосы.

— Подожди! — крикнул я. — Вернись!

Я бросился на поиски. Легкие наполнились воздухом, а тело скрутило от боли.

— Не оставляй меня! — умолял я.

Звонкий звук от падения чего-то. Еще один. Я посмотрел вниз, под ноги, в поисках нескольких зеленых камешков, упавших на землю. Затем взглянул на небо, и оно обрушилось на меня в виде тысячи зеленых камней, дождем падающих на меня, как будто земля образовывала огромную чашу. Я шел по ним, пока не споткнулся и не упал лицом вниз, но все же продолжил свой путь, пусть и ползком.

— Август! — крикнула женщина.

Камни падали один на другой, окружая меня. Вскоре, чувствуя нехватку воздуха, я начал задыхаться. Каждый падающий камень погребал меня под собой.

— Прошу! — я кричал и пытался разгрести камни, не перестававшие падать, они уже покрыли мою голову. — Прошу, вытащите меня!

Следующий вдох был последним. Все исчезло. Я открыл глаза.

Я проснулся.

Наконец!

Глава 1

Эверли

Сегодня я видела его снова.

На этот раз на почте.

Он был одет в серый костюм, только однажды я видела его в этом костюме, прежде чем он скрылся за поворотом лабиринтов жизни. С тех пор моя жизнь приобрела статус нормальной и даже изменилась в лучшую сторону.

Два года я жила спокойно, и вот сейчас мой покой снова нарушил он.

Я снова вижу его.

Везде.

Наутро после той роковой ночи я видела его в окрестностях – он выгуливал собаку. Несколько месяцев спустя, во время похода за продуктами, у светофора, ожидая зеленый свет, я увидела его совсем рядом. Две недели назад Райан опустился на колено и надел на мой безымянный палец левой руки кольцо с ослепительным бриллиантом, и я ответила «да». Клянусь, в ту самую минуту я видела *его* лицо.

Он преследовал меня как привидение – мой личный полтергейст.

Я знала, что это был не совсем он. И, хотя, мой психотерапевт часто напоминал мне об этом, каждый раз, когда я видела кого-то, напоминающего мне *его*, сердце начинало учащенно биться, а легким не хватало воздуха.

Цвет волос или похожая манера смеяться – и миллион мурашек пробегал по моему телу.

Сегодня это был костюм.

Сшитый на заказ, темно-серый, в тонкую полоску. Этот стиль был его любимым, и хотя мужчина в нем ничуть не был на него похож, я по-прежнему не могла пошевелиться, замерев в центре дворика.

Словно заледенела, не в силах двинуться с места.

Потому что невозможно забыть такого человека, как Август Кинкейд.

Нет, ты можешь просто приноровиться к жизни без него, но, в основном, ты не живешь, а выживаешь.

И это именно то, чем я занималась последние два года.

Выживала.

— Эй, ты снова отключилась. С тобой все хорошо? — спросила Сара.

Я осмотрелась, и мир снова ожила. Дети бегали и просили мороженого, подростки смеялись и флиртовали по пути к автобусу. Запах булочек с корицей смешался с запахом дешевой китайской еды, пока люди толкались и пинались, выстраиваясь в ужасно длинные очереди. Жизнь вокруг меня завертелась, когда я вернулась на землю.

— Да, я в порядке, — заверила я ее. На красивом лице Сары явно светилось недоверие. Она вскинула руку, будто хотела обнять меня, но передумала.

— Ладно, — ответила она, сдаваясь. Сара знала, что я не стану говорить об этом.

Никогда не говорила.

У каждого есть что-нибудь слишком сокровенное, чтобы делиться этим. К этому относились и определенные воспоминания о моем прошлом.

Сара знала, что я чудачка, но все же, по каким-то причинам стала со мной дружить. Мне кажется, это наша общая черта. Мы познакомились в комнате ожидания моего терапевта. Сара лечила булимию (*прим. пер.: Булимия – заболевание, в основе которого лежит нервно-психическое расстройство, проявляющееся в неконтролируемом потреблении пищи, сосредоточенности на еде, калориях, весе*), так, по крайней мере, она говорила. С тех пор как она достигла возраста, когда получают право голоса, ее мучили различные расстройства пищевого поведения. Девушка винила в своей болезни учителя танцев, который считал, что она недостаточно стройная, чтобы быть балериной.

— Когда твоя самая большая мечта – это быть Принцессой Лебедь из «Лебединого озера», приходится чем-то жертвовать, — безапелляционно заявила мне она в тот день в приемной. Сара существовала со своими проблемами. Годами она шла к своей мечте, а в этом году наконец-то станет Принцессой Лебедь, которой всегда мечтала быть, полностью контролируя то, что она называла: «терпимыми недостатками».

А я?

Что ж, мне кажется, у всех в жизни есть неразрешимые проблемы. У некоторых есть видимые недостатки, которые отражаются в зеркале, до которых можно дотронуться рукой, которые можно измерить по определенной шкале. У других, например у меня, есть воспоминания, от которых просыпаешься среди ночи, которые преследуют, когда бодрствуешь, превращая правильное и хорошее в нечто другое.

Я сомневаюсь, что когда-нибудь наступит счастливый конец и появится радуга после ненастяя, которая волшебным образом излечит меня.

Но я старалась. Райан изменил мой мир, перечеркнув все мрачные перспективы в будущем. Теперь я видела возможности, а раньше могла видеть лишь кромешную тьму. Он вернул мне надежду и свет в мою жизнь, избавив от печали. Не было и дня, чтобы я не испытывала благодарность за то, что он настойчиво меня добивался.

Я не из тех, кого легко прижать к стене, так, по крайней мере, он утверждал.

— Так ты готова? — спросила Сара, схватив меня за руку и пытаясь оттащить от лотков с замороженным йогуртом и жареной еды.

— Как всегда, — вздохнула я, последний раз взглянув на выход.

— О, ну ладно. Большинство девушки бы были рады. Черт, я так долго ждала этого дня!

— Тогда скажи, что ты — это я, — взмолилась я, когда мы завернули за угол, и мой взгляд замер на ярко освещенном указателе на краю пешеходной дорожки. Я почувствовала, как во мне зарождается стон где-то глубоко в легких, который затем вырвался, чтобы выразить мое раздражение.

— Эверли Адамс. Ты не свалишь все это на меня! Это твой день, и ты будешь им наслаждаться!

— Я думала, мой день уже был несколько месяцев назад, — пошутила я.

— Как у стыдливой нареченной, у тебя будет много времени. Пора бы уже привыкнуть.

Я снова застонала, поглядывая на огромные витрины, за которыми было больше тюля и стразов, чем я видела за всю свою жизнь.

— Нам следовало просто сбежать.

***

— Оно ужасно, Сара, — пожаловалась я, выйдя из примерочной в платье, стиль которого был чем-то средним между стилем «Русалочки» и невест из триллеров Альфреда Хичкока.

— Оно прекрасно! Последний пик моды, — практически завизжала подруга, сложив ладони как ребенок, которому дали леденец на ужин. — Только посмотри, как ткань собрана, создавая иллюзию, что на подоле маленькие перья. Так драматично.

— Предполагается, — сказала я, указывая на икры, — что я смогу двигаться в платье. Это называется хождение. А в этом я выгляжу глупо!

— Хождение слишком переоценивают. Кроме того, как много ты планируешь ходить в этом платье? — Сара закатила глаза, опустившись на колени, чтобы повозиться с подолом. Кончилось тем, что тюля — или как там называется эта воздушная ткань — стало вдвое больше.

— Вот, идеально.

— Я это не надену, — твердо заявила я, пытаясь смотреть куда угодно, только не в сторону трех зеркал, отражающих мой глупый вид. — Выбери другое. И, ради всего святого, выбери что-то менее... ну, менее в твоем стиле.

Я еще раз предприняла попытку зайти в примерочную. Моя походка больше походила на ковыляние. Когда я добралась до нее, ко мне присоединилась консультант. При всем желании, я не смогла бы сама избавиться от этого безобразия, надетого на меня.

— У вас милая татуировка. Довольно необычная, — сказала мне женщина, стоя за моей спиной и снимая все булавки, которые удерживали платье. На моей стройной мальчишеской фигуре плохо сидели демонстрационные размеры. Узкие бедра и маленькая грудь вынуждали меня носить размеры, ради которых другие женщины готовы были умереть, но недостаток упомянутых частей тела иногда злил. Очень.

Особенно при примерке свадебного платья. Или чего-нибудь отдаленно женственного. Я чувствовала себя как мальчик, не достигший полового созревания, который прикидывается трансвеститом, нежели красивой, зрелой женщиной.

— Спасибо, — неловко ответила я, когда моя рука инстинктивно дернулась к плечу, чтобы коснуться той частички себя, которую я от всех скрывала. Зеркальные стены позволяли рассмотреть себя со всех сторон, подчеркивая каждый резкий изгиб и выступающую сторону, открывая строгие черные линии ветвей, обвивающие мою спину и плечо.

— Почему птица не улетает? Она свободна, — рассеянно спросила женщина и склонила голову набок, уставившись на клетку, вытатуированную на моем правом плече. Она была затейливой и красивой, висела на голой ветке, дверца широко распахнута, давая возможность всему миру рассмотреть маленькую птичку внутри.

— Может, она не готова, — быстро ответила я, отвернувшись.

— Ладно, я нашла другое платье, Эверли. И я обещаю, ты в него влюбишься! — разрывая своим мелодичным голосом чары, которые окружили нас, прокричала Сара, чем напугала нас обеих. Консультант выпрямилась и быстро повернулась, а я отступила в угол и схватила атласный халат. Я как раз подвязала его на талии, когда открылась дверь и вошла Сара.

— Скажи, что любишь меня, — сказала та и провальсировала в примерочную, держа в руках платье цвета слоновой кости в стиле «ампир», с небольшой отделкой воротника бисером, с полным отсутствием тюля и органзы.

— Мне кажется, я люблю тебя, — ответила я, а мои глаза расширились, когда я осознала, насколько платье элегантно. Простое и сдержанное. Такое, как я хотела.

— Давай, примерь, — предложила она, вручив его консультанту, которая двинулась ко мне навстречу.

Кивнув, я согласилась, зная, что в этом нет необходимости.

Оно было идеально, и когда я осмотрелась в комнате, то поймала взгляд маленькой птички на моем плече. Той, которая слишком боялась улететь из клетки и познать мир за ее пределами.

Скоро я тоже буду идеальной.

По крайней мере, постараюсь.

***

— *Ты моя, Эверли, — прошептал он. — Моя и только моя. Мне принадлежит каждая твоя частичка, каждый дюйм твоего тела, каждый твой вздох. Ты. Принадлежишь. Мне.*

— Эверли, — пробормотал другой голос. — Эверли, проснись. Ты снова уснула на самом интересном месте, — засмеялся Райан.

Я распахнула глаза и повернула голову, устроившись поудобнее у него на груди, в попытке скрыться от света телевизора.

— Эй, соня, — сказал он, покрепче прижав меня к своему телу. — Никогда не догадаешься, кто сейчас стал солдатом года, — пошутил он, склонив голову настолько близко, что я почувствовала его горячее дыхание на шее.

— Я видела это сюжет много лет назад, — ответила я, прикрывая зевок рукой и выпрямившись в его объятиях.

— Как всегда.

— Ничего не могу с этим поделать. Сюжетные линии всегда слишком предсказуемы.

— А если бы ты написала сценарий, — произнес он, мягко откинувшись с мальчишеской улыбкой, осветившей его лицо, — что бы ты изменила?

— Не знаю, я ведь не сценарист, — ответила я, пожав плечами.

— Может тебе стоит попробовать? — он вскинул брови, вынуждая меня ответить.

— Ну и кто сейчас предсказуем, Райан? — раздраженно спросила я, встав с удобного места на диване, чтобы создать необходимую дистанцию между нами. — И в самом деле? Сценарист? В следующий раз предложи что-нибудь менее глупое. Ты когда-нибудь видел меня с ручкой? Или сидящей за компьютером?

Что бы не происходило в моей жизни, мне было необходимо пространство.

К несчастью, наша квартира не была такой уж большой, но в этот момент даже футбольное поле или два были слишком малы.

— Я не хочу начинать спор, Эв, но просто подумай об этом.

— Я думала об этом, — ответила я и ушла на кухню, когда замерцал свет. Я открыла холодильник и схватила бутылку воды. С трудом открыв крышку, опрокинула бутылку и залпом выпила половину. Вода, определенно, не являлась моим излюбленным напитком, но у меня не было терпения, чтобы искать что-то еще.

— И что ты решила? — осторожно спросил Райан, вставая с дивана, чтобы сесть рядом со мной за стойкой на кухне.

— Что я до сих пор думаю, — я вздернула голову, пытаясь не смотреть ему в глаза.

Здесь не было моей вины.

Райан медленно и протяжно вздохнул, и я не стала нарушать молчания, повисшего между нами. Я поставила наполовину пустую бутылку на стол. Быстрая вспышка света привлекла мое внимание, когда я повернула голову и посмотрела на свою левую руку, наблюдая за тем, как верхний свет отражается от маленького бриллианта, расположенного в центре тонкого золотого кольца.

Три недели назад Райан предложил мне выйти за него замуж, я сказала «да».

Несмотря на все, что он пережил от меня — холодное безразличие и бесконечные отказы — он любил меня. Райан принял меня даже после того, как я призналась ему, что какая-то часть меня останется навсегда недосягаемой. Такой, какая я есть.

И с тем, что я готова была ему дать.

— Я снова просмотрела брошюры, — призналась я, протягивая ему «оливковую ветвь», и снова взяла свою бутылку. Его теплая улыбка вернулась, и Райан положил свою руку поверх моей, которая сжимала бутылку.

— Я просто хочу, чтобы ты добилась успеха. Во всем, за что бы не взялась, Эв. Черт, по мне, ты можешь быть специалистом по плетению корзин. Я просто хочу, чтобы ты чувствовала, что у тебя есть цель в жизни, вместо того, чтобы работать в магазине кофе, который ты никак не хочешь бросить.

— Я знаю, поэтому люблю тебя, — ответила я, чувствуя, что он не сводит с меня глаз. Желая быть ближе к нему, я вышла из кухни и подошла к столу, за которым он сидел, чтобы обнять его.

Райан прижал меня к себе, и я ощущала себя снова в безопасности.

— Я делаю не плохой кофе, — сказала я, усмехнувшись.

Он приподнял мой подбородок, вынуждая посмотреть в его темно-карие глаза.

— Знаю. Думаешь, почему я возвращаюсь сюда каждый божий день? Дело не в твоем очаровании.

— Я думала, дело в моей попке, — я засмеялась и покачала ей, в то время как он обхватил мои щеки руками и сжал их.

— Ах, да. Попка порно звезды и рот как у мима. Неважно, как сильно я старался, я мог бы никогда не разговорить тебя.

— Такой милый болтун. И, вообще, меня предупреждали, что нельзя говорить с незнакомцами, — сказала я, сразу же возненавидев себя за это. Я медленно опустила голову,

в животе что-то перевернулось, а в голове пронеслись нежеланные воспоминания из прошлого.

— Я никогда и ни за что не хочу снова видеть, как ты говоришь с другим мужчиной.
Ты поняла меня, Эверли?

Эти слова прокручивались у меня в голове, и я пыталась вытряхнуть их. За прошедшие два года я пережила много подобных моментов. Взгляд, случайная фраза – все, что угодно могло спровоцировать их. Я научилась распознавать симптомы и быстро реагировать на них.

Настолько быстро, что, казалось, Райан ничего не замечал.

— Ну, — начал он, улыбаясь, и запустил руки мне под блузку, — в конце концов, ты не выдержала осаду. И теперь ты моя.

На моем лице появилась слабая улыбка за секунду до того, как его губы коснулись моих.

Не важно, как сильно Райан любил меня.

Не важно, как сильно я любила его в ответ.

Я никогда и ни за что не смогу принадлежать другому.

Никогда в жизни.

***

Фильм был надолго забыт, как и наши вещи.

Они были разбросаны по всей квартире, образуя тропинку к спальне. Небольшие частички распутства.

— Эй, еще рано, может, закажем пиццу? — прокричал Райан из душа, и я глубоко вздохнула, глубже зарывшись под одеяло.

— Для этого мне придется вылезти из кровати? — жалобно проговорила я, скользя ногами по гладким простыням. Райан всегда говорит, что со стороны похоже, будто я плаваю в пастели.

Пока я росла, у меня никогда не было хороших простыней. Черт, иногда в детских домах не давали вообще никаких простыней – только покрывало и грязный голый матрац.

Шикарные. Простыни из египетского хлопка были тем, к чему я никогда не привыкну, сколько бы раз мои ноги не касались их. Каждую ночь я ныряю в кровать и наслаждаюсь ощущением гладкости.

Как и Райан, это приносило мне покой и чувство защищенности – я не могла решить, что из этих двух вещей важнее в моей жизни.

— Пожалуйста, детка. Я голоден. Очень, очень голоден, — сказал Райан, просунув голову в дверь ванной. Уголки его губ опустились, делая его моложе. Я засмеялась, не в силах противиться его мальчишескому обаянию.

— Ладно, ладно, — ответила я, вытянувшись в последний раз перед тем, как встать и схватить одежду.

— А хотя, мне, пожалуй, сначала нужно сжечь еще несколько калорий, — решил Райан, выйдя из ванной в одном полотенце. Его загорелое тело было влажным и скользким после душа, я не могла удержаться, чтобы не прикусить губу, заметив, как маленькая капля воды скатилась вниз по его широкой груди.

Кто бы мог подумать, что ботаники такие горячие?

Его взгляд становился жарче, когда он начал приближаться, а я наблюдала за тем, как на пол полетело полотенце. Я отступила назад, уперевшись в край кровати.

Наши тела прижались друг к другу, когда Райан обхватил мою голову, пытаясь запрокинуть ее.

— Я люблю тебя, Эверли. Я так тебя люблю, — прошептал Райан, касаясь моих губ своими. Я застонала в ответ, чувствуя, как каждый напряженный дюйм его тела прижимается ко мне.

Он, как всегда, нежно опустил меня на кровать, заботясь обо мне. Когда моя голова коснулась подушки, я услышала, как по всей квартире раздался звонок телефона.

Райан покачал головой.

— Не обращай внимания, — сказал он.

Я слегка оттолкнула его за плечи, умоляя позволить мне ответить.

— Это не может быть важным, Эв, — сказал он, его глаза расширились от изумления.

— Я здесь.

Я закатила глаза и схватила свою одежду по пути в гостиную.

— Это может быть Сара, — ответила я. — У нее сегодня первая репетиция.

Я ответила на звонок, не узнав номер, и замолчала.

— Детка, — позвал Райан, стоя в дверном проеме. — Возвращайся в постель. Что бы это ни было, это может подождать.

Я не слушала. Вместо этого, я ответила и услышала слова, мечтая, чтобы они оказались неправдой.

— Мисс Адамс? — произнесла женщина на другом конце.

— Да, — ответила я.

— Это доктор Лоуренс из больницы «Святого Маркуса».

Мое сердце неровно забилось, и я поискала опору, чтобы устоять на ногах. Я знала, что это произойдет. Это было неизбежно, как грузовой поезд в полуночи, который светился вдалеке... я знала, что должно произойти.

Кто должен произойти.

— Он очнулся.

Телефон упал на пол за секунду до меня, и мир погрузился во мрак.

Глава 2

Август

— Мне нужен доктор! — прокричали где-то рядом. Я чувствовал, как мои легкие расширяются, вбирая воздух. — Дыши! Посмотри на меня! — закричала женщина снова. Я открыл глаза, и ослепляющий белый свет обжег сетчатку, из-за чего я не смог четко разглядеть помещение. Инстинктивно подняв голову, я пытался зафиксировать ее в этом положении, но потерпел неудачу.

— Я сестра Эми. Вы знаете, где находитесь? — спросила она. — Вы очень долго не разговаривали — горло будет саднить. Пожалуйста, не пытайтесь говорить.

Очень долго? Сестра?

Я моргнул, огляделся вокруг, пытаясь найти точку, на которой мог бы сосредоточиться. Размытые белые стены стали четче, когда я посмотрел на свое искалеченное тело, накрытое накрахмаленным, выцветшим одеялом. Пошевелил рукой и услышал, как она захрустела, словно ветви старого дерева. Перевел взгляд на свою ладонь и заметил тейп (*прим. пер.: Тейп — клейкая лента из ткани, напоминающая лейкопластырь, используемая для фиксации или поддержки суставов*), намотанный вокруг локтевого изгиба — может, для капельницы?

— Сэр, с вами все в порядке? Вы понимаете, что я вам говорю?

Я посмотрел на сестру Элли или Эми, молодую блондинку, обеспокоенно смотрящую на меня и, возможно, пребывающую в легком шоке. Я кивнул, прищурив глаза в попытке оценить ее внешность. Знал ли я ее?

— Вы знаете, где находитесь? — повторила она. — Просто кивните головой, да или нет.

Я отрицательно кивнул, чувствуя, как напряжены мышцы шеи.

Сразу после этого в дверном проеме появился мужчина постарше, в белом халате и костюме хирурга.

— Вы звали его доктора, — сказал он отсутствующим тоном, просматривая медицинскую карту и медленно входя в палату. Он поднял глаза и встретился со мной взглядом. — Боже милосердный! — прошептал он, с лязгом уронив папку на пол. Оставив кипу бумаг там, куда она упала, он прошел вперед с застывшим на лице выражением удивления, сосредоточившись полностью на мне.

— Я снимала показания приборов, и он внезапно сделал глубокий вдох. Я подумала, он умирает, но затем он открыл глаза и полностью пришел в себя. Я никогда о таком не слышала раньше.

Мужчина просто таращился на меня, не веря своим глазам.

— Доктор, с вами все в порядке? — спросила сестра, с беспокойством глядя на пожилого мужчину. Его седые брови сошлись на переносице, а застывшая фигура была повернута в мою сторону.

— Да. Да, разумеется. Нам необходимо проверить все показатели прямо сейчас, — сказал пожилой мужчина, по-прежнему находясь в неком подобии транса. — Невероятно, — продолжил доктор, в то время как я не сводил с него взгляда, а молодая сестра стояла надо мной, будто я являюсь последствием какого-то безумного научного эксперимента.

Внезапно это меня насторожило.

Сестра поспешила ретироваться, и неожиданно я остался наедине с пожилым доктором.

— Вы помните, как попали сюда? — спросил он, подвинув стул к кровати. Мужчина сел, положив папку на колени, спокойно согнув ноги и приготовив ручку для записей.

— Я... — это единственное слово поцарапало мне горло, словно наждачная бумага, и вызвало внезапный приступ кашля, которому не было конца.

Я почувствовал, как рука доктора приподняла меня и похлопала по спине, в попытке помочь мне.

— Не торопитесь, — сказал мужчина, подойдя к раковине. Он вернулся несколько секунд спустя с бумажным стаканчиком, наполненным водой.

— Сначала только маленькие глотки, — подсказал доктор, когда я поднес стаканчик к губам. Этот процесс, хоть он и должен был быть мне знакомым, оказался чем-то неловким и новым. Руки тряслись, а ладони быстро устали от напряжения. Я с трудом нашел свой рот и был вынужден смотреть вниз, чтобы не промазать, капли воды пропитали тонкую больничную пижаму.

Я был как ребенок. Слабый, беспомощный ребенок.

Однако прохладная вода немного успокоила мое раздраженное горло и доставила такое необходимое мне облегчение, что, в конце концов, я нашел силы на слова, которые хотел произнести с тех пор, как открыл глаза.

— Я... ничего... не помню, — сипло ответил я, эта правда причиняла больше боли, чем я испытывал физически.

***

Ничего.

Моя прошлая жизнь была нескончаемым туннелем забытья, которому не было ни начала, ни конца. Не было взлетов и падений, никаких признаков, которые подсказали бы

мне, какие извилистые повороты ждут меня в будущем. Не было ничего впечатляющего – никаких кратких записей, чтобы напомнить мне, что происходило.

Все сжалось до одного единственного слова.

Ничего.

Неважно, как много вопросов они зададут, ответ останется неизменным.

Я не помнил абсолютно ничего.

Что я мог с этим сделать?

Доктор – он представился Лоуренсом – сказал, что память может вернуться со временем. Я спросил, с какой вероятностью это может произойти.

Он честно ответил, что не знает.

— После определенного количества времени, шансы, что пациент восстановит память после травмы головы, подобной вашей, становятся все меньше. Мы на самом деле не знали, очнешься ли ты когда-нибудь, Август. Это большая редкость. В этой отрасли медицины мы идем вслепую.

Август.

Так меня зовут – Август Кинкейд.

Но это имя ничего не сказали мне о том, каким я был человеком – какую жизнь я вел. Я мог бы сказать, что никогда в жизни не чувствовал себя таким потерянным и одиноким... но было ли это правдой?

Мои глаза теперь уже привыкли к флуоресцентному свету лампы надо мной, и я уставился в пространство, пытаясь понять, как мне найти смысл в этой новой реальности. Мой взгляд переместился к окну, где передо мной распостерся город.

Медсестры объяснили мне, что я нахожусь в Сан-Франциско. Когда посмотрел на город, тот показался мне чужим и холодным. Ничего не выделялось. Действительно ли я жил здесь?

Дверь со скрипом открылась, когда сестра Эми снова вошла в палату.

— Я принесла вам кое-что из еды. К сожалению, это всего лишь яблочный мусс и бульон, но это только начало, — сказала она с нежной улыбкой, поставив передо мной поднос. — Еще я нашла ящик с вашими вещами, не хотите взглянуть?

— Вещами? — переспросил я, мое внимание полностью переключилось на маленьющую картонную коробку в ее руках.

— Да. Когда вас привезли, с вами были кое-какие вещи. Мы положили их в коробку... ну, я положу это здесь.

Доктор сказал, что на меня было совершено покушение – ограбление, но он не рассказал мне подробности. Он сказал, что сейчас лучше начать с чего-то общего.

Положив коробку на кровать рядом с моей ногой, она отвернулась.

— Эми, — тихо позвал я, желая узнать что-нибудь еще... все, что угодно.

— Да? — ответила она, повернувшись обратно. Ее янтарные глаза наполнились сочувствием.

— Кто-нибудь приходил, чтобы навестить меня? Семья, друзья – кто угодно?

Она сжала губы и опустила голову.

— Нет, сэр. Никого не было, пока я здесь работаю.

— А как долго вы здесь?

— Я работаю в этом крыле чуть больше года, сэр.

Я проглотил огромный ком в горле и быстро поблагодарил ее. Услышав, как дверь за ней захлопнулась, я снова посмотрел в окно на тысячи улиц и домов внизу.

Доктор Лоуренс сказал мне, что я «спал» чуть больше двух лет – двадцать шесть месяцев, если быть точным. Это было похоже на сон во время путешествия на самолете, когда пилот разбудил тебя через три часа полета в пункте назначения – только ты до сих пор застрял в самом начале и удивляешься, почему ненесут твои напитки и орешки. Казалось, все произошло в мгновение ока, потому что ты спал все время.

Я потерял два года своей жизни – жизни, которую я не помнил. Жизни, частью которой никто не хотел быть.

Я уже кое-что узнал о том, что я из себя представляю.

Ни семьи, ни друзей – я был либо одиночкой, либо мудаком. Я даже не знал, что хуже.

***

У меня тряслись руки, когда я положил коробку на колени, приготовившись к тому, что может в ней скрываться. Я нервничал, и меня тошило в предвкушении. Внезапно мне захотелось убежать, но куда мне было идти? И как бы я мог добраться туда? Для того чтобы пошевелить ногой, мне требовалась большая сосредоточенность, чем мне хотелось бы признать, и я по-прежнему был прикован к сотне наблюдательных устройств.

Коробка словно уставилась на меня в ожидании... гадая, когда, наконец, я надорву край и раскрою тайны, которые она скрывала так долго.

Что если мне не понравится то, что я найду? Что если так?

Глубоко вздохнув, я положил руку на край коробки и отодвинул ее, осознавая, что только так можно внести ясность.

Все было аккуратно сложено внутри, там были вещи, бумажник и кое-какие другие принадлежности. Я немедленно взял бумажник, зная, что там будет больше всего информации. Хотя я многое забыл, мои пальцы прошли по гладким краям из мягкой кожи, когда я попытался открыть бумажник.

Там на меня пристально всматривалось мое собственное изображение. Благодаря тому, что напротив, рядом с раковиной, висело зеркало, я пару раз замечал свое отражение, с тех пор как пришел в себя несколько часов назад.

Мужчина, который смотрел на меня с фотографии на водительском удостоверении штата Калифорния, был совершенной противоположностью тому человеку, которым я был сейчас.

Холодные, пустые, зеленые глаза смотрели сквозь меня, будто мир и все в нем принадлежали ему. Мужчина на фото был одет в накрахмаленную белую рубашку, безупречный зеленый галстук и пиджак, но на его лице не было улыбки, которая затронула бы глаза – ни тени эмоции. Мои на этот момент длинные, неопрятные волосы на фото были аккуратно и коротко подстрижены, как подобает безупречной персоне, которую можно было разглядеть даже на маленькой фотографии.

Мое внимание переключилось на адрес.

1023 Си Клифф Лайн, Сан-Франциско.

Я посмотрел в окно, пытаясь разглядеть что-нибудь за оконным стеклом, то, что могло бы напомнить мне о жизни, которой я жил раньше.

Сан-Франциско.

И хотя информация на водительском удостоверении подтвердила слова сестры, я по-прежнему не чувствовал связи с городом внизу. Ничто меня не звало, ничто не привлекало внимания.

Был ли там кто-нибудь, кто помнит мое имя?

Я продолжил копаться в кошельке и нашел две сотни долларов наличными, несколько кредитных карточек и несколько членских карт в общества, о которых я никогда не слышал, но в которых, очевидно, состоял.

Или больше не состоял.

Что происходит с твоей жизнью, когда ты в коме? Испаряешь ли ты? Прекращает существование или жизнь все-таки продолжается? Я смотрел на адрес, указанный на водительском удостоверении, и гадал, есть ли у меня до сих пор дом... банковский счет? Я не умер, но кто оплачивал мои счета все эти два года?

Были ли у меня деньги, чтобы оплачивать?

Черт.

Внезапно я снова захотел впасть в кому и никогда не просыпаться.

А затем я увидел ее.

Это было похоже на мираж, просто край фотографии, выглядывающий из бумажника – копна волос, которая приковала мое внимание к фото.

На заднем фоне у нас был мост «Голден Гейт», на фото был образец меня намного моложе и беззаботнее, который сжимал в объятиях девушку, и внезапно мир перестал казаться таким одиноким. Медно-рыжие волосы спускались вниз по спине как огненная грива. Ее светло-голубые глаза сверкали, словно она скрывала тайны, которые ждали своего часа. В своих глазах я не увидел неподвижного вакуума пустоты. Я видел ее, отражающуюся сполна – любовь, сияющую между нами.

Я перевернул фото, надеясь, что что-нибудь... что угодно напомнит мне, кем была эта девушка.

Там не было ничего, кроме даты и имени.

Август и Эверли – 2005

Эверли.

У нее было имя.

Теперь мне оставалось лишь найти ее.

Глава 3

Эверли

Я чувствовала успокаивающее прикосновение руки ко лбу, и мои глаза затрепетали – именно в этот момент реальность обрушилась на меня, и я выплыла из глубин подсознания.

Август пришел в себя.

О, Боже. Знает ли он?

Найдет ли он меня?

Я вскочила, едва не сбив с ног Райана. Сердце билось в груди с неимоверной скоростью, в то время как реакция «бей или беги» взяла верх.

Слишком слаба, чтобы бороться. Нужно бежать.

Необходимо уйти.

Ни при каких условиях не следовало оставаться.

Мне нужно было уехать. Мне необходимо было уехать очень, очень далеко, как я и хотела. Но планы имеют обыкновение рушиться, и когда мое дыхание выровнялось, а глаза снова открылись, я поняла причину, по которой мои планы изменились. Сейчас эта самая причина смотрела на меня с выражением озабоченности и любви, написанных на его лице.

— Все в порядке, — мягко сказал Райан и прижался ко мне, нежно убирав локон с моего лица. — Я здесь. Все будет хорошо, Эв.

Слезы застилали мне глаза, и я пыталась не дать им пролиться. Райан сжал меня в объятиях, а я не сопротивлялась, хватаясь за его плечи, словно это железный якорь. Мне казалось, что кто-то только что всучил мне тяжелейший груз, потому что все волнения и паника, которые я пыталась забыть последние два года, обрушились на меня.

Все это сейчас всплыло на поверхность. Сразу.

— О, Боже, Райан. Я не могу это сделать, — прокричала я.

— Ты ничего не должна делать. Никто не заставляет тебя делать что-либо против воли, Эверли. Он очнулся, и это ничего не должно значить для тебя.

Я знала, что Райан не имел в виду ничего плохого, но он не понимал. Никогда не мог понять.

— Я не могу жить в мире, где живет он, Райан, — прошептала я, когда стены вокруг меня стали сжиматься. Паника наполнила мое существо, заставляя прижать колени к груди, и я начала биться в руках Райана. Слезы катились по моим щекам, а я чувствовала себя все хуже, осознавая, что Август всего лишь в нескольких милях от меня и становится сильнее с каждой минутой.

Сколько пройдет времени, прежде чем он придет за мной? Сколько пройдет времени, прежде чем он найдет меня и разрушит маленькую вселенную, которую я создала? Что будет дальше?

— Нет, ты можешь, — уверенно сказал Райан, повернув меня в своих объятиях и вырвав из пучины нарастающей паники, зародившейся в моей голове. — Это ничего не меняет.

Я покачала головой, с трудом соглашаясь с ним. Единственная причина, по которой я продолжила жить дальше без него, заключалась в том, что я убедила себя, что его больше нет. Навсегда.

Отрицание и в самом деле действовало против меня.

— Что случилось... после... я имею в виду, ты расспросил врача?

Я почувствовала, что Райан кивнул.

— Я повесил трубку, чтобы позаботиться о тебе, но после того как уложил тебя в постель, я ему перезвонил.

— Что он сказал? — спросила я, затаив дыхание в ожидании ответа.

Райан отстранился, наши глаза встретились, когда он начал убирать непослушные волосы с моего лица. В его голосе была теплота и нежность.

— Он хочет увидеть тебя.

Страх заполнил меня, и я немедленно вырвалась из объятий, нуждаясь в пространстве, потому что комната опять начала сужаться вокруг меня.

Бежать. Необходимо бежать.

— Я не могу, — с трудом выдавила я, пытаясь встать. — Я не буду.

— Никто не заставляет тебя, Эв. Я уже сказал доктору Лоуренсу «нет».

Я напряглась от его слов и замерла в центре гостиной.

— Ты не имел права! — закричала я. Злость заструилась по моим венам, и я начала размахивать руками. Райан смотрел на меня так, будто я сошла с ума, и, возможно, он был прав.

— Что ты несешь? — закричал в ответ Райан. — Ты хоть отдаешь себе отчет, как выглядишь сейчас? Как ты можешь говорить такое, когда знаешь, что я прав? Ты не должна ни в коем случае навещать этого парня. Он монстр.

— Это мне решать, Райан! — прошипела я. — Я уже достаточно времени в своей жизни провела с человеком, который считал, что может принимать за меня решения. Больше я этого не хочу.

Он беспокойно провел руками по волосам.

— Я просто пытался защитить тебя.

Глубоко внутри я знала, что Райан прав, но часть меня – полностью разрушенная часть, которая кривилась от возмущения каждый раз, когда он повторял такие слова как «моя» или шутливо говорил «не вздумай снова так поступать» – ненавидела быть защищенной. Мне нравилась безопасность, которую я чувствовала, находясь в его объятиях, но это была любовь другого мужчины, и ошеломляющая потребность защищать приводила меня в замешательство, в котором я прибывала.

— Мне нужен воздух, — в конце концов, сказала я, покачиваясь, направившись к входной двери нашей квартиры.

— Пожалуйста, не уходи обозленной, Эверли, — умолял он.

— Я не злюсь, просто мне нужно время.

— Ладно, — ответил Райан, в его голосе слышалось несогласие и поражение. Он научился не спорить со мной, когда я произносила эту фразу. Это было моим способом взять паузу. Мне просто нужно было уйти, и я пыталась не слишком размышлять о том, что я имела в виду.

Я не знала, как долго брожу по городу. Все проходило мимо меня, пока я не оказалась на знакомом месте у моста. Наступала весна, и на берегу расцветали дикие цветы. Так же как и остальной Сан-Франциско продолжал жить своей жизнью, новая жизнь зарождалась на склонах холмов.

С этого места все выглядело намного проще.

Мост «Голден Гейт» стремился ввысь к небесам, его красные опоры резко контрастировали с серовато-голубым небом. Когда я нашла свободное место среди крошечных кустов, то протянула руку. Мост, казалось, был так близко, его громадный размер делал его заметным отовсюду. Но мои ладони ощутили лишь холодный воздух. Больше ничего. Могучий мост остался на своем прежнем месте, как всегда, надежный и безопасный.

Я приходила на это место с тех пор как была обездоленным ребенком, переезжая из одного детского дома в другой, гадая, когда мои настоящие мама и папа, наконец, спасут меня из этого ада, к которому я уже начала привыкать. Я гадала, как много беспризорных детей, втайне наблюдали за Энни поздно вечером, надеялись, что им повезет так же, как и этой маленькой рыжей певице, но, в конце концов, оказалось, что мечты, подобные этой, никогда не сбываются наяву, и герои в реальной жизни не всегда оказываются теми, кем вы ожидаете.

Думаю, что в какой-то момент я могла бы выяснить, почему меня отдали в детский дом, но после стольких лет, когда меня считали обузой, мне стало все равно. Эта энниподобная мечта со временем просачивается как грязное машинное масло, и тебе

остаются лишь сожаления – сожаления, которые появляются, когда ты думаешь о том, как бы могла сложиться твоя жизнь, если бы кто-то другой был твоими настоящими родителями. Кто-то добный и любящий – кто-то лучший.

Я думала, что Август и есть этот лучший. Оказалось, что он лишь другая версия худшего.

***

Мне было девятнадцать, когда мы познакомились. Я зависала в ночном клубе – я была слишком молода, чтобы пить, слишком молода для многоного, что происходило той ночью – и, когда я увидела его, то подумала, что он рыцарь в сияющих доспехах, которого у меня никогда не было.

По крайней мере, я так представляла себе рыцаря.

Он был на четыре года старше меня, но на тот момент Август выглядел более зрело и искушено. Ему было двадцать два, и он мог пить, не нарушая закон, и свободно входить в отели.

Это была любовь с первого взгляда. С обеих сторон. В тот самый момент, когда в клубе загромыхала музыка, и мы станцевали свой первый танец, мы стали одним целым.

У меня никогда не было матери. Или старших братьев и сестер. Иногда детям везет, и они в самом деле попадают в хорошие приемные семьи.

Но я не относилась к числу таких детей.

Я все делала правильно, и у меня на плечах была «светлая» голова – большую часть времени – но со мной рядом никогда не было человека, который бы сказал мне, что нужно быть поглощенным любовью и никак иначе.

За те месяцы, пока мы встречались с Августом Кинкейдом, я была поглощена. Настолько, что не понимала, где заканчиваюсь я и начинается он. Он стал для меня семьей, которой у меня никогда не было, любовником, о котором я всегда мечтала, и другом, который был мне необходим. Он был для меня всем. Август заботился обо мне и давал мне чувство безопасности. Он никогда не заставлял чувствовать себя ничтожеством и не позволял моему прошлому влиять на мнение обо мне. Август был всем, чего я когда-либо желала, и вскоре я уже не могла вспомнить, каково это, жить без него.

Мы могли бросить якорь в своей сказочной истории любви, и это был бы конец. Газеты напечатали бы объявление о нашей идеальной свадьбе, и оно было бы заключено в аккуратную уютную рамочку.

Но ничто связанное со мной не может быть аккуратным. И уютным.

И именно в этом месте обрывается моя сказка и больше начинает напоминать ночной кошмар.

За несколько лет нашего романа, Август достиг больших успехов в бизнесе – очень быстро. И если я спрашивала, чем он занимается, он лишь улыбался, трепал меня по голове и отвечал немного туманно и неоднозначно.

— Я биржевой брокер, ты знаешь это, — говорил он.

Но часть меня все равно беспокоилась, что его «бизнес» связан с чем-то противозаконным. Мне следовало прислушаться к той части – она оказалась умной дрянью.

С появлением богатства Август начал меняться. Стал более властным, более дотошным и более доминирующим. Случайный взгляд на вечеринке, и я внезапно оказывалась в комнате, где он трахал меня десятком разных способов, просто чтобы мне в голову не закрадывались сомнения, кому я принадлежу. Если посторонний мужчина смотрел на меня, Август немедленно приводил меня домой, как отбившегося от рук ребенка.

Моя сказка обернулась кошмаром, где я жила в постоянном страхе. Каждый день его поведение менялось в худшую сторону. Казалось, что успех сводит его с ума – толкает на странные маниакальные поступки, которые были следствием его убежденности в том, что все хотят добраться до него, и я являюсь их средством, чтобы добиться цели.

Вечеринки и общественные мероприятия ушли в прошлое, и я, в сущности, стала пленницей в собственном доме, без права куда-либо выйти, потому что он был параноиком.

— Ты моя. Только моя, — повторял Август снова и снова, прижав меня к стене и жестко входя в меня. — Я люблю тебя, Эверли. Навсегда.

Райан как-то спросил меня, почему я не убежала, почему не искала помощи.

Я знала ответ, но лишь покачала головой и сказала, что не знаю, избегая взгляда.

Потому что иногда правда слишком ранит.

***

— Ты не пересмотрела свое решение сегодня, Эверли? — спросила Табита успокаивающим тоном, который выводил меня из себя, но в этот раз он оказал противоположный эффект.

Я поджала под себя ноги и села в кресло с чашкой кофе в руках, обдумывая свой ответ. Во время терапии мы никогда не спешили с ответом. Думай, прежде чем сказать – так звучал девиз Табиты. И как бы я не презирала его и все, что было в этом месте, когда я вошла и увидела ее, сидящей передо мной со своими выющими седыми волосами и длинными струящимися юбками, мне пришлось признать, что он работает.

Благодаря этой женщине и ее способам утешения, я справилась с твердым как камень панцирем, в который заковала себя, когда Август исчез из моей жизни. Хотя его кома стала чем-то вроде спасения – вырвав меня из жизни, которой никто не должен жить – я внезапно оказалась в мире, в котором больше не понимала, как жить.

Как бы ненавистно не было это признавать, без него я была потеряна и одинока. Мир пугал меня и был слишком необъятным. Я хотела лишь вернуться в свою тюрьму и больше не выходить.

Но каким-то образом я нашла Табиту, решив однажды прогуляться, я нашла табличку с ее именем в небольшом районе, близко к тому, в котором мы сейчас живем с Райаном. Ее эклектичные способы и устаревшие взгляды сначала сбивали с толку, но скоро с ней я обрела дом, в который могу возвращаться раз в неделю.

Постепенно она указала мне направление в жизни. Я нашла работу в кофейном магазине неподалеку и несколько месяцев спустя встретила Райана. Я принимала каждый день таким, каков он есть, и, по сути, перестала гадать, когда жизнь снова рухнет.

Но затем это все-таки произошло – или должно было произойти.

— Эверли? Твое решение относительно посещения Августа? Что ты чувствуешь? — еще раз спросила Табита, возвратив меня к настоящему.

— Честно?

— Об этом я всегда и прошу, — проговорила она.

— Не знаю.

— Сомнения – это нормально.

— Даже сейчас? — спросила я, неуверенно прикусив нижнюю губу.

— В чем ты сомневаешься? — поинтересовалась Табита.

— Во всем. Что будет, если я не пойду? Придет ли он тогда, чтобы найти меня и захватить тот мир, который я создала для себя? Если я пойду навестить Августа в больницу, смогу ли избежать всего этого или лишь усугублю ситуацию? У меня такое чувство, что я увязла во всех этих чертовых сценариях «а что будет, если». Неважно, что я буду делать, он разрушит все в любом случае.

— Значит, ты думала о том, чтобы увидеть его? — спросила женщина.

— Да, — призналась я с отвращением.

— Тебе не нужно стесняться передо мной, — утешила она меня, ее мягкий голос успокаивал меня, за этим я и приходила к ней.

— Более того. Признавая это, я чувствую, что предаю Райана. Просто произнося эти слова, черт, даже думая об этом, мне кажется, что я ему каким-то образом изменяю.

Между нами повисло молчание, когда я выпалила это.

— Ты никогда не думала о том, что возможно именно эта точка в отношениях тебе нужна?

— Что ты имеешь в виду? Я поставила эту точку – ты была со мной. Ты держала меня за руку, когда я попрощалась с этим мужчиной, — я обхватила руками колени, как ребенок.

— Я знаю, но может тебе нужно услышать его или сказать что-то. Видеть его глаза, когда он говорит, — предположила она.

Сама мысль о том, чтобы увидеть Августа снова, приводила меня в ужас. Как он выглядит? Что он скажет? И как я отреагирую?

Мои руки тряслись, даже когда я думала об этом. Мне казалось, что моя жизнь превратилась в сущий ад.

И все равно, какая-то часть меня все еще хотела пойти. Возможно, чтобы сказать последнее слово или увидеть его больным и слабым в больнице... или, возможно, чтобы просто увидеть его после стольких лет.

Это пугало меня больше всего. То, что после всего была какая-то часть меня, где-то глубоко внутри, которая скучала по нему настолько сильно, насколько остальная часть меня ненавидела его.

***

Прием с Табитой закончился, и я уже несколько часов пялилась в чашку с холодным кофе, когда Райан вернулся после длинного рабочего дня в офисе.

Холодный кофе... такое расточительство.

— Кофе чем-то вывел тебя из себя? — спросил он, ослабляя свой галстук и кладя свои ключи и бумажник в стеклянное блюдо на столешнице.

— Я думаю о том, чтобы пойти в больницу, — выпалила я, не в силах посмотреть на него. Я выбрала трусливый выход из положения и продолжила снова и снова искать слова на дне чашки.

«Просто называй меня “Сакс”». Мне нравилась эта чашка. Она обычно заставляла меня улыбаться и хихикать, словно я ветреная школьница. Райан стонал и закатывал глаза из-за моего одержимого восхищения известной шотландской книжной серией.

Дверь в нашу комнату захлопнулась, красноречиво сказав мне то, что думает об этом Райан.

Определенно, в тот день мне не удалось бы то, что я задумала.

Немного позже мужчина вернулся, готовый к бою. Он был полностью собран, закатав рукава и глядя прямо перед собой. Райан никогда не уходил, когда дело касалось меня. Я же отталкивала его бесконечное количество раз, избегая аргументов и нуждаясь в воздухе, и все же он вернулся.

Райан всегда боролся за меня.

— Почему, Эверли, почему? После всего, через что мы прошли вместе, можешь ли ты оказать любезность и ответить мне?

— Мне нужно увидеть его.

Выражение опустошения на лице Райана разрушило мой мир, заставляя чувствовать себя худшим человеком во вселенной. Если бы за это давали премию, я вполне уверена, что вошла бы в тройку лидеров вместе с людьми, придумавшими палку для селфи и штаны, которые похожи на джинсы, но на самом деле являются пижамой. Весь бред вместе.

— Я хочу увидеть его, чтобы лично сказать ему, что между нами все кончено, что ядвигаюсь дальше, что выжила после всего, что он сделал со мной. Я не хочу, чтобы он вмешивался в нашу жизнь, Райан.

— Он этого не заслуживает, — выдавил парень сквозь сжатые зубы.

— Ты прав. Но мне это нужно, — настаивала я, эмоции захлестнули меня, когда я посмотрела на него.

Райан провел руками по своим светлым локонам и, в конце концов, кивнул.

— Ладно.

Я обняла его, позволяя ему думать, что он выиграл спор и благословил меня.

— Не обращай внимания на мелочи, — сказала мне как-то Табита, когда я пришла к ней и жаловалась, что Райан не опускает сидушку и не моет тарелки за собой. По-моему, эта ситуация из той категории.

Я пошла бы в больницу независимо от того, что Райан думает. Мне это необходимо. Заручившись его согласием, я просто облегчила ситуацию, но в любом случае я решила исполнить задуманное.

За меня больше никто не будет решать.

Глава 4

Август

Через несколько дней после моего чудесного пробуждения, я сделал еще несколько шагов к моему полному выздоровлению.

«Выздоровление». Вот как доктор Лоуренс называл это.

Скоро я должен был снова вернуться к обычной жизни. Словно рыба или дикое животное, которое возвращается в обычную среду обитания.

— Что я буду делать? — спросил бы я, как щенок, который ищет маму, направляющую его.

— Все, что пожелаешь, — ответил бы он.

Все, что пожелаю... Эта мысль вертелась у меня в голове, словно оторванная ветка, подхваченная ветром. Чего я хотел? Откуда мне было знать?

Я немногое узнал за последние три дня, но этого было достаточно, чтобы, по крайней мере, быть уверенным в том, что у меня была некая стабильность. Мой дом по-прежнему принадлежал мне.

В своей прошлой жизни я был богатым мужчиной. О моих финансах и поместье заботились, пока я был прикован к больничной койке.

Как? Мне было известно немного, но согласно отчетам, присланным моим поверенным, мне не о чем было беспокоиться. По крайней мере, у меня было место, куда я мог вернуться, когда врачи посчитали бы меня вполне здоровым и готовым к выписке. А до тех пор мне оставалось лишь праздновать то, что я перешел от яблочного мусса и куриного бульона к овсяной каше.

Мне было интересно, ненавидел ли старый я овсянную кашу так же, как и я нынешний.

Водянистый, безвкусный яблочный мусс внезапно показался мне не таким уж и плохим.

Оттолкнув тарелку с кашей, я схватил коробку с личными вещами, чтобы еще раз изучить ее. Открыл и рассмотрел каждый предмет в сотый раз, предпочтя зарыться в своем незнакомом прошлом, нежели находиться в неопределенном настоящем, в котором я внезапно оказался.

Доктор Лоуренс сказал, что мозг — это нечто интересное и сложное. Я не мог вспомнить ничего ни о себе, ни о жизни, которую вел в прошлом, но в то же время я знал обыденные факты, например, что такое «Старбакс» или когда состоялась война в Персидском заливе. Я понимал течение современной жизни, мог писать и говорить, но мне приходилось спрашивать, в какой день и год я родился.

Оказалось, что у меня был день рождения в прошлом месяце. Я разменял четвертый десяток, не устроив вечернику, чтобы отпраздновать это. Единственным доказательством того, что эта веха имела место в моей жизни, был больничный браслет, на котором был указан возраст.

Если моя жизнь не принадлежала мне, то кому она принадлежала?

Я полез в коробку, перемешав аккуратно сложенные вещи, к которым я еще не прикасался. Из карманов пиджака что-то выпало. Я отодвинул пиджак и брюки в сторону, чтобы посмотреть, что это. В один из углов забился маленький зеленый камень.

Я подобрал его и стал катать между пальцами, а затем поднес к свету. Он был продырявлен, как будто через него когда-то была продета нитка, и походил на не ограненный изумруд или, возможно, жадеит (*прим. пер.: Жадеит (фр. jadéite, от jade – нефрит) – минерал зелёного цвета из группы щелочных моноклинных пироксенов спутанноволокнистой структуры, силикатнатрия и алюминия*).

Я и понятия не имел, почему он оказался в моем кармане в тот день, когда я оказался здесь.

Как не догадывался и о многом другом.

Ощущив знакомое чувство разочарования, я решил, что увидел достаточно и отложил коробку. Закрыв глаза, я попытался отгородиться от мира и от своих мыслей, но неожиданно был прерван открывшейся дверью, мой взгляд встретился со знакомым взглядом синих глаз.

Это была она.

Эверли – девушка с фотографии.

Я спросил дежурную медсестру, сможет ли она найти ее, и она пообещала постараться, но через несколько дней я подумал, что она не смогла справиться с этой задачей или просто согласилась, чтобы успокоить пациента, только что вышедшего из комы.

Да, это была она, Эверли.

Девушка медленно вошла, ее шаги были робкими и неуверенными, а я воспользовался временем, чтобы получше ее разглядеть.

У нее была другая прическа – может она подстриглась, но цвет был тот же, медно-золотистый. Девушка повзрослела, ее фигура приобрела округлые формы, и она превратилась из долговязой девчонки в соблазнительную красавицу.

— Ты здесь, — сказал я, хватаясь за эту фразу, как утопающий за соломину. Я не знал, что сказать. Я ничего не знал об этой девушке, кроме ее имени.

— Да, — ответила она, едва шевеля губами. — Доктор Лоуренс позвонил мне.

— Я не был уверен, что они смогут найти тебя, после того как я обнаружил фото.

Она выглядела слегка растерянной из-за моего утверждения, но больше ничего не сказала. Я неловко осмотрел палату, чувствуя себя животным в зоопарке. Она смерила меня взглядом, без сомнения подметив то, что я потерял свою былую форму. Неуверенность, которую я испытывал, была почти осязаемой.

— Не хочешь присесть? Наверно, я изменился, с тех пор как ты видела меня в последний раз.

Она молча села подальше от меня, но не ничуть не расслабилась. Эверли замерла в одной позе на краешке. Боялась ли она меня?

— Мне очень жаль, что я побеспокоил тебя, попросив прийти, но я просто хотел... — начал я, но она быстро перебила меня.

— Август, пожалуйста, не надо. Я пришла лишь по одной причине.

— Ладно, — я нахмурился, растерявшись, и попытался сесть ровно. Водрузив коробку на металлический поднос, я уперся руками о кровать и попытался сесть. От этой попытки капли пота покатились по моим вискам.

— Я хотела сказать тебе, что между нами все кончено. Все. Хватит. Я продолжаю жить. Я помолвлена. У меня новая жизнь — без тебя. Пожалуйста, не ищи меня больше.

Я посмотрел на нее и, хотя я не должен был чувствовать ничего, кроме растерянности, я ощущал физическую боль, к которой не был готов. Мое сердце подскочило в груди от ее слов. Я не знал эту женщину, но, очевидно, мое сердце знало, потому что в тот момент оно разлетелось на куски.

— Я не понимаю, — пробормотал я.

— Конечно, не понимаешь. Ты помнишь что-нибудь? — спросила она, ее голос наполнился злобой и раздражением.

— Нет, — просто ответил я.

Девушка подняла руки в отчаянии, когда встала на ноги.

— Я знала, что это глупая идея.

— Пожалуйста, позволь мне сказать, — попросил я.

Наши взгляды встретились, и она кивнула, затем отвернулась и стала мерить шагами комнату.

— Врачи называют это диссоциативной фугой — по крайней мере, на сегодняшний день. Я уверен, они придумают что-то новое на следующей неделе, когда действуют больше врачей-консультантов, для которых я сейчас новая подопытная крыса.

Эверли повернулась с растерянным лицом.

— Я ничего не поняла из того, что ты сейчас сказал.

— Ты спросила, помню ли я что-нибудь, я ответил «нет». Я это и имел в виду, Эверли. Я ничего не помню из своей прошлой жизни. Я попросил врачей позвонить тебе, потому что нашел твою фотографию в своем бумажнике, и подумал, что ты можешь помочь мне вспомнить, кто я. У меня амнезия.

Я заметил, что мои слова ошеломили ее: глаза расширились, а дыхание участилось. Было похоже, что ее тело не принимает эту информацию, и внезапно все померкло. Она отключилась.

— Сестра! Быстрее! — прокричал я, беспомощно наблюдая за тем, как Эверли рухнула на пол.

***

Вид ее кожи, находящейся так близко ко мне, казался знакомым, но в то же время был нов для меня.

После того как сестра и врачи-консультанты вломились в палату, и я объяснил, что произошло, они быстро подняли ее и положили на соседнюю койку, которая пустовала. Неожиданно мое уединение было вознаграждено. Сестра Эми выглядела немного обеспокоенно, когда я потребовал оставить ее со мной, а не переносить в другую палату, но быстро подчинилась, когда заметила мой утомленный взгляд. Я не был готов попрощаться с этой загадочной девушкой.

После быстрого обследования, сестра Эми объявила, что дыхание у нее ровное, жизненные показатели в норме — с ней все было в порядке, все, что сестра могла предположить, что на нее обрушилось слишком много стресса.

Стресса из-за меня.

Я протянул руку, чтобы медленно обвести контур ее плеча, запоминая форму пухлых розовых губ и мягкий румянец ее щек.

Как я мог забыть совместную жизнь с ней? Это было подобно тому, что я забыл что-то настолько волшебное как восход солнца над горизонтом.

Веки девушка дрогнули, и она открыла глаза, встретившись со мной взглядом. Внезапно на нее накатило осознание происходящего, и она подскочила, спрыгнула с койки, отойдя на максимальное расстояние, на которое позволяла отойти палата.

— Ты упала в обморок, — сказал я, пытаясь объяснить ситуацию так, как я мог.

— И они оставили меня здесь, с тобой? Наедине? — прошипела она. Эверли покраснела от злости, смерив меня взглядом через всю палату.

— Я думал, так тебе будет удобнее.

Она сузила глаза и обхватила лицо руками.

— Послушай, Август, ты, похоже, одурачил врачей, и я понимаю почему – ты хорошо прикидываешься глупым. Но меня не получится провести.

Смутившись, я покачал головой.

— Я не понимаю.

Она повысила голос, и ее руки взметнулись к голове.

— Прекрати это! Это не сработает. Меня не провести. Если это какой-то безумный способ поквитаться со мной за... — она отвела взгляд и оборвала предложение.

Проведя рукой по волосам, я почти засмеялся над ироничностью ситуации.

— Ты думаешь, я вру?

— Нет, — сказала она, скрестив руки на груди и проглотив смешок. — Я это знаю.

— Невероятно, — пробормотал я.

— Мне нужно идти, — сказала она, покачав головой. — Я не вернусь. Не приходи ко мне. Даже не пытайся найти меня.

В оцепенении я проследил за тем, как она промаршировала к двери, ее раздраженные шаги звучали в тишине палаты, когда она уходила – навсегда.

И у меня по-прежнему не было ничего. Ничего, только больше вопросов, больше растерянности – и я лишь был расстроен больше прежнего.

— Что я сделал с тобой? — выдавил я из себя, остановив ее у двери. — Каким человеком я был, Эверли?

Она резко обернулась, на ее лице отражался шок и ужас, когда девушка сделала единственный шаг назад.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, я на самом деле хочу знать. Я был здесь два года. За два года не было ни одного посетителя, а теперь ты пришла и реагируешь на меня так, будто я монстр. Мне нужно знать.

— Хорошо, — она положила руки на пояс и зажмурилась. — Ты хочешь играть в игры? Давай играть. Ты хочешь знать, какой засранец заслужил эту амнезию? Какой бессердечный мудак мог находиться в больнице два года, и никому не было дела.

— Да, — прошептал я.

Эверли сделала еще несколько шагов.

— Манипулятор. Август Кинкейд – это монстр, который получает от жизни то, что хочет, и его не волнует цена. Все, что его волнует – это деньги, и алчность – это наивысший идол для него. Он тот тип мужчин, которые заточают свою девушку в их доме на два года, потому что он полный псих, и он уверен в том, что, весь мир ополчился против него, и люди

готовы на все, чтобы добраться до него – даже через нее. Август Кинкейд ревнивый, властный и...

— Хватит. Я услышал достаточно, — сказал я, приподняв голову. Внезапно мне стало нехорошо, когда я осознал все сказанное ею. — Достаточно, — повторил я, чувствуя себя так, словно получил удар под дых.

У меня не укладывалось в голове то, что она сказала. Я заточил ее? На многие годы?

— Я когда-нибудь причинял тебе боль? Я имею в виду физическое насилие? — спросил я, отвернувшись, слишком смущенный, чтобы смотреть на нее.

— Нет, — мягко ответила она. — Но тогда я узнала, что насилие имеет много форм.

Я кивнул, не в силах говорить.

— Ты и правда не помнишь, не так ли? — спросила она.

— Нет, — смог ответить я, слова словно царапали мое горло.

— Ничего?

Я покачал головой, слезы жгли мне глаза, когда реальность навалилась на меня. Я был ужасным, ужасным человеком.

— Я думаю, на сегодня хватит визитов, — сказал я, так и не повернувшись к ней.

— Правильно. Разумеется. Прощай, Август.

Я поднял глаза и встретился с ней взглядом и увидел, как она разжала кулаки. Эверли подняла руку, словно хотела предложить ее мне. Пожать руку или просто прикоснуться. Она, возможно, даже не осознавала, что сделала.

Я также заметил, как тряслись ее руки, когда она протянула их ко мне.

— Прощай, Эверли, — сказал я, оборвав ее неосознанное движение.

Она остановилась, растерянно моргая, и побледнела. Я не смотрел, как она уходит, но услышал звук закрывающейся двери спустя пару секунд.

Я снова был один.

После того, как узнал, кем на самом деле являлся Август Кинкейд, я решил, что заслужил то, что имел.

Глава 5

Эверли

Мне следовало пойти прямо домой.

Райан был беспокойным человеком, и я видела, как он мерил шагами комнату, ступая по нашему потрепанному ковру, отсчитывая часы до того момента, как я вернусь домой целая и невредимая.

Тем утром я проснулась нервной и взволнованной, удивляясь тому, что я делала и почему приняла такое ужасное, идиотское решение. Я хотела спрятаться – нырнуть под спокойствие своего одеяла и прожить остаток жизни в безопасности своей кровати.

Это была обоснованная идея: я, несомненно, не была первой женщиной, которая рассматривала этот вариант. Постели дарили безопасность. Постели понимали все и никогда не пренебрегали тобой.

Вместо того чтобы отговорить меня от моего решения, Райан заставил меня встать с постели, сделал мне гренки на завтрак и еще одну вещь, которая всегда меня приводила в чувство.

Кофе. Благословенный, чудесный кофе.

Когда я села, удивляясь, как мне удалось найти такого восхитительного мужчину, он еще сильнее закрепил мою веру в него.

— Ты не можешь сдаться сейчас, — сказал он. — Ты будешь жалеть об этом. Ты всегда будешь думать о том, какой была бы твоя жизнь, используй ты этот шанс. Поэтому, даже несмотря на то, что мне претит сама мысль о том, что ты будешь находиться с ним в одной комнате — иди. Ты станешь лучше, пройдя через это.

Я сидела там в благоговейном молчании, неотрывно глядя на него, очарованная его поддерживающей натурой до тех пор, пока он не потянулся вперед и не подарил мне нежный поцелуй и тем самым не напомнил мне о том, что мой завтрак остывает. Я быстро намазала толстым слоем арахисового масла свой тост, пока Райан гримасничал и издавал рвотные звуки, когда я налила кленовый сироп на арахисовое масло.

— Это и вправду отвратительно.

— Нет, — не согласилась с ним я, — это вкусно.

Парень уклонялся от моих попыток отправить ему в рот еду самолетиком и вместо этого наполнил свою тарелку «нормальными» тостами с обычным маслом и сиропом. Так скучно.

Мы ели в благостной тишине и одновременно покончили с пищей. Я слушала, как он фальшивит, исполняя в душе одну из сорока своих любимых песен.

Когда настало время уходить, он поцеловал меня и сказал, что будет дома, когда я вернусь.

— Но ты должен работать, — возразила я.

— Я буду работать дома, пока ты не вернешься.

Я знала, что он, скорее всего, ни минуту не сможет работать продуктивно, с тех пор как я ушла в больницу, поэтому чувствовала себя невероятно виноватой, когда пошла в противоположном направлении, к побережью, нежели поспешить домой.

Скопление транспорта уменьшилось, а дома стали больше, когда я подъехала ближе к скалам. Каждая улица напоминала мне о той жизни, которую я вела когда-то. Маленький органический рынок, где я когда-то покупала определенный вид сока каждую неделю... потому что Августу он нравился. Запах соленого воздуха напомнил мне о долгих прогулках по пляжу, когда жизнь была простой и приятной — прежде чем все начало рушиться.

Я въехала на подъездную дорожку и припарковалась. В самом дальнем уголке бардачка, в маленьком конверте из оберточной бумаги был спрятан единственный ключ — тот, который я спрятала несколько лет назад, когда ушла из этого места и от жизни с Августом. Пока мы жили вместе, моей обязанностью было заботиться о нашем доме, поддерживать порядок в его отсутствие.

Через два месяца после того как он впал в кому, я вручила все его адвокату с указаниями о техническом обслуживании и финансовом обеспечении и ушла.

И вот я была там. Снова

Мне следовало выбросить этот дурацкий ключ со скалы много лет назад.

Стоя перед домом, я чувствовала себя маленькой и незначительной перед этими высокими стенами и большим фасадом. Когда Август впервые привел меня сюда, на моих глазах была повязка. Передняя часть дома была обмотана огромной лентой, завязанной бантом, прямо как в кино. В то момент я была уверена, что все закончится голливудским хэппи эндом.

***

— Ты не шутишь? — пропищала я, когда повязка упала на землю, и я впервые увидела огромный дом передо мной.

— Ни капли, — ответил он с дьявольской ухмылкой.

— Мы не можем себе это позволить, Август. Он такой огромный! Черт! — ругнулась я, — Я не уверена, может ли Опра себе это позволить.

Парень обвил руки вокруг моей талии и поднял меня, закружив в воздухе, а я смеялась, когда он поймал мои губы своими.

— Мы можем позволить себе все, что захотим сейчас, — прошептал он. — Я обещал, что всегда буду заботиться о тебе — дам все, что ты пожелаешь.

— Все, чего я когда-либо хотела — это ты, — ответила я нежно.

В уголках его губ появилась самодовольная улыбка.

— Теперь у тебя есть все.

***

Медленно я пошла по усаженной цветами тропинке, благодаря про себя ландшафтную компанию за то, что они поддерживали в порядке обширные сады, которые все еще соответствовали имуществу. Это значило, что мне никогда не приходилось чувствовать себя виноватой за то, что этот великолепный дом пришел в упадок из-за меня. Из-за нас.

Дом по-прежнему выглядел так же прекрасно, как и в тот день, когда я впервые увидела его. Просторная подъездная дорожка вела прямиком в восхитительный сад и к входу. Цвет растений изменился с тех пор, как я была здесь в последний раз, но казалось, что ничего не изменилось. С первого взгляда невозможно было бы понять, что там многие годы никто не жил. И, тем не менее, когда я подошла и заглянула в окно, мне была видна дорогая мебель, которую мы так долго подбирали, в беспорядке расставленная на первом этаже и накрытая белыми простынями, чтобы защитить ее от пыли.

Дом был выполнен в испанском архитектурном стиле, которым славилась Калифорния, с округлыми окнами и дверями, которые напоминали мне экскурсии к старым миссиям вдоль Эль Камино Рил, и витиеватая крыша, накрытая красной черепицей, которая придавала ему стиль и шарм. Вид на Тихий океан на миллион также играл на руку. Именно этот вид делал данную часть города лакомым кусочком. Волны обрушивались внизу, в то время как солнце светило над кристально голубой водой. Каждый божий день. О такой жизни большинство людей могло только мечтать, но от которой я убежала много лет назад.

У меня тряслись руки, когда я подносила ключ к замку на огромной деревянной двери, и когда первый зубец вошел в него, я в нерешительности сделала шаг назад. Ключ выпал у меня из рук и брякнулся на веранду, я почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Открыв замок на калитке, я побежала. Я бежала до тех пор, пока не почувствовала жжение в легких, пока не начали гореть щеки от порывов ветра, который дул со стороны зазубренных скал. Дом растворился где-то позади, а я стояла на берегу, пытаясь подавить рыдания, которые грозились вырваться наружу, и позволила реву океана вытеснить из головы все мысли и воспоминания,

Я не собиралась плакать из-за этого мужчины.

Никогда, никогда больше.

И я не собиралась позволить его присутствию разрушить мою жизнь.

***

— Эти недели, которые мы не видели друг друга? Нужно это прекращать — ты моя лучшая подруга и мне кажется, что я едва тебя знаю. Прошла уйма... уйма времени, старушка! Так что, давай, не жалей деталей. Расскажи мне, как ты? — спросила Сара, все ее слова были нанизаны друг на друга, словно беспорядочная нитка жемчуга, которую она носила на шее. Все, что только можно вообразить, не подбирая подходящих слов. В этом была вся Сара. Ураган, облаченный в розовые балетные колготы.

Мы расположились в углу уютной кабинки в местном кофейном магазине, в котором я работала в течение последних двух лет. Я сняла свой фартук, который напоминал огромное рубище, и еще на пару дюймов зарылась в диванной подушке. У меня болели ноги от того, что я стояла весь день, и то, что я сидела, казалось самой огромной роскошью в мире.

— Не так уж и много времени прошло. Не будь такой чертовски драматичной. И я в порядке, — ответила я, отмахнувшись от нее, и выпрямила спину.

Девушка уставилась на меня критическим взглядом своих карих глаз.

— Если бы я получала доллар каждый раз, когда ты говоришь «в порядке», — сказала она, с вызовом приподняв свою бровь.

Я провела усталыми руками по переду своей безукоризненно белой рубашки, прямая противоположность яркому цветочному платью, которое было на ней. Индивидуальный вкус Сары был слегка своеобразным. В прошлом, будучи превосходной балериной, большую часть своей жизни, одеваясь в то, во что было велено, начиная с фриольных балетных пачек и заканчивая блестящими тиарами, теперь ей свойственно было избегать всего, на чем был кринолин и кружева, и носить нечто экстравагантное.

— Я знаю. Табита лишит меня головы, если тоже услышит это. Она ненавидит фразу «в порядке». Говорит, что люди слишком часто используют ее, и она обозначает прямо противоположное тому, что подразумевает.

Сара положила свои сильные руки на стол и перегнулась через него. Ее мышцы были натренированы благодаря годам упорных занятий.

— Итак, этим ты обычно занимаешься? Говоришь, что ты в порядке, когда на самом деле все иначе?

— Нет. Да. Может быть, — сказала я все варианты сразу, ненавидя то, что она видела все, что находилось под слоем защитного льда. Ее невозможно было обмануть. Даже не знаю, зачем я пыталась.

— Так-то лучше, — улыбнулась она. — Замешательство — хоть какая-то эмоция.

Я покачала головой, когда моя коллега Труди принесла наш кофе, и посмотрела на свои часы. Мой перерыв еще не закончился. Труди быстро мне подмигнула, перед тем как

вернуться к прилавку, своеобразный способ дать мне понять, чтобы я не торопилась. Она даже не представляла себе, как внезапно сильно мне захотелось приступить к работе.

Казалось, в последнее время все вокруг стремились поговорить о моей личной жизни. Все, кроме меня.

— Знаю, у тебя мало времени, так что начинай. Я хочу знать все.

— Все? Откуда начать? — спросила я, пытаясь выглядеть хладнокровно и уравновешенно. Потому что на самом деле все было в точности наоборот.

— С начала, — сказала она, высыпав содержимое пакетика некалорийного подсладителя в свой черный кофе, не добавляя больше ничего. Она многое добилась с того времени, как ей приходилось быть сдержанной, но все еще считала каждую калорию, которая попадала в ее тело, и, возможно, так будет продолжаться до самой ее смерти.

От некоторых привычек нелегко отделаться.

Очень похоже на мое прошлое — оно просто прячется там, за моей спиной, напоминая мне о моих промахах и сожалениях. Понимая, что оно всегда будет там, если я позволю, я глубоко вздохнула и решила рассказать ей о телефонном звонке и совете Табиты.

— Ты знаешь, она была права, — сказала Сара в перерывах между глотками. — Это помогло бы тебе жить дальше.

— Позволь мне закончить, — продолжила я. — Кое-что я не упомянула в нашем телефонном разговоре. Наверно я сама все еще пыталась свыкнуться с этим.

Девушка изменилась в лице, когда беспокойство взяло верх.

— Он хочет, чтобы ты вернулась.

— Нет, — я покачала головой. — Или, по крайней мере, я так не думаю. Я уже ходила к нему в больницу.

— И ты только сейчас мне это рассказываешь? — Сара повысила голос, затем снова понизила его, когда оглянулась через плечо, внезапно вспомнив, где мы находились. — Что случилось? Как он выглядел? Держу пари ни один отморозок даже близко не так опасен.

— Сара! Ты можешь собраться хотя бы на секунду и послушать! Он не помнит меня. Он вышел из своей комы и ни черта не помнит.

Казалось, она никак не отреагировала, медленно водя деревянной палочкой по краю своей кружки. Тишина потихоньку начала сводить меня с ума. Сара никогда не была тихой и с трудом могла держать свое мнение при себе надолго. Наблюдая, как деревянная палочка делает круг за кругом, я пожалела даже о том, что упомянула о состоянии Августа.

Хотя Сара бы в любом случае все поняла.

— Он врет, — утверждительно заявила она, зная, что из себя представляет Август Кинкейд — или представлял. Она могла не знать, какой была я, живя с ним, но она имела

возможность наблюдать последствия. Табита и Сара были со мной, когда я пыталась собрать каждый кусочек своей разбитой жизни, но в отличие от Табиты, с Сарой я еще многим не поделилась.

У нее самой было слишком тяжелое прошлое, чтобы взваливать на нее еще и мое.

— Я тоже так подумала, но потом Август спросил, каким человеком он был в прошлом, что заслужил такое лечение.

Сара фыркнула и покачала головой.

— Поэтому я в точности описала ему, каким человеком он был.

— И? — спросила она.

— Казалось, что я наблюдала за восхождением на гору. Когда он опустил голову, я видела, как жизнь покидает его. Так невозможно притворяться, Сара. Старого Августа больше нет, по крайней мере, сейчас.

Подруга изучала меня секунду или две, пытаясь оценить мое выражение лица, прежде чем ответить.

— Он может вернуться? Может все вспомнить?

— Я не знаю, — ответила я честно. Я очень много думала об этом в последнее время, лежа в постели слишком беспокойная, чтобы спать и слишком уставшая, чтобы встать. Что если монстр однажды вернется? Что будет тогда?

— Ух ты, Эв, я не знаю, что сказать. Как Райан справляется с этим? — спросила она, когда ее теплый взгляд встретился с моим. Она подалась вперед, чтобы взять меня за руку.

Посмотрев на наши сплетенные пальцы, я улыбнулась, чувствуя благодарность, что Сара есть в моей жизни. Она всегда могла вытащить меня из моей черепашьей раковины.

— Как всегда — идеально. Сперва, он был немного потрясен этой новостью, а потом перешел в позицию защиты, пытаясь найти лучший способ, чтобы защитить нас. Ты знаешь, каким рациональным он становится в подобных ситуациях.

— И что он придумал? — продолжила она допрос.

— Сказал, что нам лучше просто держать статус кво. Заниматься нашей жизнью как обычно — игнорируя Августа. И если придет время, когда ситуация станет проблемой, мы попытаемся ее решить.

Девушка встретилась со мной взглядом и, как обычно, я поняла, что она знает все.

— И что ты думаешь? Ты веришь в статус кво?

Хоть мне и было больно это признавать, я покачала головой.

— Нет, — ответила я честно. — Не тогда, когда Август вернулся в нашу жизнь.

***

Я снова видела его.

В этот раз он нагнулся, пытаясь завязать шнурки. Его коротко стриженые волосы были в беспорядке из-за соленого морского бриза, а мои легкие начали гореть, и скоро мне стало не хватать воздуха. Нет, это был не он, не мог быть он. Строение тела было другое, форма носа была не та – но все равно я замерла, и все из-за этой идиотской пары обуви. Блестящие, черные и дорогие. Именно такие, которые предпочитал Август.

Было время, когда ему было все равно, какую обувь носить. Обувь, одежда... ничто из этого не имело значения. Тогда, когда все было проще, легче.

Счастливее.

Мужчина, который не был им, медленно повернулся, на его лицо сверху светило солнце, когда он встал, наконец, покончив со шнурками, и пошел своей дорогой вниз по улице, пока я все еще неподвижно стояла, словно приросшая к земле.

Потерявшись в воспоминаниях.

***

— Как он сегодня? — спросила я домработнице, которая медленно передвигалась по спальне, пытаясь не мешать мне и поставив поднос с завтраком перед кроватью.

Она обеспокоенно посмотрела на меня, и я сразу поняла, что это еще один плохой день. Это была череда плохих дней, за которыми уже потянулись недели. Когда-то было время, когда Август полагался на меня – спрашивал у меня советы, когда дело касалось его жизни, вне зависимости от ситуации. Мы были командой – нерушимым партнерством.

Сейчас он просто пропадал в своем чертовом офисе и вышагивал. Вышагивал по комнате, как мужчина, ожидающий, когда откроются врата ада. Судя по всему, что я знала, это было возможно. Вместе с Трентом он однозначно мог заключить сделку с самим дьяволом. Август клялся, что Трент славный парень и еще лучший партнер, но у меня были свои наблюдения на его счет. Он напоминал змею, которая выжидала момент, чтобы напасть.

— Он в плохом настроении, мисс, я бы не стала врать. Я слышала, как рано утром он кричал по телефону. В этом не было ничего хорошего.

Я кивнула и поблагодарила ее перед тем, как она ушла. Последние семь дней так выглядела наша ежедневная рутинна. Телефонный звонок, визит, ранняя утренняя встреча – всегда что-то случалось.

Может, не имело смысла больше прятаться в своей комнате. Может, мне просто нужно было быть рядом с ним – как это было однажды.

Почувствовав оживление впервые за долгое время, я выскочила из кровати и быстро оделась, совсем не прикоснувшись к подносу с едой. Я немного подкрасилась, заколола волосы сзади и, слегка надушившись, ванильными духами, которые, как я знала, нравились

Августу. В нетерпении я мчалась в его поисках, а мое настроение улучшалось в предвкушении нашей утренней встречи.

Как и ожидала, я нашла его внизу, запершегося в своем темном офисе, который он так любил. Но я не ожидала, что Август будет окружен толпой людей. Они сновали взад и вперед между рядами дизайнерской одежды, избегая столкновений друг с другом, брали пиджаки и штаны один за другим, рекламировали дорогую ткань, пытаясь переплюнуть друг друга.

Без сомнения, тот, кто удовлетворит его вкус больше всего, получит немалые чаевые. Я подавила желание закатить глаза, когда один из этих людей промчался мимо меня, оставив после себя шлейф дорого резкого одеколона.

Август поймал мой взгляд в зеркальном отражении, когда уже затянул свой слиновый галстук вокруг шеи.

Но только не мной.

Я замечала все. Все его особенности. С самого начала.

Его улыбка осветила комнату, когда он заметил, что я стою у дверей, и в тот же момент почувствовала, как в моем животе разгорается пламя и возбуждение, которое я не чувствовала уже долгое время. Было хорошо. Я чувствовала, что это правильно.

— Сегодня утром ты выглядишь счастливым, — сказала я, делая шаг вперед, чтобы встать за ним и смотреть на его отражение в зеркале.

— Это так, — ответил он. — Начало было тяжелым, но сейчас все позади.

Он обернулся, в его глазах промелькнула тень возбуждения, когда он обхватил руками мою талию.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила я, а парень изучал своими теплыми пальцами мою кожу.

— Нет, произошло просто недопонимание. Тебе не о чем беспокоиться. Кроме того, я кое-что хотел рассказать тебе. Мы приглашены на Хоуп Гала на следующей неделе.

Я сморщила нос от разочарования.

— Я думала, что подобные организации не основываются на приглашениях, а скорее на пожертвованиях.

Я быстро осмотрела комнату, просматривая бесконечные ряды однотипной одежды, скучные штаны и пиджаки, снова и снова. Краем глаза я уловила какой-то блеск, но мой взгляд быстро вернулся к Августу, когда он взял меня за подбородок.

— Ты права. И приличное пожертвование было сделано на наши имена, — он улыбнулся. — Но даже если они говорят, что это для благотворительности, все равно

довольно разборчивы с теми, кого пропускать на подобные мероприятия. И я многие недели пытался добиться, чтобы получить приглашение.

— Зачем? — спросила я, пытаясь не расстраиваться. Он казался счастливым впервые за долгие недели. И мне тоже следовало.

— Зачем? — повторил Август, словно ответ был написан прямо на его безупречном лице. — Зачем? Потому что, Эверли. Мы теперь одни из них. Этот способ подходит, чтобы дать им знать об этом. Этого дома, одежды и образа жизни недостаточно. Я хочу, чтобы они знали кто мы.

Беззаботное настроение, в котором я прибывала, когда вошла в его студию, наконец, пропало. Я надеялась, что единственным человеком, способным воодушевить его и уберечь от забот, буду я, но кто-то уже опередил меня.

Или что-то.

Что-то, чему удалось проскользнуть в нашу жизнь, не издав ни звука. Коварнее, чем любовница, и вызывающее большее привыкание, чем самый дорогой кокаин.

Деньги.

Единственное, чему сейчас поклонялся Август. Больше, чем Богу или семье.

И мне.

Ничто не могло выманить его из темноты, кроме нового костюма или фантастической пары туфель. Я смотрела, как он обернулся, и помощники снова окружили его, чтобы показать все, что принесли. Я встретилась взглядом с его красивыми глазами, и он подтолкнул меня в угол, где для меня кое-что было припрятано.

Блеск, который я заметила краем глаза.

— Примерь что-нибудь, детка. Примерь все. Черт возьми, все! — смеясь, он наклонился, чтобы зашнуровать пару ботинок, подходящих к пиджаку, который он надел. — Идеально, — сказал он, стоя перед зеркалом, высокий и широкоплечий. — Просто идеально.

Когда я снова вернулась в тот угол, то сразу пробежалась пальцами по бесценным дизайнерским нарядам и почувствовала, как жизнь, которую мы построили вместе, стала не такой идеальной.

Она была разбита.

На мелкие кусочки.

***

Я моргнула один раз, второй, когда знакомый голос Райана прорвался сквозь туман. Шум дороги звенел в ушах, в то время как яркое полуденное солнце согревало мои прохладные щеки.

— Готова идти? — спросил он, выйдя из магазина спортивных товаров, который он обходил. Оглянувшись, я медленно вернулась в настоящее, соленый морской воздух напомнил мне о том, где я находилась, и все, что я совершила и оставила позади с того момента, когда осознала, что золоченый мир Августа вытеснил меня.

Вернувшись к реальности, я быстро посмотрела вниз по улице. Мужчина в фантастических туфлях ушел — призрак прошлого, воспоминание, которому сейчас я позволила взять верх.

Обернувшись к джентльмену, стоящему передо мной, я улыбнулась, взяла его под руку, и мы вышли на улицу, чтобы продолжить нашу ленивую прогулку вниз по набережной.

— Готова, — ответила я, положив голову на его плечо.

Но к чему готова? Почему-то я была уверена в том, что наш статус кво был на грани провала.

Глава 6

Август

Следующая пара недель стала ураганом активности, доктора и медсёстры готовились к моей выписке. Всё вращалось вокруг того, чтобы удостовериться, что я достаточно здоров, душевно и физически, чтобы ассимилироваться обратно в настоящий мир.

Никто не знал когда, или скорее восстановятся ли вообще мои воспоминания, но все соглашались – смысла ждать не было.

Жизнь должна была продолжаться с ними или без.

Меня запихнули на физиотерапию, консультации и психотерапию. Количество отнятого у моего тела, после двух лет апатии, было ошеломляющим, и хотя те, кто обо мне заботился, сделали всё возможное, чтобы избежать атрофирования и ухудшений настолько, насколько это возможно, но они всё равно возникли.

По фотографиям, которые я нашёл, разбросанными среди моих вещей, я понимал, что едва ли напоминаю того человека, которым когда-то был. Там, где когда-то широкие плечи переходили в упругие натянутые мышцы, теперь осталась только бледная кожа. Мои волосы отросли, непослушные и беспорядочные, как будто каждый отдельный волосок восставал против ухоженного мужчины, который когда-то занимал это тело.

Между сессиями, которые должны были помочь мне заново научиться управлять своими усталыми конечностями, меня провожали на консультации, где я проводил часы, пока оценивалось мое психическое здоровье.

Я тихо гадал, моя ненависть к психотерапии новая или старая?

Чокнутый парень, которого назначил мне госпиталь, давал мне домашнее задание. Как ребёнку. После каждого занятия меня отправляли в комнату с одолженным ноутбуком, чтобы изучить то время, пока, как он это называл, я жил вдали от мира. Доктор Шнайдер – или, как я любил его называть, доктор СчастливБудьЗдоров – хотел, чтоб я сначала приспособился к внешнему миру, и затем, когда меня отпустят, мы сможем работать над ознакомлением меня с... ну, со мной.

Итак, после очередного занятия с доктором СчастливБудьЗдоров, я лежал на своей больничной койке, взглядом изучая город внизу, и удивлялся, какой может быть жизнь снаружи сейчас.

Прошло всего два года. Два грёбаных года.

Это казалось одновременно таким незначительным, и таким непреодолимым.

Не похоже, что я был один из тех пациентов, бывших в коме, которые после пробуждения понимали, что мир безвозвратно изменился – семья и друзья мертвы или постарели до неузнаваемости – с целой историей, оставшейся позади.

Два года – это действительно не очень много – пара выпусков новых айфонов. Может быть, несколько пропущенных каникул. Но для того, кто спал все эти двадцать четыре месяца, я гадал, сколько всего я пропустил. Мои пальцы чесались от желания включить телевизор, чтобы взахлёб смотреть новости и вечерние телешоу. Но мне было велено этого не делать.

— Сейчас только исследуйте время, что вы пропустили, — проинструктировал доктор.

Почему? Я без понятия. Наверное, чтобы оградить мой слабый, неокрепший мозг от переизбытка информации. Как все бегали на цыпочках вокруг меня, это реально казалось наибольшей вероятностью. Как будто я нашёл ядерную бомбу, которую никто не знал, как обезвредить. Медсёстры и доктора говорили приглушённо, когда входили в мою палату, как будто что-то громче шёпота могло довести меня до какого-то приступа. Чёрт, кажется, даже женщина, которая приносila мне еду, смотрела на меня с опаской.

Я, правда, такой ненормальный?

Разве люди не приходят в себя из комы всё время?

Видимо, нет.

Я знал, что я – редкость. Понимал, что ситуация уникальная, и они в плане моего лечения ступали на неизведанную территорию, но всё равно было обидно.

Одиночество. Моя уединённая жизнь.

Я человек, которого с грани смерти привели к чему? Обычно вы читаете эти невероятные истории про пациентов, которые просыпаются из комы, чтобы воссоединиться со своими семьями... жёнами и возлюбленными.

У меня не было никого.

Ничего, кроме коробочки воспоминаний, которые я не понимал.

Я придинул ближе древний ноутбук, который больничный психолог мне одолжил, и поставил его себе на колени. Включив его, я нажал на иконку интернета и стал ждать, пока он загрузиться. Глядя на чисто белый экран, я пытался решить, с чего начать поиски — прекрасно зная, что все мои действия будут просмотрены позже.

Хитрый доктор.

Я начал с основных событий две тысячи тринадцатого года. Для начала можно было просмотреть заголовки.

Тридцать секунд спустя я пожалел о своём решении, и сделал себе умственную заметку, никогда больше не смотреть новости. Бомбёжка на Бостонском Марафоне, тайфун на Филиппинах... Правительство Соединённых Штатов закрывается. Чёрт, они не могли бы хоть иногда писать о чём-то хорошем?

Я прокрутил вниз и увидел, что Папа ушёл в отставку. Я усмехнулся.

Не мог винить его.

Я не смог продолжать. На этот раз доктор СчастливБудьЗдоров, пожалуй, действительно знал, о чём говорил. Этот простой поиск оказался таким тяжёлым для меня.

Жизнь действительно продолжалась без меня.

Люди рождались, умирали... сражались за нашу страну, всё пока я беспомощно лежал на этой кровати.

И вот я здесь, всё ещё безумно беспомощный.

Как мне всё это вернуть?

Я хотел всё вернуть.

***

Через несколько дней я оказался в другой части больницы, в знакомом офисе доктора Шнайдера. Начиная с книжных полок от пола до потолка и заканчивая массивными лампами в стиле Тиффани, я мог сказать, что доктор был любителем классики. Даже кресло, которое он мне предложил, было похоже на что-то прямиком из музея Зигмунда Фрейда.

— Вы пользовались ноутбуком? — спросил он, прекрасно зная, что нет. После моего первого поиска в интернете, прошлое лучше пусть там и остаётся. Больше плохих новостей я выдержать не мог.

— Нет, — просто ответил я.

Не прошло ещё недели с последней нашей встречи, и по тому, как сморщился его лоб и по тому, как раздражённо он щёлкнул ручкой по ноутбуку, я мог сказать, что он не верит, в то, что я прилагаю все усилия к своему выздоровлению.

Конечно, как он утверждал, что каждая травма мозга была уникальна, и понять, как он мог с такой уверенностью утверждать, что в данном случае было нормальным или «достаточным», было превыше моих возможностей.

Но опять же, я был всего лишь пациентом.

Он был парнем, сидящем в причудливом кожаном кресле, в офисе, увешанном дипломами и грамотами, восхваляющими его и его образовательные достижения. Очевидно, ему лучше знать.

Я сидел, плотно скрестив на груди руки – подсознательное отображение моего личного неудовольствия от пребывания здесь. Я каждой клеточкой своего организма был разочарован человеком, сидящем напротив меня. Этим госпиталем.

Самим собой.

Если бы мне дали выбор, перед тем как мои глаза открылись недели назад в этой больничной палате, показали бы, какой будет жизнь, я не уверен, что решил бы проснуться.

Кто бы выбрал такую жизнь?

— Вы выглядите более возбуждёнными сегодня, — прокомментировал доктор Шнайдер, записав что-то в своём планшете, перед тем как устроился, положив одну ногу на колено другой.

На мгновение я посмотрел на жёлтую папку бумаг с тёмными, чёрными каракулями его писаницы, совершенно неразборчивыми с того места, где я сидел.

У всех врачей безобразный почерк?

Я тряхнул головой пытаясь понять эту неразбериху.

— Просто разочарован...

Снова строчит.

— Я заметил, вы не особо пользовались компьютером, — доктор посмотрел наверх в ожидании ответа.

— Не видел смысла.

Он хмыкнул, давая мне понять, что недоволен или даже немного расстроен. Наверное, так чувствует себя ребёнок, который выкрикивает в классе ответы, а учитель трясёт головой, подведённый провалом его учеников.

У меня не было воспоминаний детства, поэтому я не мог знать.

Может быть, я был одним из тех детей – дерзким, кто никогда не давал правильного ответа, желая выделиться. Или этот парень с безупречными волосами и чистым взглядом был образцовым учеником, боявшимся сделать даже шаг в сторону?

Наверное, смесь обоих?

Что если я никогда этого не узнаю?

— О чём вы думаете? — прервал мои мысли доктор Шнайдер, заставляя меня посмотреть вверх. Я встретил его взгляд и попытался решить, каким учеником я хотел быть в этот момент.

Любимчиком учителя или бунтарём.

— Что если я никогда не верну свои воспоминания? — наконец спросил я, прощаясь с идеей игры в поиск ответов.

— Возможно, они никогда не вернутся, Август. Это реальность, с которой вы должны столкнуться.

Впервые я оценил его честность.

— Как я пойму, каким человеком быть?

— А разве не всё равно? — спросил он, а затем добавил. — У вас дар, Август. Я знаю, что вы не воспринимаете его таковым, но вы должны найти золотую середину в вашей ситуации. Не многим людям дан в жизни второй шанс — всё исправить. Но это — как раз то, что есть у тебя. Если тебе не нравится человек, которым ты был — стань другим. Делай то, что ты хочешь. Открой новые таланты, новые амбиции. Живи, Август.

Вспоминая ту преследующую боль во взгляде Эверли в тот день в больнице, я не был уверен, что согласен с ним. У меня было чувство, что тень того человека, которым я был, будет преследовать меня, куда бы я не пошёл.

Но сидя там, я понимал, что есть только один выход из этого места, и это через доктора Шнайдера.

Что ж, пора было играть по его правилам.

— С чего мне начать? — спросил я с обнадёживающей улыбкой.

Он посмотрел на ноутбук, который я принёс с собой, и я понял, что у меня забирают мою работу.

Больше не будет угрюмого отношения и мрачных встреч. С этого момента из этих уст будет идти только солнечная, радужная надежда. Я выбирался из этого места, и как только буду на свободе, я выясню, кем, чёрт возьми, был Август Кинкейд.

Глава 7

Эверли

С каких пор кофе стал таким сложным?

Конечно, этот пенистый, чрезмерно усложнённый напиток сейчас даёт мне работу, но выкрикивая заказы для своих коллег... я так и не смогла понять, зачем кому-то портить карамелью или соевым молоком и без того райский напиток.

Очередь ярых кофеинозависимых выстроилась у дверей, каждый из которых смотрел на наше незнакомое меню. Я ожидала, что все они нервно сравнивали его с крупной сетью, которою знали и любили, сомневаясь, а не стоит ли пройти лишних два квартала.

Мы больше работали на местных, но близость нескольких отелей давала маленькой семейной кофейне, в которой я работала уже два года, приток бизнесменов и туристов по утрам, когда они спешили начать свой день.

Я знала, что Райан не доволен моим выбором карьеры, но мне нравилось здесь работать.

С туристами бывает иногда тяжело, но у меня были свои завсегдатаи и пожизненный запас кофе. Что тут можно было не любить? И я наслаждалась компанией своих коллег. Они были энергичные и активные, к чему я привыкла, пока росла в приёмных семьях.

Моя жизнь не очень напоминала эпизод «Предоставьте это Биверу» (*прим. пер.: фильм 1997 года. В центре действия картины крепкая американская семья. Мудрый отец Уорд, любящая мать Джун, старший сын Уолли и младшенький – восьмилетний Бивер*).

— Обезжиренный мокаччино с дополнительными сливками! — крикнула я Саймону, который продолжал медленно пританцовывать под тихий джаз, звучавший из проигрывателя. Его ритм совершенно не совпадал, подсказывая мне, что он на самом деле танцует под свою собственную мелодию – наверное, что-то, над чем он работал для своей рэгги группы.

Единственным признаком, что он слышал меня, было лёгкое поднятие брови, и он продолжил работать с машинами, танцуя между ними, будто вёл за собой женщину, а не работал в захудалой кафешке.

Но всё было готово быстро и правильно. Я не представляю, как Саймон это делал, особенно, учитывая количество марихуаны в медицинских целях в его организме, чтобы вылечить мигрень, которой у него, по-моему, никогда не было. Когда я спрашивала его об этом, Саймон просто улыбнулся и сказал:

— Ну, значит, она работает, — и перешёл к следующему заказу кофе.

Я продолжила работу в утренней суматохе, здороваясь с многочисленными местными клиентами. Труди – ещё один человек в нашей смене – работала с печкой, разогревая и

поджаривая всё из принятых мной заказов, пока Саймон готовил кофе. Когда становилось совсем тяжко, я помогала ему.

Это был хорошо слаженный механизм, и нам легко работалось вместе.

С чего мне было уходить?

Мы работали без устали, пока утренняя волна не схлынула, давая нам заслуженное затишье в середине утра. Саймон чистил машину для эспрессо, а я обходила кафе, убирая мусор и проверяя запас сливок.

Труди вытащила из пекарской коробки брауни.

— Как насчёт разделить его на всех?

— Ты же знаешь, что мы не должны брать из коробки в середине дня, — напомнила я, складывая руки на груди.

— Я знаю, но этот, похоже, упал на пол, — сказала она, убирая замороженное арахисовое масло с уголка указательного пальца. Я зачарованно смотрела, как она кладёт его в рот.

Эта сучка знала, что арахисовое масло и шоколад были моей слабостью.

— Ты кладёшь то, что было на полу себе в рот? — спросила я, решив не сдаваться. Даже за брауни.

Сладкий, вкуснейший брауни.

— Нет, но в конце смены я скажу Шэри, что он упал, вдребезги, на пол. Очень грустно, — её губы слегка надулись, пока она мотала им передо мной, разрушая всё моё сопротивление.

— Ну ладно, — ответила я, оглядывая пустое кафе. — Но я хочу кофе в придачу.

— Хорошо! — воскликнула девушка.

Зная, что я не соглашусь на большее, она налила нам две кружки свежесваренного кофе, и я наблюдала, как она разрезала пополам брауни.

— Твой выглядит чуть больше, — пожаловалась я.

— Нет!

— Да, — парировала я с лёгкой ухмылкой.

— Ох, прекрати и возвращайся к работе. Я дала тебе шоколад и кофе — ты должна быть счастлива.

Чмокнув её в щёку, я улыбнулась.

— Спасибо, Труди. Это сделало мой день.

Мы втроём закончили препираться и завершили свою уборку, я так же помогла нескольким припозднившимся, но всё-таки забредшим, посетителям. Я звала их поздними цветами — туристы, живущие по собственному распорядку, проводя каникулы в

расслабленном темпе; или работники, со сменой в странное время, которым нужна была чашечка чая, чтобы расслабиться тогда, когда другие только начинали работу.

Мне нравились эти люди. Они двигались медленнее. Казалось, что жизнь у таких поздних цветов чуть спокойней. Я бы хотела, чтобы такой была моя жизнь.

Спокойная. Беззаботная.

Простая.

Глядя на своё обручальное кольцо, с россыпью маленьких бриллиантов вокруг блестящего центрального камня, я знала – у меня всё это будет с Райаном.

Он был моим якорем.

Мы быстро справились с наплывом в середине дня, который не был таким сумасшедшим как утренний, но всё-таки довольно оживлённый. Мы сотрудничали с центральным продуктовым. Каждое утро они доставляли к нашим дверям вкусные сэндвичи и салаты, так что, даже не имея оборудования для приготовления еды, мы могли накормить обедом заходящих бизнесменов и работников.

Это приносило кафе дополнительный доход и позволяло держать нас на работе.

Ура, ура.

Пока я заканчивала с последним посетителем и мечтала о гороховом супе из моей любимой хлебной лавки ниже по улице, я увидела *его*.

Только это не было видение или сон... или даже приведение.

Это правда был он.

Пришёл ко мне на работу.

Август был одет в свободную футболку и дизайнерские джинсы, которые я помню. Войдя, он выглядел потерянным, потным и уставшим. Настолько не похожий на все видения, которые у меня были за многие годы, и всё же, я застыла как статуя.

Я не могла дышать. Я пыталась сделать быстрые мелкие глотки воздуха сквозь губы и проглотить их, но в горле было ощущение гравия.

Он не мог быть здесь. Только не здесь, с моими коллегами, которые понятия не имели о моей прошлой жизни. Я зашевелилась, возвращаясь в реальность. По моим венам бежал только инстинкт выживания. Я не хотела, чтобы он был здесь – в моей жизни.

— Я иду на обед! — крикнула я, взяла из-под кассы свой кошелёк и сделала шаг вперёд, нервно дыша и чувствуя, как каждый вдох обжигал мне горло.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я сквозь зубы.

Его глаза встретились с моими, и я увидела удивление и шок на его лице.

— Эверли? — это звучало больше как утверждение.

— А кто же ещё? — раздражённо ответила я, хватая его за руку и вытащив на улицу.

Я отвела взгляд, стараясь не замечать того, как его глаза смотрят прямо мне в душу. Это трогало. Всё ещё.

Август, казалось, не замечал такого эффекта, его взгляд бегал от меня на улицу и снова к зданию. Я отпустила его руку, не желая прикасаться к нему дольше необходимого, и смотрела, как он засовывает руки в карманы штанов.

Он был худее, чем раньше, джинсы сидели на нём свободней, чем когда-либо. Но это всё равно был Август... всё такой же грозный и...

«Посмотри в сторону, Эверли. Посмотри в сторону».

— Ты здесь работаешь? — спросил он, махнув на тёмный фартук, который всё ещё был на мне. Я посмотрела вниз и фыркнула, злая, что он испортил моё свидание с супом.

— Да, — ответила я, развязывая и складывая фартук в сумку. — Разве не поэтому ты здесь?

Я сложила руки на груди — явный показатель моего недружелюбия.

Август вскинул руки в защитном жесте.

— Нет, боже, нет! Прости. Это... чёрт. Прости. Я пойду. Я не хотел, — он разочаровано лепетал и ерошил волосы пальцами. Один последний взгляд и он отвернулся.

— Август, — позвала я, ненавидя себя за то, что ввязывалась. Идиотка.

«Дура, тупица».

Без сомнений, это было то, на что он надеялся, я просто попала под его чары. Но так было со всем, что связанно с Августом — я не могла себя остановить.

— Что ты тут делаешь?

Он остановился, и я увидела, как его плечи расстроено опустились, и парень снова повернулся в мою сторону.

— Я заблудился, — просто сказал он.

— Что?

— Я решил прогуляться, знаешь, чтобы проветриться. Вдруг понял, что все кварталы похожи друг на друга, и я хожу кругами, — он разочаровано вздохнул. — Я проходил всё утро.

— Ты серьёзно? — спросила я.

Он просто смотрел на меня.

— Но твой дом, по меньшей мере, в пяти милях отсюда, — сказала я.

— Ты знаешь, где я живу? — спросил он, прежде чем вспомнил наш прошлый разговор. — А, ну да.

Часть меня — недоверчивая, циничная сторона, которая всё ещё помнила Августа, который запирал меня дома, пока сам уходил на работу — сомневалась в его искренности.

Эта же часть меня хотела верить, что это – просто продуманный ход, чтобы вернуть меня.

Из-за другой, любящей и доверчивой части меня, я знала, что у меня проблемы с абсолютно новым Августом в моей жизни.

***

— Ты не обязана это делать, — снова сказал он, когда я открывала свою маленькую синюю Киа.

— Я знаю, — пробормотала я, ненавидя себя за решение отвезти его домой. — Садись.

Я винила своё хорошее воспитание, хотя оно тут было не при чём. Господь свидетель, что те многие приёмные семьи, которые у меня были в жизни, не научили меня ничему ценному, кроме как съедать всё так быстро как можешь, и искусство носить одежду несколько дней подряд, чтобы никто не заметил.

Может быть, это было вписано в мою ДНК, по той же причине я хотела спасти каждого котёнка и бродячую собаку, которых я видела слоняющихся по улице, или отдать каждый лишний цент пожилому мужчине на углу улицы, хотя знала, что он просил на алкоголь.

Что бы тут не было – я ехала вниз по улице к скалам.

В машине с мужчиной, к которому чувствовала отвращение.

Райан бы убил меня, если бы узнал, что я делаю. Это явно не входило в наш план статуса кво. И всё же, вот я везла своего сумасшедшего бывшего, которого только что выпустили из больницы, после того, как он очнулся из комы, из которой никто не ожидал, что он придёт в себя.

И тут я поняла. Он может никогда ничего не вспомнить. Ни единого поцелая, счастливого вздоха или ночей проведённых вместе в кровати. Хорошее, плохое – всё исчезло.

От чувства вины у меня засосало под ложечкой, мои пальцы ослабли, пока я пыталась расслабиться и успокоиться.

«Статус кво», — напомнила я себе.

Посмотрев на него, я пыталась почувствовать жалость. Раскаяние.

Но видела только человека, который меня запер.

«Такова жизнь».

Вот тебе простая и беззаботная. Моя жизнь была полной лажей.

Когда мы повернули ближе к океану, мои ладони внезапно вспотели. Солёная дымка летала по зимнему воздуху, напоминая ленивые вечера, которые мы проводили за ужином в

просторном патио, откуда, казалось, было видно мили вокруг. Когда-то я думала, что мы будем растить детей в этом доме.

Я много о чём думала в то время.

Свернув на подъездную дорожку, которая больше не была моей, я поставила машину на стоянку, даже не выключив мотор.

— Вот ты и приехал, — сказала я, избегая его взгляда. Я не могла смотреть на него. Не здесь. Не с наплывом всех этих пугающих воспоминаний.

— Спасибо, — ответил он, пододвигаясь к двери. Август на мгновение остановился, как будто хотел сказать что-то ещё, но потом передумал и вышел. Дверь закрылась, и я почувствовала, будто воздух снова ворвался в маленькое пространство.

Я сделала глубокий вдох, затем ещё один — чтобы не заплакать.

Август Кинкейд не заставит меня плакать.

Да, он очнулся, но он не будет управлять моей жизнью.

Никогда больше.

Я подняла глаза, и мой взгляд остановился на бардачке — месте, где я хранила ключи от своего прошлого. Ключи от этого места.

То, что было моим долгом в его отсутствии, теперь казалось грязным и постыдным.

Ключи были моей физической связью с ним... с этим местом.

«Мне надо избавиться от них. Сейчас».

Дёрнув, я открыла бардачок и вытащила оттуда давнюю регистрацию.

Bay, похоже, мне надо было убраться здесь.

Наконец, я нашла его, на самом дне, куда засунула его после моего последнего визита, в тот день, когда он очнулся. Настроившись решительно, я выскочила из машины и подошла к парадной двери, намереваясь выполнить задуманное.

Август открыл дверь, до того как я успела постучать.

Это немного расстраивало — мне ещё надо было выпустить разочарование.

— Прости, я смотрел в окно. Хотел убедиться, что ты нормально выйдешь с подъездной. Она крутая, — запинаясь, сказал парень.

Я закатила глаза и выпустила досадный вздох.

— Ты забываешь, что я здесь жила.

— Точно, — ответил он, нервно потирая шею. Отступая, он сделал жест, чтоб я вошла, чего я не планировала делать. Чёрт, это было самое последнее, что я хотела сейчас делать, но перед тем как я успела отклонить его приглашение, он исчез — скрылся за углом в гостиную.

— Что за... — фыркнула я, поспешив за ним. Он что, забыл свои манеры после своей двухлетней спячки?

— Слушай, я тут не для того, что бы развлекаться. Поверь, это последнее, что я хочу с тобой делать. Я просто хотела отдать тебе мои ключи.

Я свернула за угол, чтобы догнать его, и ахнула. То, что когда-то было тёплой, красивой комнатой, сейчас было завалено кучей пыльных коробок, старых бумаг, и бог знает, чем ещё.

— Твои ключи? — спросил он, оглядывая эти кучи, будто искал что-то конкретное.

Я не была уверена, что именно.

— Что это? — спросила я.

— Эм... Всё что я нашёл на чердаке. Я принёс всё вниз, надеясь разобраться в... во всём.

Я подошла и подняла кипу бумаг, лежавших сверху. Это были давние документы со времен Стэнфорда. Я сдержала улыбку, вспоминая, каким умником он был.

Он больше не был тем Августом. Он вообще теперь другой.

«Мне надо уходить отсюда».

— Ну, желаю удачи с этим, — вежливо сказала я, кладя ключи на гору бумаг. — Это был мой ключ от дома. Я хранила его, пока тебя не было — на всякий случай, но сейчас ты вернулся, и очевидно, нужды хранить его нет. Так что я возвращаю его. И было бы хорошо, если бы ты удалил меня из списка доверенных лиц.

Его глаза встретились с моими. Глаза насыщенного орехового цвета, в которые я так влюбилась в восемнадцать лет, когда моя жизнь была простой, а монстры были лишь существами из легенд.

— Удачи, Август, — мягко сказала я, прежде чем он смог ответить.

Оказалось, монстры имели вполне реальные формы, и сейчас я должна была помнить это.

***

Начало работы в предрассветные часы утром имело не много плюсов, кроме супер свежего кофе, пустых улиц и свободной второй половины дня.

Сегодня я была особенно благодарна за один из них, когда в три часа я закончила и направилась домой.

У меня было два часа, что бы придумать, что сказать Райану.

Два часа, чтобы сформулировать, что моя стычка с Августом ничего не значила.

Мои пальцы нервно стучали по рулю, пока я ждала зелёного сигнала светофора. Когда я повернула в «WholeFoods» за углом от нашей квартиры, я знала, что Райан со мной не согласится.

Для него это имеет огромное значение. Поэтому я не должна говорить ему.

Это должно быть так легко, просто. А разве «просто» – это не то, чего я хотела?

Поставив машину на стоянку, я тяжело опустила голову и сделала глубокий вдох.

Это будет просто – просто пропущу всё это происшествие. Он никогда не узнает.

Но сколько отношений построено на маленькой лжи? На скольких героинь, о которых я читала или смотрела фильмы, я кричала, за то, что совершают одну и ту же ошибку?

Не важно, какой маленькой, ложь всегда остаётся ложью. А секреты имеют тенденцию выясняться со временем.

Райан был мужчиной, с которым я собралась провести всю свою жизнь. Он был хороший, порядочный и добрый. Полная противоположность Августу и всему, что я оставила в прошлом. Я не позволю отголоскам прошлого испортить моё будущее.

Делаю решительный шаг вперед и выхожу из машины, начиная тщательно планировать свой вечер.

***

Я наводила последние штрихи на столе, когда вошёл Райан, заставляя меня практически выпрыгнуть вон из кожи.

«Успокойся, Эверли, тихо», — поругала я себя, поворачиваясь, чтобы встретиться с ним.

У него было забавное выражение лица, когда он молча смотрел на зажжённые свечи и затем снова на меня. Это было то испуганное выражение, которое появляется у парней, когда они видят, что дом обставлен определённым образом, и вдруг их мозг начинает судорожно пролистывать все даты, чтобы вспомнить что же особенного случилось в этот конкретный день.

— Успокойся, ты ничего не забыл, — уверила его я, натягивая на лицо улыбку, пока мой пульс возвращался в норму.

Его глаза откровенно скользили сверху вниз по моему телу.

— Ты уверена? Потому что я не помню, когда последний раз ты вытаскивала из печки запеканку в такой одежде.

Пожалуй, я перестаралась. Вина делает это с девушками. Но я просто хотела, чтобы он знал, как сильно я люблю его. У меня была тенденция действовать странно в стрессовой ситуации. Особенно странно в плане еды.

— Нет никаких годовщин. Никаких праздников. Я просто подумала, что было бы классно провести вечер вместе. Мы всегда едим в спешке, у телевизора. Разве так не лучше?

Медный оттенок в его глазах, попав под нужное освещение, превратился в настояще золото, когда он подходил ко мне. Повседневная улыбка играла на его лице.

— Да. Очень здорово.

Парень запечатлел на моих губах долгий, мягкий поцелуй, а затем схватил за талию и притянул ближе. Я чувствовала, как запах его крема после бритья смешивается с запахом моего собственного шампуня. Его шампунь закончился, и он пользовался моим последние несколько дней. Эта мысль заставила меня улыбнуться, и я опустила голову ему на плечо, лелея тот факт, что мне есть с кем делить шампунь.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил он, отступая и снова восхищаясь мной. Я не особо заморачивалась по поводу своего внешнего вида — просто чуть больше косметики, чем обычно, и хорошие джинсы, которые правильно подчёркивали все нужные части. Но мне было приятно внимание.

— Да, ничего... А, может быть, нальёшь вина? — предложила я, указывая на бутылку, которую только что открыла. — Как прошёл твой день? — спросила я, надеясь, что у него будут достойные долгих обсуждений истории. Хотя я хотела рассказать ему о своём дне, но не хотела это делать вот так сразу.

Может, после того как он выпьет бокал вина... или съест немного пасты. Это может улучшить настроение, не правда ли?

Сыр и вино всегда поднимали мне настроение.

— Хорошо, нормально, я думаю.

Я посмеялась, над его спутанным ответом.

— Ты ещё не решил, а? — спросила я, глядя, как он разливает мерло. Райан поставил бутылку обратно на маленький обеденный стол и повернулся обратно, блокируясь на стул.

— Просто разочарован, наверное. Этот мой новый клиент. Они...

— Разочаровывающие? — предположила я с ухмылкой, заканчивая перемешивать овощи, которые тушились на плите.

— Да. Сначала они хотят одно. В следующую минуту что-то другое. Потом они решают, что им что-то не нравится, но сами не понимают почему.

Райан был графическим дизайнером — достаточно хорошим, и он работал с лучшими интернет-компаниями в этой области. Он привык к разборчивым клиентам.

— И они отличаются от твоих прошлых клиентов? — засомневалась я.

— Наверное, я просто устал, — он вздохнул. — Готов к отпуску.

— Ты имеешь в виду медовый месяц? — поправила я с улыбкой. Парень подошёл ближе и снова скользнул руками по моей талии, положив подбородок мне на плечо.

— Да, было бы здорово. Какие мысли по поводу моих идей?

Наклонившись вперёд, я выключила конфорку, Райан отошёл, давая мне возможность разложить всё по тарелкам.

— Париж? Просто так много всего, Райан. Мы вообще можем себе это позволить?

— Эв, я довольно долго был холостяком. То есть, по сути, мне надо было заботиться только о себе. Не знаю, заметила ты, или нет, но я не сильно требовательный.

Я фыркнула, вспоминая запах малинового шампуня от его волос. Точно не требовательный.

— С моей работой я смог накопить достаточно много за эти годы. Я не хочу сумасшествовать, но позволь мне сделать это для нас. У нас будет только один медовый месяц.

Повернувшись к нему лицом, я не сдержала улыбку. Он заставлял меня быть лучше. С момента нашей встречи, он всё время заставлял меня становиться лучше.

— Хорошо, но только с одним условием, — сказала я. — Я хочу заплатить за половину из моих сбережений.

Райан открыл рот, чтобы протестовать, но я остановила его, держа руку, чтобы он молчал.

— Это мой выбор, — настаивала я. — Ты и так платишь больше, чем за свою часть аренды. Позволь мне сделать это.

— Ладно, — промямлил он, ненавидя эту идею, но маленькая улыбка всё же появилась на его лице, перед тем как он повернулся обратно к столу. — Но скоро уже не будет твоего или моего... будет наше. Свадьба для этого и существует.

— Ах так? — съязвила я. — Так вот во что я ввязалась.

Я достала последние вещи из духовки и направилась к столу. Когда я до этого приехала в продуктовый, у меня не было никакого плана меню, но из-за чувства вины, сжирающего меня изнутри, я решила придерживаться того, что знаю лучше всего. Глядя на обставленный стол, я думала, не надо ли мне было распланировать всё лучше.

— Выглядит великолепно, детка, — сказал Райан, садясь на своё обычное место возле окна. Мы не часто тут сидели, но когда делали это, всегда выбирали те же самые стулья. Моё было ближе к кухне, так как я бегала между двумя помещениями за забытыми вещами, типа масла или ножей.

— Ты уверен? — спросила я. — Выглядит немного странно.

Я была очень самокритичной, когда дело касалось готовки.

— Ты шутишь? Это мечта любого мужика. Мясной рулет, макароны с сыром, чёрт, даже овощи в масле. Это великолепно.

— Наверное, мне захотелось домашней еды, — я пожала плечами, накладывая ему на тарелку макароны с сыром. Он положил себе рулет, и мы принялись за еду. Слава богу, всё было вкусно, и через считанные минуты Райан уже тянулся за добавкой.

Похоже часы просмотра Паулы Дин и других звёзд «Пищевой Сети», наконец, дали результат.

— Так ты скажешь мне, что происходит? — спросил он после третьей добавки рулета. Он возил рулетом по тарелке, ловя оставшиеся кусочки сыра и мяса.

Наши глаза встретились, и я поняла, что можно не удивлять. Внезапно мысль о том, чтобы набивать щеки едой, больше не казалась привлекательной. Никакие запеканки и расфуфыренные наряды не спрячут того, что я что-то скрываю. Он слишком хорошо меня знал, с тем же успехом я могла просто написать всё на лбу, он всё равно увидит.

Я вздохнула, роняя голову на руки.

— Я настолько очевидна? — спросила я.

— Ну, ужин был немного перебор, — он улыбнулся.

— Ну, да... Ты поймал меня.

Мягкие пальцы взяли меня за подбородок, поднимая его, пока я не стала купаться в его тёплом взгляде.

— Что такое, Эв?

— Я видела Августа сегодня, — ответила я, чувствуя, каждое слово, когда я пыталась не отводить взгляд.

Его рука упала, тепло от его прикосновения рассеялось. Он рухнул на стул, я видела, как его глаза теряют фокусировку.

— Ты... — он остановился, — ...искала его? Ты хотела его видеть?

Вот почему я не должна была говорить ему, я не должна была ничего этого делать. Его муки ранили меня до глубины души. То всепоглощающее доверие, которое у нас было — пропало. Я видела первые элементы сомнения в его глазах.

— Нет, боже, нет, Райан, — ответила я, подвинувшись, чтобы взять его руку в свою. — Это была случайность.

Наконец, он посмотрел на меня — обнадёживающий знак, поэтому я продолжила.

— Он заблудился. Его выписали из больницы, и, похоже, он решил прогуляться. И забрёл в кафе. Не искал меня.

Райан мотнул головой, и из его горла вырвался болезненный смешок.

— Ну, конечно не искал, — сказал он тихо себе под нос.

— Райан, я, правда, не думаю, что он пытался что-то сделать.

— И что ты сделала, когда он появился потерянный в дверях, Эверли? — спросил он так, будто уже знал ответ.

— Я... я отвезла его домой.

Он улыбнулся и притянул наши соединённые руки к своим губам. Я смущённо смотрела, как он целует каждую мою костяшку, медленно. Благоговейно.

— Ты чертовски добра. Не пускай его к себе. Не забывай, Эверли. Никогда не забывай, каким человеком он однажды был.

Райан мягко потянул меня за руку, и я охотно пошла к нему, позже той же ночью, проследовала за ним в спальню и охотно отдалась ему, обещая себе, что сделаю всё, что угодно, чтобы заставить его забыть боль и недоверие, которое он чувствовал, после появления Августа в моей жизни.

Я не могла позволить Августу встать между нами.

И всё же, ночью, пока Райан спал в нашей постели, я думала об Августе, сидящем среди тех коробок, в раздумьях. В раздумьях, и не зная точно. И это съедало меня.

Я уже не могла остановиться.

Я была чертовски доброй.

Чертовски доброй и полной дурой.

Глава 8

Август

Прошло пятнадцать минут.

Пятнадцать самых долгих, чёртовых минут моей жизни.

Или я так думал.

Откуда мне было, блин, знать? У меня не было воспоминаний из жизни, чтобы сравнить.

Но пока я сидел там, слушая проигрыватель последней модели, пока он пытался ввести меня в состояние покоя и защищённости ложными звуками океана и птичьих песен, это и вправду казалось, как, блин, самое долгое время.

Он вообще собирался говорить?

Я продолжал осматривать маленький, но аккуратный кабинет, обратив внимание на модные серые стены и современное замшевое кресло, на котором он сидел напротив меня. Сильно отличающееся от любимых доктором Шнайдером тёмного дерева и кожи. Но различия этих двух мужчин не ограничивались предметами интерьера. Возглавляло список молчание со стороны этого парня.

Разве психологи не тренировались говорить? Или этот парень был особенный, потому что у него была табличка «терапевт»? Круто, похоже, я застрял с отчисленным из университета. И вдруг в моей голове на повторе заиграла строчка из припева песни «Милая прогульщица». Мне нужно несколько хороших друзей рядом время от времени, чтобы исправлять советы интернета, что посмотреть одинокими вечерами.

Я глянул снизу вверх на него, он приободряюще вежливо улыбнулся, но продолжал молчать. Я подавил желание опустить голову от досады, но, в конце концов, решил, что кто-то из нас должен что-то сказать. По меньшей мере, я хотел знать, умел ли он говорить словами. Настоящими словами. А не его счастливыми улыбками.

— Ну, вы собираетесь что-то сказать в течение этого часа, или мы так и будем пялиться друг на друга и молчать оставшиеся... — я посмотрел на часы и практически закатил глаза. Прошло всего две минуты с тех пор, как я последний раз смотрел на эту чёртову вещицу. — ...сорок три минуты.

Добрая улыбка вернулась, и он просто пожал плечами.

— Это ваше занятие. Вы можете использовать это время так, как пожелаете, Август.

Ну, эм, этот мужик всё-таки мог сформулировать предложение.

— То есть просто я должен говорить? О чём угодно?

— Если хотите, — ответил он. Его голос звучал так безэмоционально, как будто ему вообще было всё равно, находится он здесь или нет.

— А что, если бы я хотел просто сидеть тут и ничего не делать? — бросил я вызов, скрещивая руки на груди.

Непроницаемое лицо мужчины продолжало улыбаться.

— Ещё раз, ваш сеанс — ваш выбор. Я получаю свою зарплату вне зависимости от того, что здесь происходит, так что мне, по сути, не важно.

— Разве это не странный способ ведения бизнеса?

Его улыбка стала шире, и вокруг его тёмных карих глаз появились мелкие морщинки. Я добрался до него. Хорошо.

— Не совсем. Зачем пытаться помочь кому-то, если он не хочет, чтобы ему помогли? Это удручет всех задействованных. Вы не обязаны быть здесь — никто не заставляет вас искать терапию. Это просто настойчивая рекомендация. И всё же, вы здесь. Значит, мне надо выяснить, какая часть вас хочет помочи, иначе, зачем появляться? Так что, пока вы выясняете какой помочи, я просто буду здесь, ждать, зарабатывать деньги и продумывать список покупок.

Мой рот открылся, пока я пытался сформулировать своё возражение, но не смог промолвить ни слова.

Чёртов придурок прав!

Никто не заставлял меня быть здесь. Когда меня выпустили из больницы, доктор Шнайдер просто написал имена и телефоны терапевтов и психологов, особенно подчеркнув этого. Шнайдер сказал, что он крайне компетентный, но меня никто не заставлял ему звонить, с тех пор как я вышел оттуда.

Так почему я здесь?

Ответа у меня не было.

И у доктора Абрамса тоже. Так его звали, этого сумасшедшего доктора, который не говорил, пока не заговорят с ним.

Сумасшедший доктор побуждал меня смотреть на серые стены, пока я не пойму, что со мной не так.

Со мной... не с ним.

Да он чёртов гений!

***

Прошли недели, как коробки с чердака были разбросаны по гостиной.

Я распаковал каждую из них, но этим нисколько не приоткрыл дорогу к своему прошлому. Это была дурацкая затея, и я был дураком. Ничего не было подписано или

датировано, а в половине коробок вообще не было никакого порядка, как будто я скидывал туда разный хлам, не заботясь, что бы это значило.

Конечно, более давняя версия меня, скорее всего, думала, что мои навыки останутся неповреждёнными, и я смогу разобраться с этим.

Да... Смешно, как всё получилось.

Были вечера, когда я намеревался поджечь коробки и жарить зефир над костром, пока всё смятение уходит вместе с дымом. Но рациональная часть меня знала, что я буду сожалеть. Кроме того, рациональные люди не устраивают костров в своих гостиных, а я должен был доказать, что я в своём уме. Или хотя бы частично.

Удручённо проводя рукой по волосам, я взял фотографию, на которую смотрел последние несколько часов, и сел на диван. Я дотянулся до полупустой бутылки пива, которую потягивал уже больше часа, и ещё раз развернул фотографию, почему-то надеясь, что дата и времененная отметка магическим образом появилась, с тех пор как я последний раз проверял. Но нет, единственной вещью было слово «кодак», напечатанное по диагонали, как на многих других.

Повернув её обратно, я провёл большим пальцем по поверхности и смотрел на молодую версию себя самого.

Как странно узнавать себя на фотографии, но не иметь воспоминаний о том месте.

Но вот я был там, вряд ли старше десяти лет. Стоял возле океана, держа в руке огромное карамельное яблоко. Держа фотографию очень близко, я не мог не заметить широкую улыбку у себя на лице. Я думал, на кого я смотрю. Может на маму и папу? Я видел их фотографии или, по крайней мере, полагал, что видел, учитывая, как мне приходилось догадываться обо всём. Любил ли я их? Где они сейчас? Они мертвые? Они меня бросили, как все остальные, когда я стал слишком изменчивым?

Держа фотографию близко и глядя на неё, я заметил то, чего не видел раньше. На руке, которая держала карамельное яблоко, была небольшая повязка – бинт, белый и широкий, обмотанный вокруг левого большого пальца. Может я забирался на дерево или пробовал себя в роли шеф-повара? Гадая, что могло случиться, я инстинктивно глянул вниз и увидел еле заметный шрам прямо под ногтем большого пальца, который я не замечал до этого момента.

От этого открытия меня затошнило. Осознание нахлынуло приливной волной, и я почувствовал, что могу захлебнуться в наводнении воспоминаний из моей прошлой жизни.

Это было слишком.

Одну ночь я поздно не спал и попал на последние минуты фильма, где весь город был захвачен похищающими трупы инопланетянами. Вот так я себя чувствовал. Я не был

Августом Кинкейдом. Я был кем-то, поселившимся в его теле, от которого ожидалось продолжать жизнь, как будто ничего не случилось. Продолжать нормальную жизнь.

Для меня жизнь никогда не станет нормальной.

Я не мог рассчитывать на это, пока не верну свои воспоминания. Прошло уже несколько недель с тех пор, как я очнулся от комы, и ни одного воспоминания не появилось. Каждый проходящий день ещё сильнее доказывал, что я не верну назад то, что потерял.

Я одним глотком осушил пиво, кинул фото обратно в кучу и поднялся на ноги. Мне нужен был воздух, нужно было уйти подальше от дома. Я только и делал, что копался в этом хламе на протяжении нескольких недель, и вдруг воздух здесь стал казаться душным и затхлым.

Я направился к двери, что бы развеять тоску, но до этого удостоверился, что взял свой телефон. Мой адрес был вбит в приложение навигатора, то есть, по крайней мере, сейчас я не заблужусь в лабиринте окрестностей моего дома.

Я встряхнул головой, закрывая засов, и вспомнил неловкость между мной и Эверли, в тот день, когда она подвозила меня домой. Насколько сильно я ранил её, чтобы это порождало такую боль и напряжение между нами. Как могла любовь стать такой мучительной? По правде говоря, я не был уверен, что хочу знать. Что я узнаю о себе? Вещи, которые нельзя забыть.

Когда я сделал глубокий вдох, солёный воздух немного очистил мои мысли. Я пошёл вниз по улице. Была середина рабочего дня, так что единственными звуками, отражающимися эхом от скалы поблизости были крики случайных птиц или проезжающие машины.

После недолгих поисков в интернете я понял, что живу среди кинозвёзд и миллионеров. Морской карьер был типа Беверли-Хилз в Сан-Франциско, и как-то я умудрился отхватить там кусочек для себя.

Как? Не имел ни малейшего, блин, понятия.

После нескольких подобных прогулок, я обнаружил, что богачи не поливают газоны и не сплетничают над кустами роз, как это было показано в комедийном сериале в больнице, кроме того они не разрешали детям играть на подъездной дорожке.

Все были сами в себе. Это было устрашающе тихо.

Это являлось и благодатью, и проклятьем.

В моменты как этот, когда нужно было развеять мысли, это было замечательно. Я мог просто выйти из дома, не боясь, что наткнусь на кого-то. Я представлял, что мои соседи слишком заняты тем, что делают или тратят деньги, чтобы беспокоиться о ком-то кроме себя, так что у меня была целая окрестность, чтобы убрести прочь от моих забот.

Но, когда дело доходило до поиска ответов... Ну, в общем, это была ложа.

Никто меня не знал. Вряд ли кто-то заметил, что я исчез. Было ошибкой представиться парню из соседнего дома, музыканту или вроде того. Меня просто вежливо попросили уйти. Оказалось, он не знал, кто я такой и ему было плевать.

Вот тебе и добрососедство.

После часа или около того, я пришёл обратно домой и остановился, чтобы проверить почту. Снова пришли счета, включая из больницы, или за моего нового терапевта.

Хоть кто-то знал, где меня найти.

Пока я рылся в лишних и нужных счетах, мне на глаза попался знакомый конверт. Мои пальцы ласкали слова, пока я вспоминал, где я раньше видел этот почерк.

«Август и Эверли... 2005»

Почерк Эверли. Забывая обо всём, я поспешил внутрь и бросил прочую почту на столешницу. Я не знал, чего ожидать, но чувствовал возбуждение от одно предвкушения. Я ничего не знал о нашем прошлом, знал, что у нас нет ни единого шанса на будущее, но взгляд на моё имя, написанное её рукой, что-то со мной сделало.

И я не знал почему.

Могло ли сердце помнить то, что не мог разум?

Это было то, что я предполагал, я вытащил письмо и упал обратно на своё место на диване – единственное место, свободное от коробок, фотографий и пыли. В письме не было приветствий, никаких любезностей или как дела. Просто список дат и соответствующих событий.

Восьмое июня две тысячи первого – закончил колледж Сан-Маркос в Санта-Барбаре.

Четырнадцатое мая две тысячи пятого – закончил Стэнфордский университет, бакалавр бизнес и менеджмент.

Ещё много других дат было перечислено, включая дату моего рождения, даты рождений моих родителей и дату их смерти – десятое февраля две тысячи третьего. В скобках она указала причину. Автомобильная авария.

Больше никаких подробностей.

Мой взгляд затуманился, когда я закончил читать всё, что она мне дала, что было явно больше, чем я заслуживал.

Я должен был быть счастлив, должен был ликовать. Этот список был началом – моим первым шагом к выяснению, что же значит всё это деръмо, валяющееся в моей гостиной. Но вместо этого я чувствовал утрату.

Утрату родителей, которых я никогда не знал. Утрату жизни, которая написана на бумаге, вместо того, чтобы быть запомненной и прожитой.

Как бы ни было противно это признавать, похоже, шарлатан доктор в больнице не такой уж и сумасброд. Может мне стоило посмотреть на это как на второй шанс, а не восстановление.

В конце концов, я не мог восстановить то, чего не знал, и я точно не хотел быть человеком, которого все ненавидят. Так что сейчас мне предстояло выяснить, кем является новый я и исходить от этого. Возможно, когда-то я смогу стать кем-то, кем Эверли сможет гордиться, даже если она об этом не знает.

Да, это звучит достаточно легко.

Осматривая хаос в комнате, я без сомнений знал, что уже облажался.

Глава 9

Эверли

Секреты.

Секреты пробивают себе путь в твою душу, твой мозг, пока не получается так, что всё, о чём ты можешь думать – это та простая вещь, которую ты опустил в разговоре или та маленькая белая ложь, которую ты сказал, чтобы сохранить мир.

Секреты.

У всех они были.

У матерей, у мужей, даже у священников. Мы все тащим их на плечах, словно свинцовые гири, и улыбаемся, идём по жизни, словно всё в порядке.

И всё же, внутри мы кричали.

У меня были секреты, и они буквально съедали меня изнутри.

Я сказала себе учиться, глядя на грехи других. Никогда не хранить секретов от любимых, и, боже мой, я пыталась. Над макаронами с сыром я очистилась перед Райаном, рассказав детали моего некомфортного дня с Августом, потому что знала, что молчание разорвёт нас на части.

Потому что с секретами и ложью всегда приходит беда.

Мне надо было знать лучше, и, на самом деле, я знала. Я видела, как секреты разрушают пары, так почему же я не выбрала другой путь?

Я лучше знала, когда трясущейся рукой дотянулась до ручки в ящике нашего стола поздно ночью. Я знала лучше, когда аккуратно, одну за другой писала все даты на бумаге, пока Райан крепко спал в комнате дальше по коридору. Я знала, что вношу обман и раздрай в свои почти идеальные отношения, когда на следующий день опустила это письмо в почтовый ящик Августа.

Но я всё равно это сделала.

Почему?

Я всё ещё не знала.

Часть меня знала, что это моя нужда помочь – та часть меня, которая не могла пройти мимо раненной птички или брошенного щенка. Но я знала, что это не всё.

Глубоко внутри, часть меня, не желая этого признавать, знала, что я не готова оставить эту свою жизнь в прошлом.

И это был самый большой секрет.

***

Тёплая рука скользнула вокруг меня, выдирая из сна. Мой взгляд сфокусировался на тёмной комнате, и я почувствовала, как крепкое тело Августа прижимается к моему.

— Уже поздно, — сказала я, стирая сон со своих уставших глаз.

— Я знаю. Прости, — его пальцы впились в мое бедро, и хотя я была зла на него за то, что он оставил меня здесь, моё тело ответило, выгибаясь к нему, пока его горячее дыхание двигалось по мне.

— Ты съела еду, которую я тебе оставлял? Я купил её из ресторана, который ты любишь. И вино, оно было импортировано из Франции.

— Ты имеешь в виду ресторан, в который я никогда больше не смогу пойти? — многозначительно спросила я.

— Не сердись, Эверли, — прошептал он. — Ты знаешь, я ненавижу мысль о том, что ты выйдешь из этого дома незащищённой.

— Незащищённой от чего?

— Шшш, просто позволь мне любить тебя, — умолял он, вводя руку между моих дрожащих бёдер.

***

Мои веки задрожали, и отдалённый звук льющейся воды выдернул меня из сна.

Не сна, а воспоминания.

Первые лучи утреннего света заструились в нашу тихую спальню. Последние остатки моего сна улетучились, оставив моё тело дрожать от желания, так как я и помнила, что значит быть любимой Августом.

Я слушала, как Райан шумит в душе, пока пот стекал из моих пор. Каждое движение, каждая складка простины выматывали меня. Я извивалась. До сих пор запертая в своих воспоминаниях, я не могла выбраться.

Даже сейчас Август владел мной.

Смогу ли я когда-нибудь выбраться.

Мои глаза метнулись к полуоткрытой двери в ванную, пока моя рука путешествовала вдоль моего тела. Райан продолжал шуметь, совершенно не подозревая в ванной о том, что я начала ублажать себя.

Раздвинув свои влажные складочки, я стала долго и медленно тереть клитор. Моя голова упала на бок, и с губ сорвался стон. Я нуждалась в этом высвобождении больше, чем в следующем вдохе, я зажала рот и погрузила два пальца глубоко в своё лоно, зная, что мне не нужно будет большего, чтобы достичь оргазма.

Пока мои пальцы двигались внутрь и наружу, я дотронулась до клитора раз... два... и кончила. Сворачиваясь в комок, моё тело дрожало, пока волны оргазма плескались

вокруг меня. Я слышала, как закрылась вода, и медленно натянула покрывало на голову, пряча слёзы, стекающие по лицу.

Я не пошевелила ни одной мышцей, когда Райан ходил по комнате, одеваясь на работу. Я лежала там, обливаясь потом и слезами, пока тяжесть чувства вины не поглотила меня настолько, что я почувствовала, что могу утонуть.

***

— Сукин сын! — выругалась я, когда простой белый конверт упал на пол. Я только что вернулась домой после своей смены в кафе и остановилась возле почтового ящика, чтобы забрать дневную дозу журналов и счетов, когда нашла адресованное мне письмо из банка.

Обычно это бы не вызвало такого интереса, но оно было не из моего обычного банка, а из банка, который был нашим с Августом, с которым я больше не имела дел. Как и много других вещей, которые у меня были с Августом, эта связь была в прошлом. Никаких больше больших банковских счетов или инвестиционных портфолио. Теперь накопление на новый диван или поездку могло занять годы.

Но мои деньги все были моими, и я заработала каждый пени.

Я ещё раз посмотрела на сумму, пока держала чек в своих дрожащих руках.

Да, там действительно было заметно больше чем три ноля.

Дерьмо.

Я посмотрела на письмо ещё раз, надеясь, что оно даст какие-то ответы, но это было формальное приветствие и уведомление о том, что было приложено. Ни причины, ни обоснования того, почему человек только что очнувшись от двухгодового сна вдруг решил отправить своей бывшей девушке половину своего состояния.

Мне надо было сесть.

В то время, как многие люди бегали, прыгали бы от радости и обратились бы к ближайшему дилеру «Ауди» или «Картье», я не чувствовала ничего, кроме ярости.

Абсолютной ослепляющей ярости.

Кем он думал, он является, и какая, чёрт возьми, цель всего этого? Деньги из-за вины? Думал ли он, что должен мне что-то? Потому что те слова, которые у меня были для него, точно не включали «спасибо» или любую другую благодарность. Хватая со стойки свои ключи, я не удосужилась даже поменять пропитанную кофе одежду. Это должно было быть сделано сейчас, я посмотрела на часы, пока Райан не вернулся домой.

Секреты.

У них определённо была тенденция просачиваться в мою жизнь.

Когда я запрыгивала обратно в машину, то думала о письме.

О том глупом проклятом письме.

Если бы я его не отправила, всё равно была бы такая чертовщина?

Я без сомнений знала, что ответ будет да. Я показала Августу доброту, и теперь он отплачивает тем же, в своей странной манере. Только он никогда не сможет полностью понять, что эти деньги значили для меня. Потому, что он не помнит. Ничего.

Мой мозг гудел, закручиваясь в спираль прошлого, пока я летела вниз по шоссе в направлении дома, который я когда-то делила с Августом. В направлении жизни, которая у меня когда-то была — та, что началась, как красивая сказка, только чтобы закончиться несчастьем. Но, не смотря на всё, через что я прошла, я собралась, стёрла грязь, залечила раны и вышла сильнее, чем когда-либо и никто, в особенности не он, не сможет утащить меня обратно в ад.

* * *

— Это всего лишь вечеринка, Август, — настаивала я, нанося последние штрихи своего мэйкапа. Я провела за приготовлениями часы, удостоверившись, что выгляжу идеально для него.

Последние несколько недель я почти его не видела, дома он запирался в офисе, крича и командуя какому-то бедному служащему на другом конце телефонной линии. Я гордилась им и его стремительным успехом за последние пару лет, но в тайне скучала по нашему маленькому домику на другом конце города. Там был сквозняк и холод зимой, а иногда даже не работала печь, зато никто никогда не кричал.

Жизнь была гораздо проще.

— Я не хочу, чтобы ты шла, Эверли, — упрямо ответил он, встречаясь взглядом с моими глазами в зеркале туалетного столика.

Это был не первый раз, когда он пытался удержать меня дома, но я всегда выбиралась.

Поворачиваясь, я встретилась с ним взглядом, но тогда, когда я обычно видела, что он смягчается, сейчас я увидела только жесткие края и холодные линии.

Куда ты ушёл, Август?

— Но я провела часы, приготавливаясь, — я притворилась, что обижуюсь, давая ему скромную улыбку, которая, была уверена, растопит его сварливость.

Но он не двигался с места.

— Ну, давай, Август, — сказала я, вставая так, чтобы я могла проскользнуть руками по его плечам. Он не ответил на мои движения и остался непоколебим. Я старалась сильнее, прижимая своё тело к его. Моя грудь прижалась к его, я почувствовала заминку в его

дыхании. Его голова повернулась к моей, и на мгновение его нос коснулся моей шеи, вдыхая аромат моего парфюма, до того как он оттолкнул меня.

— Ты останешься здесь, Эверли, — твёрдо сказал он и ушёл.

И я осталась одна.

***

Не знаю, сколько я сидела перед его подъездной, глядя на массивный дом, держа руль моей старенькой побитой Киа так, будто это был символ новой жизни, которую я откопала из пепла той, что оставила позади.

Я промокнула слезу, даже не подозревая, что плакала, и взяла чек, который лежал на пассажирском сиденье, и глубоко вздохнула.

«Думай о настоящем», — сказала я себе.

Толкнув дверь, я вышла из машины и сделала несколько уверенных шагов к двери, надеясь, что та злость и ярость, которую я чувствовала дома, снова возникнут по мере моего приближения к его дверям.

Слёзы тут были не нужны.

Нажав на звонок, я обняла руками сложенный лист бумаги и стала ждать, стараясь не замечать латунный дверной молоток и то, как красиво на нём переплетались наши инициалы.

Подарок для уюта от его партнёра. Человека, который заставил все его мечты воплотиться.

Так он сказал.

До того, как получить работу мечты, Август работал в большой, хорошо известной фирме. Он стажировался там на последнем курсе и перед выпускным ему предложили работу. Парень заработал базовую зарплату и порядочные комиссионные на продажах. Это была хорошая жизнь для нас двоих. Ничего похожего на показную в кино жизнь биржевого брокера, обусловленную наркотиками, но мы были счастливы.

Или мы были, пока Август не встретил снова своего давнего друга Трента. Трент и Август были как братья, и в тот момент, как я его увидела, я поняла, что Трент — это беда.

Он был скользкий. Нет другого слова, чтобы нормально описать его, и чем дольше я его знала, тем больше это слово подходило.

Он смог увести Августа с его хорошего места работы и втянуть в великие возможности. Внезапно, они стали партнёрами, работающими днём и ночью на старт-ап компанию Трента, которую он основал всего год назад.

Я никогда особо не верила в поговорку «слишком хорошо, чтобы быть правдой», но когда наши счета в банке удвоились, и мы стали отмечать безумные сделки с шампанским, которое стоит больше чем аренда за месяц, я стала волноваться.

Август убеждал меня, что всё, что он делает легально, и я верила. В начале. Но деньги всё росли и росли без видимого конца.

Наравне с моей паникой.

Я пыталась возвратить к его здравому смыслу.

Тогда наше открытое общение и закончилось. Как и всё остальное.

Дверь резко открылась, прерывая мои мысли о прошлом.

— Эверли, — удивлённо произнес Август. Я не сказала ничего. Смотрела и не могла говорить. Мужчина, смотревший на меня, был приведением, и я снова окуналась в историю.

«Просто позволь мне любить тебя». Моя мечта стремительно вернулась, вместе с виной. Внезапно я почувствовала боль, слабость и тошноту одновременно.

— Ты в порядке? — спросил он, поддерживая меня за локоть, но я выдернула руку обратно. Я потянулась к его лицу, желая потрогать его волосы, но остановилась. Я не могла дотронуться до него. Я не буду дотрагиваться до него.

Парень очаровано проследил за моими движениями и улыбнулся.

— А, стрижка? — его рука пробежала по аккуратно подстриженным прядям. — Я подумал, что пора избавиться от бродяжьего вида и попробовать что-то более дерзкое. Тебе нравится?

Я всё ещё не могла говорить, поэтому медленно кивнула. Теперь он выглядел совсем как раньше. Как старый Август. Аккуратно подстриженные волосы, яркие ореховые глаза. Было тяжело смотреть на него, но я не могла отвернуться.

— Хочешь зайти? — предложил он, указывая на проходную.

Я сделала шаг вперёд, сжав чек в руке, говоря себе, что мне просто нужен был момент, чтобы собраться, перед тем как передать его. Просто момент, чтобы успокоить колотящееся сердце, и я уйду.

Дом пах всё так же. Я не знала, как это возможно, после всего этого времени, но каждый раз после его возвращения, заходя сюда, я могла закрыть глаза и всё ещё чувствовать соблазнительный аромат лаванды и мягкие нотки ванили. Я всегда любила это сочетание.

Сейчас оно усилило чувство тошноты. И вины.

Мы прошли за угол в гостиную, и я удивилась, увидев её прибранной. Коробки и кипы бумаг исчезли, оставляя тёплое гостеприимное пространство, которое я украсила много лет назад.

Я села в синее кресло, оно было тёплым и уютным. Внезапно всё стало неправильным. Сидеть здесь, в этом доме... с ним... было не правильно. Совсем не правильно.

Всё связанное с нами двоими было не правильно. Раньше он выглядел и вёл себя иначе. Было легко осознавать, что произошло, чтобы относиться к нему как к другому человеку.

Но он не был другим. Он был и всегда будет Августом.

Холодным, бесчувственным Августом.

В воспоминаниях или нет.

— Я просто хотела заехать и отдать тебе это, — сказала я спокойно, кладя теперь уже помятый чек на кофейный столик. Я подвинула его к нему, оставаясь жёсткой и не преклонной.

Сидя напротив меня, он наклонился, взял чек и быстро пробежал по нему глазами.

— Но почему? — спросил он, когда наши глаза встретились.

— Я не могу взять твои деньги.

— Насколько я знаю, это наши деньги, Эверли. Я подумал, это будет честно, — он пожал плечами снова, облокачиваясь на плюшевые диванные подушки. Такой будничный. Такой расслабленный.

— Эти деньги не мои. Мы не были женаты. Я не хочу ни единого пени из них.

— Послушай, я просто пытаюсь собрать мою жизнь или, по крайней мере, то, что от неё осталось. Мне не понадобится столько денег. Никогда. Я подумал, что тебе они будут нужнее для новой жизни с будущим мужем. Но если я пересёк границу, просто так и скажи.

Я стиснула зубы, мои слова были еле слышны.

— Ты пересёк границу, Август.

Его глаза округлились, когда он наклонился вперёд.

— Что он с тобой сделал?

Это был первый раз, когда он заговорил про себя прежнего в третьем лице. На мгновение меня это почти покорило. Если бы не новая стрижка и модная одежда, которую, догадываюсь, он вытащил из шкафа, я бы, наверное, сломалась прямо там в тот момент, позволяя ему держать меня, пока я сквозь слёзы и всхлипы рассказываю свои историю.

Но я не могла. Не с его взглядом на мне.

— Спасибо за вашу щедрость, мистер Кинкейд, но я вынуждена отказаться.

Поднявшись на ноги, я быстро прошла к двери и обернулась посмотреть, не идёт ли он за мной.

— Хорошего дня, — смогла сказать я, перед тем как повернуть ручку и выйти на свежий воздух. Я сделала глубокий вдох, закрыла за собой дверь и оказалась лицом к лицу с дверным молоточком.

А и Э.

Я убежала до того, как слёзы упали на асфальт.

Глава 10

Август

— На днях я пытался отдать женщине несколько миллионов долларов, — выпалил я, разрушая напряжённое молчание, в котором мы сидели более получаса. Это был мой третий визит к тихому терапевту, и вряд ли хоть слово было сказано с первого дня. Это становилось чертовски удручающим, и мне кажется, он знал это.

Он знал, что со временем я сломаюсь.

И я сломался. Как орех.

Мужчина поднял одну темную бровь, заинтересовавшись, пока подбирал слова.

— Что ж, это было щедро.

Из моего горла вырвалось что-то вроде хриплого смешка.

— Вам так кажется. Но она отказалась. Хладнокровно. По сути, просто кинула этот чёртов чек мне в лицо.

Теперь я мерил шагами комнату, словно тигр в клетке.

Когда я успел попасться?

— И это заставляет вас чувствовать себя таким взволнованным? — спросил он.

Я в шоке повернулся к нему.

— Ага! Я знал, что вы один из этих! — я обвиняющее ткнул пальцем.

— Один из этих? — спросил он, выглядя слегка заинтересовано.

— Вы играете крутого с вашим пассивно-агрессивным отношением и сумасшедшим проигрывателем, но я знал, что глубоко внутри вас сидит нормальный, предсказуемый психотерапевт, который только и ждёт, чтобы вылезти наружу.

Он, как я полагал, побеждённо вздохнул, и я стал молча ждать его признания. Все, что он сделал до этого момента, было просто обманом, тонкой вуалью, чтобы заставить меня чувствовать себя комфортно. И я почти купился, но он ничем не отличался от доктора СчастливБудьЗдоров из больницы. Они все писали в своих маленьких блокнотах, осуждая своих клиентов во всех их проблемах, только чтобы пойти домой, в свой маленький грёбаный мир.

У нас у всех были проблемы с головой, просто у некоторых чуть больше, чем у других.

— Не хотите пойти выпить пива? — наконец спросил он, и мои глаза удивленно округлились.

— Что?

— Ну, я подумал, что мы тут закончили, и я бы не отказался от пива и тарелки начос (Прим.Начос (*исп. nachos*) – закуска мексиканской кухни, представляющая собой чипсы из кукурузной тортильи с различными добавками). Ниже по улице есть место, где подают лучшие начос в городе. Вы идёте?

Этот парень и вправду псих.

— Вы платите? — спросил я.

— Нет, вы. Вы видимо при деньгах.

Я взорвался смехом, соглашаясь на его безумное предложение.

Может, в конце концов, этот безумный псих как раз то, что мне было нужно?

***

— Так какая у вас история, доктор Абрамс? — спросил я, когда мы устроились за тихим столиком в углу, наверное, самого маленького ресторана, который я видел.

По крайней мере, насколько я знал.

Боже, моя жизнь отстой. Каждая мысль, каждый комментарий, пробегающий у меня в голове, были лишь догадками. Был ли этот ресторан самым маленьким из тех, что я видел?

Чёрт, чтоб я знал.

Я когда-нибудь уезжал из страны? Без понятия. Мне больше нравится шоколад или ваниль? Без понятия.

— Брик, зовите меня Брик, — ответил он, уходя от моего расплывчатого вопроса.

— Хорошо, Брик, какая у вас история? — снова спросил я.

— Нечего особо рассказывать, — парировал доктор Абрамс, делая большой глоток пива из маленькой пивоварни, которое он заказал. — Мальчик из Среднего Запада, который влюбился в старые фильмы о сёрфинге.

— Как «Джиджет и пляжная вечеринка».

Его брови удивлённо поднялись.

— У меня были проблемы со сном, — признался я, перед тем как он усмехнулся. — Так что я посмотрел много плохих старых фильмов.

— Скорее как «Бесконечное лето и утро Земли», — ответил Брик. — Просмотр этих фильмов изменил меня, заставил видеть что-то большее, а не только нашу маленькую ферму. Я умолял отца купить мне доску для сёрфинга, когда мне было десять, не беспокоясь, что ближайший океан был в полутора тысячах милях от нас. Отец был не особо воодушевлён этой идеей. Когда дело дошло до поступления в колледж, я выбрал школы во Флориде и Калифорнии, в конечном итоге, сделал небольшой крюк, перед тем как попасть на занятия.

— Волны звали тебя, — прервал я его, улыбаясь.

— Да, что-то вроде того. И безумная ненависть к снегу тоже не влияла.

Мы оба засмеялись, продолжая попивать пиво.

— А как во всё это вмешалась психология? — спросил я, наконец, после долгой паузы в разговоре.

Он пожал плечами.

— Стало любопытно, наверное.

Я с интересом покачал головой, пока изучал его. Тёмно карие, цвета молочного шоколада, глаза выделялись на загорелой коже, которая постарела после многих лет под солнцем. Его чёрные волосы были приглажены назад, и его внешность скорее создавала впечатление человека, которого не заботило ничего в мире, чем человека, который хранит секреты многих людей.

— Ну, давайте же. Должно же быть что-то ещё, — настаивал я, надеясь, что он всё-таки выдаст ответ.

— Есть, я просто пока не готов поделиться.

«А вы пока не готовы услышать», — он не сказал это, но я почувствовал эту недосказанность, висящую в воздухе, как не осевшая грязь.

После этого мы сидели в неловком молчании и ждали, пока принесут нашу еду. Я раскачивал напиток, смывая конденсат на стакане, и внезапно подумал о том, какие секреты были у самого доктора Абрамса – Брика.

Невозможно тащить багаж из секретов стольких людей, не имея своих.

И чем больше я узнавал его, тем больше думал, что он со мной согласится.

Слава Богу, наша еда была готова всего несколькими минутами позже. Её принесла самоуверенная молодая девушка с длинными красными косичками и миллионом браслетов, звенящих на её запястьях. Они напомнили мне о колокольчиках, которые вешают на домашних кошек. Звенят, звенят, звенят... всё время. Днём и ночью.

Сводит с ума.

Что ж, хотя бы она не могла подслушивать нас.

— Могу я принести вам что-нибудь ещё? — спросила она, зачарованно глядя на меня.

— Нет, думаю нам достаточно, Мэг, — вежливо ответил Брик. Девушка кивнула, наконец, оторвав свой взгляд от меня, и поспешила обратно на кухню.

Когда мы принялись за свои начос, разговор продолжился. На этот раз начал Брик. Видимо мистер Не-Говорю-Пока-Не-Заговорят иногда нарушал свои собственные правила.

Или, по крайней мере, когда была замешана еда. И пиво.

— Так что было у вас в голове, какие были мысли, когда вы решили отдать, как вы там сказали? Ах да, несколько миллионов долларов.

Умный, зараза.

— Это был случайный выбор? Или вы выбрали особую женщину? Как вообще выбирают получателя такого?

— Ну, а вы болтливый сегодня!

— Просто пытаюсь завязать диалог, — он пожал плечами, отпивая пива, перед тем как приступить к еде.

— Не случайный, — ответил я. — Она — моя бывшая, с тех времён, когда...

— Когда у вас были воспоминания, хорошо, продолжайте, — очень по-деловому сказал он между едой.

— И я просто хотел дать ей что-то.

— Почему? — настаивал он. Я отклонился на кресло и смотрел на него, пока он продолжал есть, как ни в чём не бывало. Как будто мы говорили о футболе или о погоде. А не о чём-то деликатном как моя жизнь или Эверли.

Только от упоминания её имени у меня скручивало живот, и я не имел понятия почему.

— Потому что я... я не знаю.

— Знаете. Иначе бы вы этого не сделали. Сколько миллионов?

— Что? — спросил я.

— Вы говорили несколько миллионов. Я хотел бы уточнить.

— Три. Три миллиона, — ответил я.

Он остановился, что бы сделать глоток из своей почти пустой бутылки.

— Люди в своём уме не отдают три миллиона просто без причины.

— Но я думал, что в этом и дело. Думал, я сумасшедший.

— Я работал со многими не нормальными людьми за все эти годы, Август, и я достаточно хорошо разбираюсь в выявлении симптомов болезни рассудка.

— И?

— И... вы не сумасшедший. Вы несчастный.

— И как это исправить? — спросил я, глядя не него через стол.

— Это вам решать.

***

— То есть, вы не находите это сумасшедшим? Даже чуть-чуть? — спросил я, указывая на то, что когда-то было моей гостиной, а теперь загромождением больших коричневых пакетов из продуктовых магазинов, мешками с одеждой и кучами, кучами дисков, книг и журналов.

— Нет, если это приводит вас туда, где вы хотите быть, — ответил Брик, садясь на единственное свободное от хлама место. На место, которое занимала Эверли всего несколько дней назад.

Она практически не могла смотреть на меня в тот день, её руки тряслись, когда она протянула мне чек.

Было похоже, будто она увидела призрака.

Вот и всё, чем я буду для неё? Отражением прошлого?

Больно осознавать, как она страдает, каждый раз глядя на меня, и всё же я боролся с желанием утешить её от той боли, которую она, должно быть, чувствует. Защитить её от... себя.

Может ли человек и вправду измениться? Или в глубине души я навсегда останусь им?

Наверное, пришло время выяснить.

— Хорошо, давай сделаем это, — сказал я, в нетерпении потирая руки. — У вас есть блокнот? — спросил я Брика. Он достал кожаную записную книжку, которую я купил, чтобы всё записывать, после того как у меня родился этот план — после нескольких «Корон» (*прим. название пива*) в этом маленьком мексиканском ресторанчике — я буквально заставил его всё записывать.

Он консультант. Он должен быть хорош в этих пометках.

— С чего вы хотите начать? — спросил он, глядя на меня и крутя ручку в руках. Я всё ещё не мог полностью понять его. Например, почему во вторник вечером он развлекался со мной вместо того, чтобы быть дома с семьёй.

Была ли у него семья?

Кроме имени и того факта, что он увлекался серфингом, я не много знал о личности доброго доктора. Чёрт, я даже не был уверен, был ли он доктором. Я просто продолжал так его называть. Табличка на двери его офиса гласила «терапевт», но я не был уверен, что это значит. Как бы то ни было, в первый раз после выписки из больницы я почувствовал, что нашёл кого-то, кого я могу назвать другом.

Или что-то близко к другу, так как я не был уверен, как назвать эти отношения, и насколько я в ответственности за них. Честно, мне было плевать.

Осмотрев мешки и груды книг и фильмов, мой взгляд остановился на коричневом бумажном пакете передо мной.

— Вот, думаю, мороженое сейчас подойдёт, — я вытащил баночки «Бен и Джерри», большую банку «Драйерс» и кучу других разных баночек с различными вкусами.

Когда мы расплачивались в магазине, с таким количеством конфет, мороженого и алкоголя, что можно было обеспечить небольшую вечеринку, девушка на кассе взглянула на нас и спросила:

— Беременная жена? — я посмотрел на текилу и ром в моих трясущихся руках, а она просто засмеялась. — Я вижу такое сочетание, по крайней мере, дважды в неделю, но обычно это у усталых, измотанных будущих папаш.

Мы посмеялись, а затем поблагодарили её, собрали сумки и направились к машине. Пока мы сделали ещё несколько остановок по пути, я думал о её предположении, что я мог быть отцом или хотя бы мужем, готовящимся стать отцом. Когда я посмотрел в зеркало, то увидел просто мужчину — пустую оболочку мужчины, смотрящую прямо на меня. У него не было прошлого и, по большей части, не было будущего.

Но в этом... было что-то ещё. Может, она и совсем меня не знала, но увидела возможности.

Может, мне тоже следовало бы.

Поставив разные виды мороженого перед собой в ряд, я посмотрел на них. Каждая баночка ждала своей очереди.

Сегодня я намеревался решить раз и навсегда, какое мороженое Август Кинкейд любил больше всего.

Это был превосходный план, который я состряпал и умудрился ввязать туда моего терапевта и теперь псевдо друга. Медленно, но я собирался разобраться в своей жизни. Может, она будет другой. Может, будет новой. Но суть в том, что она будет моей. Я устал скорбеть о жизни, которую, возможно, никогда не верну, и откровенно, я не был уверен, что хочу.

Мне сказали, что это дар, и я собирался так к этому и относиться.

Начиная с мороженого. Другие парни, наверное, начали бы с выпивки, но я всё ещё был голодный и вполне уверенный, что если бы начал с выпивки, то стал бы как большинство парней, и просто отдал бы предпочтение тому, что первое опьянило меня.

Подняв крышечку первой баночки мороженого, я зачерпнул его ложкой и положил в рот, только чтобы скривиться в следующую секунду.

— Чёрт, это ужасно, — сказал я, глядя на этикетку.

— Так, значит, мята не входит в список предпочтений, — засмеялся Брик, чирикая в блокноте.

— Хочешь? — спросил я, закрывая его крышкой и протягивая ему.

— Конечно, моя жена его обожает.

Так значит, он был женат. Я отложил эту информацию в ящичек, что я знал о докторе Абрамсе, и продолжил. Клубничное, вишнёвое и шоколадное были неплохими, но ванильное всё же возглавило список моих фаворитов.

— Из всех вкусов в мире, ты выбрал самый скучный, — прокомментировал Брик, откладывая блокнот, чтобы помочь мне убраться.

Я пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Наверное, я просто люблю классику.

— Хочешь попробовать что-то ещё, или на сегодня хватит?

Оглядывая кучи коробок, часть меня хотела пробежать по всему этому и заполнить блокнот до корки моими новыми вкусами, но я знал, что это всё часть приключения.

— Нет, на сегодня хватит. Я возьму фильм, положу себе огромную миску ванильного мороженого и проведу вечер, расслабляясь.

Он кивнул, на его обветренном лице заиграла улыбка.

— Выбери хороший. Звучишь так, что последнее время ты смотрел всякую дрянь.

Я вспомнил свой комментарий к «Джиджет» и засмеялся (*прим.: Джиджет – комедийный сериал 1965 года телеканала ABC, рассказывающий о приключениях девушки-серфера*).

— Хорошо. Но откуда я буду знать, что это хороший? — спросил я с ухмылкой.

— Наверное, это часть игры, разве нет? Но один совет, Август.

— Да?

— Избегай мюзиклов. Их никто не любит. Никто.

Мой смех преследовал его до самой двери. Если бы он только знал. Слова из «Грэйс» всё ещё преследовали меня.

Глава 11

Эверли

— Bay, так эти фантастически подсвеченные зеркала действительно существуют за пределами ТВ-шоу, — сказала я, входя в гримёрную Сары. Её взгляд встретился с моим и засиял ярче, чем круглые лампочки, которые окружали девушку. С нанесенным макияжем она выглядела потрясающе, её волосы были затянуты в тугой пучок, украшенный бриллиантами.

Такой её должны были видеть — готовой зажечь сцену и ослепить зрителей.

Всё ещё закутанная в розовый сатиновый плед и в пушистых тапочках, Сара повернулась.

— Посмотри на себя! Пацанка превратилась в соблазнительницу! — воскликнула она, заставив меня почувствовать себя неловко. Подруга не знала, что раньше я постоянно так одевалась. Какое-то время вечеринки, благотворительные мероприятия и концерты были моей жизнью. Было весело каждый день надевать новое платье и брать на каждое мероприятие новую сумочку, но ничего из этого стало не важно, когда Август упал на моих руках. И теперь шикарная одежда и украшения были неловкими и не к месту.

Так же как и я.

— Я так горжусь тобой, — мягко сказала я, заключая её в объятия. Мы долго обнимались, положив головы друг другу на плечи, с лёгкостью двух друзей, которые поддерживали друг друга и в лёгкие, и в тяжёлые времена.

— Кто бы мог подумать, — наконец сказала она.

Отступая назад, я посмотрела в её яркие голубые глаза и тепло улыбнулась.

— Я бы могла. Я подумала. Всегда знала, что однажды ты добьёшься этого, Сара. Тебе суждено было удивлять людей и заставлять их сворачивать головы.

— Я так рада, что мы встретились в том лобби, — шмыгнула она, стараясь сдержать слёзы.

— Да здравствуют долбанутые психи! — засмеялась я.

Мы еще раз обнялись и сели. Подруга села у своего туалетного столика и стала наносить последние штрихи своего макияжа, а я села напротив нее и смотрела, как она добавляла больше туши на свои длинные, накладные ресницы и белые блестящие тени на веки.

Сара светилась, прямо как принцесса лебедь, которой она всегда хотела быть.

— Ну, как всё идёт? — спросила она, пока я пыталась не засмеяться.

Она опять произносила звуки в странной манере – с открытым ртом, как делают женщины, когда красят ресницы. Придумал ли кто-то, чтобы мы так делали, или это происходит инстинктивно? У меня никогда не было матери или кого-либо, чтобы проинструктировать меня на тему правильного нанесения макияжа, и всё же, я делала так же.

— Всё хорошо, — ответила я. — Правда, хорошо, — я сделала ударение на последнем слове, что бы избежать дальнейших допросов.

— Ах, так? Определились с местом свадьбы?

Чёрт. Я должна была знать. Это была Сара. Отбросив показушничество и балетные пачки, она всё ещё была моей лучшей подругой, и, как акула, она всегда находила мои слабые места.

— Нет. Ещё нет, но мы сузили список.

— Сколько?

— Что? — прикинулась я дурочкой, наблюдая, как Сара суетится с губной помадой.

— Сколько осталось в списке? Три... два? — спросила она.

— Десять? — предположила я и вдохнула. — Ладно, я особо не смотрела, с тех пор как мы вместе листали тот свадебный журнал. Но я была занята тем, что происходит...

— С Августом? — догадалась она.

— Нет... Да, — мягко сказала я. — Это сложно. Он постоянно там... всё время. В моих мыслях, снах... постоянно возникает. Снова. Я не хочу, чтобы он там был, но всё равно. Я просто отвлечённая, беспокойная и нетерпеливая всё чёртово время, — наконец призналась я.

Это было признание, которое я сама не признавала, и наличие смелости, чтобы, наконец, сказать это вслух заставило меня чувствовать, как с моих плеч исчезает груз.

Хотела я этого или нет, но Август вернулся в мою жизнь. И мне надо было придумать, как мириться с этим. Должна ли я обрезать все контакты с ним? Это было бы здравое решение, правильный путь, но всё же, когда я думала, что больше не смогу поговорить с ним, моя грудь сжималась, не знаю почему. Этот человек, который причинил мне столько боли... Почему я не могу просто уйти от него?

Тёплая рука Сары коснулась моей, я увидела её нежный, заискивающий взгляд.

— Не давай ему задерживать твою жизнь снова. Выбери место, выйди замуж за Райана. Живи, Эв, и отпусти, наконец, своё прошлое.

Я кивнула, зная, что каждое её слово – правда. Она была права. Я должна отпустить. Должна уйти. Навсегда.

— Ну, мне правда понравилось маленькая деревенская церковь, которую ты показывала, — ответила я с глуповатой улыбкой.

— Вот теперь это ты говоришь, — она улыбнулась. — Давай обговорим главные украшения.

Моя голова уже кружилась.

***

Нервничая, я посмотрела вниз на свой телефон, проверила время и вздохнула. Я обещала Райану, что буду не более двадцати минут.

Это было почти сорок минут назад. Бог знает что, он делает в таком месте без меня. Было много причин, почему я любила Райана — его мягкая натура, преданность, и даже его чрезмерная скромность. Он, бывало, безжалостно преследовал меня, но только потому, что думал, что я ещё больше сдержанна, чем он.

Но парень не догадывался, что я просто испуганна и сломлена.

Правда, он выяснил это достаточно скоро, но всё равно, не сбежал. Тогда я поняла, что он — защитник. И с тех пор я держалась за него. И сейчас мне надо было найти своего скромного ботаника и спасти его от элиты Сан-Франциско.

Я быстро влилась в толпу. Люди развлекались в холле, выпивали и общались между собой. Это был вечер открытия, и все нарядились, надеясь произвести впечатление. Дизайнерские платья, модная обувь и, конечно же, драгоценности были замечены мной, пока я пробивала себе дорогу, стараясь не задохнуться от ароматов дорогого парфюма, витавших в воздухе. Мой глаз задержался на маленькой девочке в углу, вцепившейся в свою мать. Они обе хоть и были хорошо одеты, выглядели намного скромнее по сравнению с остальными и, казалось, находились в своем маленьком мирке. Мать наклонилась, чтобы поправить платье ребенка, разглаживая юбку над множеством слоев кринолина. Женщина улыбнулась и поцеловала дочь в лоб. Волнение и предвкушение светились в глазах маленькой девочки, пока она ждала, когда откроются двери и начнется представление.

Я настолько погрузилась в этот момент, думая, каково это для нее находиться в эпицентре этого события, которое превратится в прекрасное, дорогое ей воспоминание, что перестала смотреть, куда шла, как вдруг две руки схватили меня за плечи и заставили остановиться.

— Эверли?

Я подняла голову и увидела последнего человека, которого ожидала здесь увидеть. Мои глаза опустились туда, где Август держал меня, и я тут же отпрянула на расстояние от него, но жар от его прикосновений ощущался так сильно, что я быстро подняла руку и дотронулась до этого места.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, в последний раз взглянув на маму с дочкой, пока их счастливые лица не затерялись в толпе.

— Оказывается, я финансирую искусство, — ответил он, пожав плечами.

— Да, финансируешь, — ответила я. — Много лет. Когда ты... после того, как ты впал в кому, я была назначена управляющей твоим имуществом, так что я продолжила заниматься твоими благотворительными взносами, — сказала я, чувствуя угрызения совести.

Он кивнул, я увидела теплоту в его глазах, но не знала, что с этим делать, поэтому отвела взгляд и посмотрела на свои ногти, на потолок, на пол. Куда угодно, лишь бы не на него.

Боже, я хочу смотреть на него.

— Спасибо. Я действительно ценю то, что ты для меня делала, знаю, это, наверное, было... тяжело.

У меня не было ответа на это. Во всяком случае, короткого, так что я позволила неловкой тишине между нами ответить за меня.

— Как бы то ни было, так как я постоянный спонсор, меня пригласили на сегодняшнее мероприятие, и я подумал, чёрт, почему бы и нет?

Небольшой смешок вырвался у меня изо рта, и я постаралась скрыть его рукой.

— Ты находишь это смешным? — спросил он с возбуждённым взглядом.

— Просто ты никогда не любил балет, — ответила я.

— Ну, я пробую новое. Много нового. Например, арахисовое масло... Тебе оно нравится?

Моя бровь удивлённо поднялась от такого случайного вопроса.

— Вроде того, — ответила я.

— Я его обожаю. Могу класть его на что угодно. Я, наверное, целую банку вчера съел. И арбуз — мне очень нравится арбуз.

Я не смогла сдержать смех. Как давно я не видела от этого мужчины никаких эмоций, кроме злости и ревности.

— Так вот что ты теперь делаешь? Пробуешь еду и ходишь на балет?

Его глаза устремились к бару, и я проследила его взгляд. Симпатичная рыжеволосая девушка, одетая в мини платье и тонну украшений, улыбнулась и помахала.

— А, я вижу. Пробуешь и другое тоже? — спросила я, пока острый приступ ревности прожигал мою грудь.

— Пытаюсь, наверное. Хотя, на самом деле, я её не переношу, — признался он со смехом.

Я попыталась остановить самодовольную ухмылку.

— Почему? Больше не нравятся рыженькие?

«Почему меня это волнует?»

Его взгляд остановился на мне, перед тем как он заговорил.

— Нет, эта конкретная.

Бабочки запорхали у меня в животе.

Девушка Августа подошла, как будто бы её звали, в то же время когда я заметила Райана. Глядя на него, меня будто окатили холодной водой, и я вдруг осознала рядом с кем стою. Глаза Райана тут же сузились, глядя на Августа, и было такое чувство, что моё сердце перестало биться.

— Эверли, — когда Райан подошел, его рука властно легла мне на талию, и он крепко притянул меня к себе. Двое мужчин посмотрели друг на друга, но ничего не сказали, а я не могла не заметить взгляд Августа, когда Райан начал медленно поглаживать меня рукой вверх-вниз.

— Был раз увидеть тебя, Эверли. Желаю хорошо провести время, — наконец пробормотал Август, взяв свою девушку за руку, перед тем как раствориться в толпе.

— Что это было, черт возьми? — гаркнул Райан, повернув меня к себе и оглядев с ног до головы. Его глаза были наполнены волнением и беспокойством. Я взяла его за руки и положила свою голову ему на плечо.

— Ничего. Ничего не было. Я просто наткнулась на него, пока искала тебя.

— Мне не нравится видеть тебя рядом с ним, — процедил он сквозь зубы, и я почувствовала, как его губы дотронулись до моего лба.

— Знаю. Мне тоже это не нравится, — ответила. Я избегала его взгляда и гадала, добавила ли ещё одну ложь в вечно растущую кучу.

— Ну и кого она будет играть? — спросил Райан, заглянув в программу. Я закатила глаза и посмеялась над его невежеством. Он никогда не был на балете за всю свою жизнь и, скорее всего, никогда бы и не побывал, если бы я не привела его сюда сегодня.

— Одессу, — ответила я, указывая на первую страницу, где были перечислены главные роли. Его глаза загорелись, когда я перевернула на середину, где были биографии и фото.

— Эй, смотри! Вон она, — сказал он с ноткой гордости в голосе. Хотя Сара и Райан не проводили вместе много времени, они сблизились за последние полтора года, и их совместная дружба расцвела. Я была рада видеть его здесь, поддерживающим её, хотя мне и пришлось практически вытаскивать его за дверь, когда он узнал, что должен надеть костюм.

Поддержка есть поддержка, даже если вынужденная, ведь так?

Я успела освежить дыхание и бросить сумку под сиденье за секунды до того, как погас свет, и заиграл оркестр. Дирижер вышел в центр оркестровой ямы и поклонился, затем быстро поднял руки и начал. Мои глаза были прикованы к сцене, ожидая появление Сары.

Мне действительно нужно было посмотреть программу.

Вытащив её из рук Райана, я повернула её к сцене, к свету и обнаружила, что она не появилась в течение нескольких сцен. Моё возбуждение немного угасло, и глаза стали блуждать по толпе.

«*Не ищи его, Эверли, не надо*».

Но мне не надо было искать.

Я уже знала, где он. Он всегда сидел на одном и том же месте – лучшем в зале.

***

— Август, почему мы всегда сидим здесь? — спросила я, осматривая огромные, персональные места в ложе, находящиеся высоко над сценой. Когда мы там сидели впервые, высота показалась мне пугающей, но как только началось представление, я забыла обо всем. Я любила все в этом виде искусства – песни, страсть актеров, технику и самоотверженность танцоров. Я никогда не делала ничего настолько бескураживающего в своей жизни, тем не менее, я была очарована этим.

— Потому что это лучшие места, — просто отвечал он, беря мою руку в свою и сплетая пальцы, и так мы сидели, смотрели современный балет, представленный внизу. Настолько отличающийся от классического балета, к которому я привыкла, это представление сдвигало границы и привносило совершенно иной стиль в танец. Я была загипнотизирована тем, как пара двигалась по сцене. Он с лёгкостью поднимал её, опускал, скользя по собственному телу до тех пор, пока она изящно не опускалась на пол. Когда он зависал над ней, я чувствовала, как рука Августа сжимает моё колено. Его прикосновение заставляло мою кровь закипать.

Я глянула на него через плечо, но он покачал головой.

— Мы одни, — прошептал он, указывая на плотно задёрнутую занавеску за нами. Моё сердце бешено стучало от нетерпения того, что он собирался сделать, глядя на сотни ничего неподозревающих зрителей в партере внизу.

Я старалась сфокусироваться на красивой паре, пока они двигались в страстном вихре, но чем дальше рука Августа продвигалась по моему бедру, тем сложнее было держать дыхание в нормальном ритме.

— Раздвинь ноги шире, — проинструктировал он, хриплым командным голосом.

Когда сделала, как он просил, я благодарила небеса за то, что балконы находятся достаточно высоко, чтобы скрыть мою неприличную позу. И за то, что было темно.

Я была очень-очень рада, что было темно.

— Расслабься, Эверли, — прошептал парень, пока его рука медленно исчезала между моих бёдер.

Я глубоко вздохнула и зажмурилась на мгновенье, когда сделала то, что он велел.
Я расслабилась.
Это было так волнующе.

***

— Эверли, ты меня слышишь? — голос Райана прорезался сквозь мои воспоминания как острый нож, напоминая, где именно я находилась. Я моргнула несколько раз, выпрямилась и посмотрела на сцену.

Сара сделала свой большой выход.

И я пропустила это.

— Это она? — спросил он, очевидно не в первый раз.

— Да, — мягко сказала я, следя за каждым её движением, когда она танцевала.

Я пропустила её выход.

Потому что думала о нём. Я заставила себя не смотреть вверх, не позволять нарастающему во мне любопытству, узнать, как он смотрелся там наверху со мной.

«Делал ли он то же самое с ней?»

«Почему это было важно?»

«Удели внимание Саре».

Я просидела весь первый акт без единого взгляда вверх. Тяжелый красный занавес плотно закрылся, аплодисменты стихли, люди пошли за напитками в фойе и в туалет. Я, наконец, сдалась и нашла свое отражение в глазах человека, которого поклялась никогда не любить снова.

Этот человек ушел на много лет назад.

Я не могла перестать думать о том человеке.

***

— Она была великолепна, не так ли? — Райан хвастался, как мы произвели наш выход в театр.

— Да, — я улыбнулась, вспоминая, как красивое тело Сары крутилось и вертелось с легкостью на большой сцене. — Она была красива.

— Все балетные выступления делятся долго? — спросил парень, сжимая мою руку, заставляя меня смеяться, когда я склонила голову к нему.

— Да, и я обещаю, что не возьму тебя на другие.

— Спасибо! — его голос прозвучал в благоговении, заставив меня закатить глаза. Я уловила запах его волос, когда мы сделали последний шаг в сторону тротуара. Он еще не перешел обратно к своему обычному шампуню и пах клубникой.

— Ты когда-нибудь собираешься пойти в магазин и купить шампунь? — спросила я с улыбкой.

Его рука потянулась к голове, запустив пальцы в грязные волосы.

— Скорее всего, нет. Вы никогда не забываете купить это фруктовое дермо, и я вроде как пахну тобой, — признался он с широкой улыбкой.

— Ты странный, — сказала я, качая головой, когда мы завернули за угол. Там было наводнение людей, вышедших из театра. Тротуары были забиты — люди ждали такси, забирались в лимузины и ходили на далекие парковочные места, как мы.

Мои глаза начали блуждать, глядя на толпу, ища кого-то. Я даже не поняла, кого искала, пока мои глаза не остановились на нем.

Не задумываясь, мне удалось найти Августа в толпе.

Мгновенно, сожаление заполнило мой живот, но я не могла отвернуться, наблюдая за ним внимательно, как он садится в гладкий, черный автомобиль. Его руки задержались на ее талии, как бы невзначай опускаясь ниже, он последовал за ней в машину, разорвав связь, перед тем как я упала в гигантскую рытвину.

— С тобой все в порядке, Эв? — спросил Райан, ловя меня, когда я споткнулась. Отряхнувшись, я послала ему кривую улыбку и кивнула.

— Просто отлично, — сказала я. — Я в порядке.

Я оглянулась в последний раз, когда машина Августа выезжала на дорогу. Обнимая рукой Райана, я попыталась настроиться мысли на образы, которые обещали свести меня с ума.

«Я двигаюсь дальше, и он должен», — сказала я себе. — «Даже если с этой рыжей шлюхой».

Когда мы молча подошли к нашей машине, я удивилась, как много лжи мы могли бы сказать себе, прежде чем сойти с ума. Ведь благодаря Августу, я определенно начинаю верить, что была на пути к совершенству.

Глава 12

Август

Никаких слов не было сказано между мной и Мэг на обратном пути в мой дом.

Я даже не спрашивал, хочет ли она пойти со мной – я просто предложил, и ни дал ей возможности сказать «нет». После этого вечера я не хотел быть один, и хотя предпочел бы быть с любой другой на планете, в настоящее время она была моим единственным вариантом.

Так автомобиль ехал дальше.

А я размышлял.

Этот вечер начался безобидно – очередной эксперимент в жизни, чтобы выяснить, кто новый Август Кинкейд. В тот момент, когда я столкнулся с Эверли, я знал, что эта ночь не будет беззаботной.

Она сделала все сложнее.

Я смущился, встретив Эверли, и это не то, что я могу исправить, выбирая, кого бы мне хотелось увидеть – ведь она однозначно не в меню. И где-то в глубине души это беспокоило меня.

Сильно.

Черный седан остановился, и я посмотрел вверх, чтобы понять, что мы вернулись обратно к обрыву. Глаза Мэг были широко распахнуты от удивления – как она оказалась в большом доме и благополучном районе.

Девушка, вероятно, думала, что только что выиграла в лотерею.

Жаль, что я не позвоню ей после сегодняшнего вечера. Видимо, я не слишком отличаюсь от меня прежнего, после всего.

Я расплатился с водителем, поблагодарил его, и мы оба вышли, потом я привел ее к входной двери.

— Красивый дом, — прокомментировала Мэг, прежде чем переступила порог.

— Спасибо, — сухо ответил я.

Глядя вокруг, я наблюдал, как она, скорее всего, мысленно переставляла мебель и планировала нашу свадьбу на Карибах.

Даже понимая все, это не помешало мне предложить ей выпить. Мэг была моим отвлечением, как только красивое лицо Эверли мелькнуло в моей голове в очередной раз, я знал, что мне нужна она.

Стремительно.

Даже выбор напитков Мэг раздражал дерзко во мне.

«Секс на пляже» — привет-привет вечеринкам из колледжа (*прим.: «Секс на пляже» — коктейль*).

— Я понятия не имею, как это сделать, — признался. — Может быть, бокал вина или ром с колой? — предложил я.

— Ром с колой будет хорошо, — она улыбнулась, а ее глаза загорелись.

— Один ром с колой поднимем наверх.

Я действительно понятия не имел, как сделать напиток, честно. И не уверен, знал ли раньше. В любом случае, я просто импровизировал: налил хорошее количество рома и вдвое больше колы и надеялся, что со вкусом все в порядке. За последнюю неделю или около того, я понял, что больше предпочитаю пиво. Фруктовые напитки были поставлены в такую же категорию как мятное мороженое.

— Итак, о чем ты говорил? — спросила она.

— Я не говорил, — ответил я, делая долгий глоток своего пива, перед тем как добавить. — Это сложно.

— Хорошо, — сказала Мэг мягко, когда медленно шла по комнате со своей выпивкой. Я отметил ее длинные ноги. Она была красива, особенно этим вечером, с ее волосами, заплетенными в эти нелепые косички. Черное платье она носила такое, которое ничего не оставляло для воображения, показывая широкое декольте и каждые округлости и изгибы.

Но оно никогда не сравнится с тем элегантным платьем Эверли, что намекало, но не кричало о своей сексуальности.

Таким образом, это сделало его гораздо красивее.

— Эта пара, с которой ты разговаривал сегодня — старые друзья? — спросила Мэг, как если бы она могла забраться в мои мысли.

Я взглянул на нее, облокотившись о камин, когда моя мужская фантазия возвратилась к жизни.

И я думал о другой женщине.

Я поставил свое пиво вниз и пошел к ней.

— Думаю, можно сказать и так. Это...

— Сложнее? — догадалась она.

— Да, — я слабо улыбнулся ей, когда достиг ее, смесяв свои руки уже на изгиб ее талии.

— Давай все проще. Должны ли мы...? — тихо спросила она.

— Да.

В эту ночь, найдя приют между бедер одной рыжей, я думал о другой.

Я надеялся, что отсутствие завтрака утром разобьет любые будущие свадебные планы Мэг, но обещал ей позвонить.

Обещание, которое я не планировал выполнять.

Я начинал понимать, почему никто не любил меня.

Но это было то, что одинокие парни делают, верно? Одна ночь – без планов на повторение.

Хотя мне будет не хватать этой мисс «Секс на пляже».

Но я наверняка не смог бы вернуться к этому сейчас.

Это было поистине печально.

У меня были другие, более важные дела. Сегодня исполнился ровно месяц, после того как я был выписан из больницы. Один месяц с тех пор, как моя жизнь началась заново. Я не знаю, как оказался в одном из такси, которое направлялось обратно в больницу. Я вспомнил о последних четырех неделях и как много всего я добился.

Или как мало.

Конечно, теперь я знал несколько вещей, которые любил и предпочитал: комедии вместо ужасов, но когда Эверли пришла в кино, все это оказалось таким неважным. Я был мультимиллионером без карьеры, но не имел ни малейшего представления, как это было заработано. Если я хорошо всё распланирую, то смогу безбедно жить на большую сумму моих денег в банке в обозримом будущем, при солидном остатке.

Но что бы я делал спустя время? Дегустировал бы пищу и смотрел плохие фильмы?

Должно было быть большее.

Подобные мысли вернули боязнь пустоты, чувство потери и чувство, что я никто.

Абсолютно никто.

«Когда я снова почувствую себя кем-то? А буду ли когда-нибудь таким же?»

Я закончил проверку в больнице, опять получил мой удивительный белый браслет и вошел обратно в палату, чтобы врач еще раз меня осмотрел. Если бы все выглядело хорошо, мне бы дали чистое карантинное свидетельство, и я смог бы восстановить водительские права – то, что я ждал.

Не нужно будет больше такси или долго, нудно ходить в продуктовый магазин пешком. Окончательная независимость была почти в кармане.

Я сидел и ждал врача, который скоро должен был подойти, а затем начал расхаживать взад и вперед, а не сидеть на неудобных простынях на смотровом столе. Мой взгляд блуждал по нескольким брошюрам с травмами головного мозга и неврологическими заболеваниями. Интересно, как они бы подвели итог в моей конкретной ситуации.

«Справиться с полной потерей памяти в триста слов или меньше».

«Восстановление жизни: вспомнить все».

«Начать сначала. Краткое руководство, чтобы жить с амнезией».

Звучало по дурацки. Уверен, что я мог бы проверить «мотивацию писателя» из моего списка возможных вариантов карьеры.

Наконец дверь со скрипом открылась, и появился мой усталый старый доктор. С его белыми волосами и морщинистой, тонкой кожей, доктор Лоуренс выглядел так, будто ему было лет сто, что было особенно заметно, когда он начинал говорить. Его голос дребезжал и был тихим, но мужчина стоял ровно, а в глазах была видна мудрость.

Но я до сих пор боялся оставаться с ним наедине, опасаясь, что он грохнется замертво, и меня будут осуждать за это, но я был рад иметь такого врача.

— Ну, посмотрите, кто это! — он тепло поприветствовал меня, пожав мою руку. Его холодная ладонь казалась маленькой в моей, но я с радостью принял его, зная все, что этот человек сделал, чтобы держать меня в живых в течение последних нескольких лет.

Возможно, это была его работа, ведь я был одним из его пациентов, частью его повседневных обязанностей. Но для меня эти процедуры были важны, они помогли мне выжить. Проверка, чтобы убедиться, что мои мышцы не атрофировались, мониторинг мозговых волн и тесты... все, что он сделал после того, как я проснулся. Я понятия не имел, почему я здесь — почему вернулся, но знал, что на самом деле не имел выбора, если бы не этот человек, прямо здесь выполняющий свою работу.

Иногда самые простые вещи, которые мы делаем каждый день, оказывают наибольшее влияние.

— Как у тебя дела? — спросил доктор, указывая мне на смотровой стол. Я занял место, игнорируя ужасно шуршащие звуки подо мной.

— Хорошо. Не слишком плохо, — ответил я, когда он начал проверять мои сердце и легкие. Я делал вдохи, когда он просил. Кажется, мои показатели оказались хорошими, и он перешел на мои глаза, проверяя их мерцающим светом от фонарика, которым водил влево-вправо.

— Хорошо устроились? — я поймал его быстрый взгляд, прежде чем его внимание сконцентрировалось, и он поднял указательный палец и сказал мне, чтобы я сосредоточился на нем.

— Я думаю, да... я имею в виду, что все нормально.

Фонарик исчез, мужчина отодвинулся, записывая что-то в моей карте.

— Никаких провалов или головокружения? Ничего не вспомнили?

Неа, это были кристально чистые...

— Нет, — просто ответил я.

— Ну, тогда я не вижу никаких причин, что бы мы держали вас дольше. Просто продолжайте воспринимать это легко, Август, — посоветовал он, положив руку на мое плечо. — Так будет легче.

Я сделал глубокий вдох и кивнул.

— И воспоминания?

Мужчина неопределенно покачал головой.

— Не знаю. Хотел бы дать вам ответ, но я просто не знаю.

Я проследил за его уходом, затем посмотрел на доску с брошюрами снова, спрашивая себя, смогут ли они помочь мне справиться с утратой значимого человека в жизни.

Себя.

***

Как оказалось, я западаю не только на рыжих.

Еще меня привлекает красивый оттенок черного... если в машине достаточно лошадиных сил.

Когда я обошел гладкий, черный спортивный мерседес, это выглядело как в каком-то фильме, я не мог не улыбнуться. И скоро этот малыш будет весь мой.

— Я возьму его, — сказал я спокойно, пытаясь напомнить себе, что я действительно мог позволить себе такую роскошную покупку. Старый Август Кинкейд, наверное, пришел бы сюда не раздумывая, бросил свою черную карту «Амекс», и все было бы решено.

Но теперь, это место вызывало у меня тревогу, и я понятия не имел, почему. Я чувствовал себя самозванцем.

Обманщиком.

Я переживал, что в любую минуту, команда охранников и полицейских кинутся арестовывать меня, обвиняя в ложной выдаче за другого человека.

Потому что это не могло быть моей жизнью. Шикарные автомобили и неограниченное количество банковских счетов.

Но это было так. Я наконец-то поверил в это, когда подписал бумаги, и мне передали мою кредитную карту. Реальность моей жизни.

Я был чертовски богат, но до сих пор ничего не покупал. Я мог купить ведро мороженого, подарить пару бесплатных билетов в балет и пригласить моего терапевта на ужин.

Настало время отмечать.

Глава 13

Эверли

В квартире было темно и тихо, все давно ушли.

Я лежала в нашей кровати, уставившись в потолок, и не могла заснуть из-за потока мыслей, которые заполнили мою голову.

Их было слишком много, слишком разнообразные, слишком хаотичные.

Райан ничего не сказал, но я знала, что он был свидетелем моего случайного разговора с Августом, и он переживал.

Он не был одинок в этом.

Август нервировал меня. Он привносил с собой все те мысли о прошлом, которые я так хотела забыть. Возвращал меня те времена, когда он был монстром. Потому что, если он не был монстром в этой сказке, тогда кто?

После того взгляда, который Август послал мне, я ни разу не оглянулась на наше старое ложе театра, отказываясь доставлять ему удовольствие, показывая, что он был в моих мыслях.

Даже если это было действительно так.

Вместо этого я следила за каждым поворотом, каждым прыжком и движением Сары, когда она безупречно исполняла роль своей мечты, перевоплощаясь в Принцессу-лебедь на сцене. Она была феноменальной, и я, наконец, нашла себя, окунувшись в ее красоту, а не мой собственный эгоистичный мир.

Когда я вновь встретила ее за кулисами, все мои мысли встали на место, сосредоточиваясь на ней. Мы с Райаном поздравили ее и предложили отметить это событие, но она, к сожалению, отказалась, объяснив, что актерский состав собрался вместе, но обещала встретиться с нами в конце недели.

Проезжая мимо вечернего города, по пути домой в тот вечер, я старалась не представлять себе Августа и его рыжеволосую девушку в затемненной машине. Райан прервал мои мрачные мысли, вернув меня к реальности.

— Ты выглядишь лучше, — сказал он, потянувшись через сиденье, чтобы взять меня за руку. Я вымученно улыбнулась в ответ на его небольшую ухмылку и странный комплемент.

— Лучше? Чем что?

— Ну, ты казалась немного напряженной после того, как шоу началось. Встреча с Августом тебя напугала?

Я ненадолго закрыла глаза, когда в памяти снова возник его образ, а затем выдохнула, пытаясь расслабиться.

— Да, — быстро ответила я, нерешительно улыбаясь. — Это просто выбило меня из колеи, я думаю.

Еще одна ложь.

Чувство вины снова захлестнуло мою совесть.

— Ну, хорошо, что я пришел, — сказал Райан, взглянув на меня косо, когда мы остановились на улице возле нашей квартиры.

— Ты всегда там, где я нуждаюсь в тебе.

И он был.

Я перевернулась, чтобы посмотреть, как он спит. Звук его дыхания наполнил меня умиротворением. Пока я слушала его ровный ритм, почувствовала, что мое собственное тело расслабляется, и я засыпаю.

Даже во сне, он все еще был там для меня.

Казалось, что я не проспала дольше пары минут, как меня разбудил звук телефона. Я села, потирая уставшие глаза, и посмотрела на тумбочку. Мой телефон звонил рядом со мной.

«Почему я убеждена в том, что что-то случилось?»

Возможно потому, что сама дала многим свой номер в случае чрезвычайных ситуаций.

Я посмотрела на время, когда взяла телефон. Три часа ночи. Мое сердце застучало в груди, когда я подумала о Саре поздней ночью с ее друзьями танцовщиками из балета.

— Алло? — спросила я хриплым голосом. Райан тоже проснулся и протянул руку ко мне в темноте.

— Кто это? — спросил он, пряча голову в подушку.

— Мисс Адамс? — спросил кто-то на том конце телефона.

— Да, это я.

— Это доктор Мевин из травмпункта. У нас здесь Август Кинкейд, он попал в аварию.

Было много эмоций, которые я должна была чувствовать в этот момент. Неразбериха, наверное, превзошла их всех, так как я удивилась, почему именно мне позвонили, но как только я услышала «Август» и «автокатастрофа» в одном предложении, я не могла дышать.

— Он в порядке? — спросила я, после долгих, медленных вдохов, призванных успокоить меня от лавины паники, шока и страха, грозящей накрыть меня с головой.

— Да, его немного помяло. Возможно, несколько ушибленных ребер и вывих лодыжки. Но он в порядке. Или будет.

— Нужно ли мне приехать? — спросила я, уже поднявшись с кровати.

— Его нужно отвезти домой, он не в себе от обезболивающих.

— Хорошо, я скоро буду, — ответила я, прежде чем повесить трубку, даже не понимая, на что я подписалась. Сработал словно режим автопилота, если я нужна была Августу — я была тут как тут. Даже не задумываясь о последствиях или последствии.

Таком, например, как Райан, который сидел на кровати и смотрел на меня.

— Кто это? — спросил он, его глаза смотрели на меня с беспокойством и сомнением.

— Август попал в аварию сегодня. Им нужен кто-то, чтобы подвезти его домой, — ответила я, стараясь говорить буднично, вытаскивая джинсы и футболку из моего ящика.

Его руки коснулись моих мгновенно. Я даже не видела, как он поднялся.

— И почему этим человеком должна быть ты? — спросил он. Я посмотрела на него. Его выражение было полно той же настойчивости, которую я видела тогда на балете, когда он оттащил меня от Августа в фойе театра.

— Наверное, я всё ещё значусь в его списке контактов в чрезвычайной ситуации, — осторожно сказала я, высвобождаясь из его объятий, чтобы одеться.

— Чёрт возьми, Эв! — закричал он, его голос заполнил комнату. — Что с тобой происходит?

— Ничего! — заорала я в ответ, опешив от грома его голоса. Райан очень редко повышал голос — особенно на меня. — Ничего. Просто ему нужен человек, чтобы отвезти домой. Я скоро вернусь.

Я повернулась к кровати и стала натягивать джинсы, неловкое молчание наполняло пространство, где я должна была извиняться, вымаливая прощение за все свои глупые ошибки.

— Ты же знаешь, что это гораздо больше, чем просто поездка, — его рука напряжённо коснулась моего плеча, и я повернулась.

— Мы знали, что это будет сложно, — мягко сказала я. — Знали, что если он очнётся, это будет тяжело.

Райан кивнул.

— Я просто ожидал чего-то совсем другого, чем повседневные разговоры и поездки по городу.

— Я тоже, — призналась я.

— Я чувствую, что мы дрейфуем, Эверли, в то время, когда должны становиться ближе. У нас скоро свадьба, но я практически тебя не вижу.

Я посмотрела в его глаза и увидела обиду... боль, уязвимость.

Я это сделала и хотела, чтобы это исчезло. Всё.

— Это планирование свадьбы... это слишком много для меня, — выпалила я, не подумав.

Это было правдой лишь отчасти. Планирование свадьбы давило на меня, но не из-за него моя голова постоянно отключалась.

Так много лжи. Так много секретов. «Когда это закончится?»

— Я никогда не говорил, что это должна быть пышная свадьба, Эв.

— Я знаю. Просто я думала, что всё должно быть как положено, — сказала я.

— А кто говорит, что мы обязаны делать всё как положено? — ответил он, озорно приподняв бровь. — Давай устроим побег!

— Что? — потрясённо выдавила я.

— Давай просто сбежим от всех этих традиций, уедем на выходные и поженимся! Мы можем отправиться в Вегас или съехать с главной дороги и найти небольшую церковь по пути. Всё, что захочешь.

Ещё раз взглянув на него, я не увидела боли или обиды. Я увидела тысячи возможностей и захотела исполнить каждую из них. Для него. Для нас и нашего будущего.

— Да, — ответила я.

Он схватил меня и закружили по комнате под моё визжание. Это было похоже на нашу вторую помолвку, только я была едва одета, а на нём были только боксеры.

— Я погуглю места, куда мы могли бы поехать, — счастливо выдохнул он, с энтузиазмом целуя меня в щеку. — Я быстро.

И вот — больше никаких неприятных чувств о больнице или Августе. Только счастье.

Именно так и должно быть.

***

«Незначительные повреждения», — сказал лечащий врач...

Господи, он выглядел так, словно его вышвырнули в центр ринга с привязанными за спину руками.

«*И знаете, что хуже всего?*» Самодовольная ухмылочка на его ненавистном лице.

«Мне-всё-похрен» выражение, которое он и не думал скрывать.

Я хотела врезать ему. Нет, я хотела его убить, а потом ещё раз врезать.

Сукин сын.

— Твою мать, да что с тобой? — всё-таки вырвалось у меня, когда мы мчались по трассе. Его отпустили, снабдив обезболивающими, указаниями как бинтовать и

обрабатывать раны, а так же назначив обследование у лечащего терапевта... которого у него не было.

Безответственный мудак.

После моей вспышки между нами повисла тишина, а потом он развернулся ко мне.

— Неужели человек не может разбить машину и избежать при этом допросов?

И очередная гадкая ухмылка.

Их моих ушей едва не пошёл пар, пока я придумывала тысячи способов стереть это мерзкое выражение с его лица. Боже, я его просто ненавидела.

До самого дома мы не проронили ни слова. Август даже не дернулся с места, когда я вырнула на подъездную дорожку и вышла, чтобы достать его костили. Когда я дёрнула пассажирскую дверцу, он встретил меня обдолбанной улыбкой.

— Ты слишком добра ко мне, — проронил он. Лекарства, принятые в отделении неотложки, явно дали о себе знать.

— Угу, — хмыкнула я, ставя костили, чтобы он мог на них опереться. Август встал, слегка шатаясь, и мы медленно двинулись к передней двери.

— У тебя есть ключ? — спросила я, бросив на него раздраженный взгляд.

— Да, точно.

Он целую вечность рылся в кармане, пока не вытащил маленькую связку ключей. Сверкающий новенький ключ от машины висел рядом с уже знакомым ключом от дома, и я закатила глаза, стараясь не думать о том, как эта дорогая тачка выглядит теперь.

— О чём ты только думал, когда решил купить машину, а через несколько часов разбить её? — спросила я, звякнув перед ним ключами, прежде чем открыть дверь.

— Хмм, что ж... Я подумал «миленькая, хочу такую», как-то так.

По крайней мере, он не был пьян, когда попал в аварию. Иначе проводил бы сейчас время со своими порезами и синяками за решёткой. Очевидно, за два года на больничной койке он немного разучился держаться за руль. Столкновение произошло, когда он не смог затормозить у светофора. Само собой, ему придётся оплатить штраф и ущерб водителю другой машины, но едва ли что-то из этого волновало его сейчас.

— Сядь на диван. Я принесу воды, — отрезала я, прежде чем скрыться на кухне. Щелкнув выключателем, я смотрела, как просторное помещение заполняется светом.

Комната выглядела прежней, словно я вернулась назад во времени.

Я обошла её, с восхищением разглядывая превосходные шкафчики вишнёвого дерева и полированные мраморные столешницы. Днём в них всегда отражается оконный свет. Я положила ладони на край столешницы и сделала несколько глубоких вдохов.

Это всегда было моим любимым местом, тогда, когда между нами с Августом всё ещё было хорошо.

Невозможность принять жизненно важное решение не было для меня чем-то новым. Годами я не знала, куда себя деть, пыталась занять какое-то место в мире. Пока мы сюда не переехали, я что-то бормотала об учёбе в колледже, сходила на несколько занятий, взяла несколько предметов, но ни на чём не смогла остановиться.

После того, как дела Августа пошли в гору, и у меня больше не было необходимости искать работу, я занялась кухней: смотрела кулинарные шоу и повторяла за шефами. Ничего особенно изысканного, но у меня была возможность делать что-то своими руками.

Столько хороших и плохих воспоминаний были связаны с этим местом, что было сложно увязать их в одну картину.

Развернувшись к ближайшему шкафу, я вытащила стакан и наполнила его водой, припоминая, что через час-другой Августу нужно будет снова принять обезболивающие. И я не собиралась оставаться, чтобы помочь ему с этим.

Я уже достаточно сделала.

Просто находиться здесь, рядом с ним, уже было слишком для меня.

Всё здесь будоражило мои эмоции, чувства, воспоминания...

Войдя в гостиную, я огляделась в поисках огромного покалеченного мужика, которому велела сидеть на месте, но никого не нашла.

— Проклятье, — проворчала я.

Смахнув таблетки с кофейного столика, куда бросила их ранее, я пробежалась глазами по первому этажу и направилась к лестнице.

И если кухня захлестнула меня волной воспоминаний, то подъем по лестнице на второй этаж был подобен встрече с цунами на кромке пляжа. Грёбаная катастрофа. Я не стала утруждаться и проверять гостевые комнаты. Если Август поднялся наверх, то было лишь одно место, куда он мог направиться в такое время.

То самое место, куда я не хотела идти — главная спальня.

Двойные двери широко распахнуты. Лунный свет льётся в окна, и ветерок колышет шторы, наполняя воздух запахом моря. Август всегда говорил, что из-за этой комнаты он купил дом.

Казалось, что с балкона открывался вид на весь Тихий океан. Бесконечная бирюза волн разбивалась о выступающую гряду скал. По обе стороны не видно ничего, кроме прозрачной голубизны знаменитого Калифорнийского побережья.

Не сосчитать, сколько ночей мы засыпали под умиротворяющий шум волн, плещущихся внизу. Этот звук завораживал, и я замерла, позволив ему поглотить меня.

— Я знаю, что ты там, — сказал Август, вырывая меня из состояния покоя.

— Я и не пряталась, — ответила я, резко двинувшись к нему, даже не пытаясь скрыть раздражение. Август успел избавиться от рубашки, прежде чем упал на матрас. Он похудел, и его тело потеряло былую мускулатуру, но парень по-прежнему был красив.

Прежний Август. По-прежнему опасен.

— Я принесла обезболивающие и стакан воды, — сообщила я ему, поставив то и другое на ночной столик.

Он смотрел на меня, глаза следили за каждым моим движением в тускло освещённой комнате.

— Не могла бы ты осмотреть мои швы? — осторожно попросил он, указывая на бинты вокруг его головы. Благодаря маленькому кусочку лобового стекла над его левой бровью красовался порез. Слава богу, Август отделался лишь несколькими швами, всё могло оказаться серьёзнее.

— Зачем? — спросила я.

— Мне кажется, я мог задеть их, когда снимал рубашку. Не могла бы ты посмотреть, всё ли в порядке?

— Думаю, могла бы, — вздохнула я, присаживаясь рядом с ним. Нерешительно потянувшись к нему, я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Напряжённый взгляд, не отрываясь, следил за моими руками. Приподняв край бинта, я заглянула под него и убедилась, что всё выглядит нормально.

— Да, кажется, всё в порядке, — ответила я, сдвигая бинт обратно и отдёргивая руки.

— Извини, я не хотел огорчать тебя, — сказал он, потянувшись ко мне, но передумав на полпути.

Подняв на него глаза, я выдавила из себя смешок.

— Не хотел меня огорчать? Серьёзно, Август? После всего, что случилось этим вечером, это единственное, за что ты извиняешься? Ещё и вынуждая разглядывать твои мерзкие швы?

— Я... Я извиняюсь... за всё?

— Извиняешься? Ах, он извиняется! Ты, чёртов урод! — я закричала, вскакивая с кровати. — Тебе плевать на всё и на всех! Ты мог умереть, понимаешь? Умереть, тупой ты ублюдок! И извиняешься, за что? Да ты даже сам не понимаешь, не так ли? Ты извиняешься ни за что. Ни за что!

Ярость, гнев, а потом слёзы. Всё случилось так быстро. Я даже не успела осознать, как по щекам уже протянулись солёные дорожки слёз, а я всё продолжала орать на него.

Вулкан не может оставаться спящим надолго, а в моём кипело так много эмоций, что извержение не заставило себя ждать. Я почувствовала неуверенное прикосновение к плечу. Обернувшись, увидела Августа, балансирующего передо мной на одной ноге.

— Я ненавижу тебя! — крикнула я, ударяя по его израненной груди. — Я ненавижу тебя, — повторила, разом теряя пыл. — Ненавижу тебя, Август, — проскулила я в последний раз.

Не знаю, кто сделал первый шаг, но вот я уже всхлипываю, раскачиваясь в его объятьях, хватаясь за него как за спасательный круг. Я вздрогнула словно от пронзительной боли, вдавливая пальцы в его кожу, а по моим щекам бежали солёные слёзы.

— Я знаю. И мне жаль, Эверли. Прости меня, за всё.

Его голос подействовал на меня как ведро холодной воды. Я оттолкнулась от его голой груди, восстанавливая свои границы. Вытерев влажные глаза, я шмыгала носом, пытаясь сдержать рвущиеся наружу всхлипы.

— Прощай, Август, — я бросила последний взгляд на него, стоящего в лунном свете.

— Прощай, Эверли, — отозвался он, наблюдая за моим побегом.

Побегом от воспоминаний, мужчины и жизни, которые мне необходимо было забыть.

***

Я не удивилась, когда увидела ждущего меня Райана.

Стиснув в ладонях кружку с кофе, он сидел за маленьким обеденным столом, одетый на работу. В шесть утра.

Обычно он вставал так рано, только когда шёл в тренажёрку, или если провожал меня на работу ради чашки бесплатного кофе. Ни одна из этих причин сейчас не подходила.

— Давно ты не спишь? — спросила я, мягко ставя сумочку на стойку.

— С тех пор, как ты ушла, — ответил он, не отрывая взгляда от кофе.

Я засуетилась на кухне, взяла мою любимую кружку, наливая кофе себе и подливая Райану. Закончив, мне не осталось ничего другого, кроме как присоединиться к нему.

Неуверенно сев рядом, я с шумом втянула воздух, обнимая пальцами большую горячую кружку.

— Я так понимаю, мы не женимся на выходных? — спросил он, расстроенный и утомлённый.

— Нет, — тихо ответила я, медленно отпивая из кружки.

Он попытался подняться, явно разочарованный, но я схватила его за руку.

— Пожалуйста, позволь мне объяснить.

Наконец Райан посмотрел мне в глаза. В его глазах были боль, страдание и разочарование, и осознание своей вины разрывало меня на части, но я знала, что не могла выйти за него.

Не сейчас.

Только не для того, чтобы улучшить наши отношения.

Брак нужен не для того, чтобы решать проблемы, брак – это начало пути. И я не хотела начинать наш таким образом.

Он опустился обратно на стул, и я воспользовалась паузой, чтобы собраться с мыслями.

— Я хочу быть твоей женой, Райан.

Он недоверчиво покачал головой, но я схватила его руку и сжала её.

— Правда хочу. Поверь мне, пожалуйста. Ничего другого я не хотела бы больше. Но сбегать на выходных, чтобы пожениться – неправильно, и ты это знаешь.

Райан встретился со мной взглядом, и мы не отводили глаз, пока он, наконец, не кивнул.

— Да, ты права. Я не мог успокоиться со вчерашнего вечера. Не могу справиться с его присутствием в нашей жизни, — признал он.

— И я не могу. С этим нам и нужно разобраться.

Он кивнул, но я видела, что он огорчен. Огорчен тем, что может потерять меня.

— Просто пообещай мне, что ты не позволишь ему задеть тебя, — попросил Райан. — Я знаю, что он другой, что изменился, но он всё ещё тот человек, который сделал тебе больно.

Я взяла у него чашку и поставила на стол, делая шаг в его объятья. Руки Райана привычно обхватили меня за бёдра, когда я устроилась у него на коленях, обвивая его ногами.

— Обещаю, Райан, — нежно сказала я, прильнув к нему всем телом. — Я выбираю тебя. Всегда.

И больше никаких секретов.

И никакой лжи.

Пришло время попрощаться с прошлым.

Глава 14

Август

Казалось, что куда бы не завела меня жизнь, я всегда оказываюсь в окружении коробок.

Как бы я не старался спрятаться от них, выбросить из головы, я обнаруживаю себя в укромных уголках забытых шкафов или в самом тёмном углу чердака в поисках... в охоте за чем-нибудь.

За чём угодно.

С той самой ночи с Эверли я помешался на одной цели – болезненные извращенные поиски с целью найти что-нибудь, что бы приблизило меня к ней. Те драгоценные секунды, что она провела в моих руках, были первыми, с тех пор как я очнулся, когда наконец-то ощутил твердую почву под ногами.

И сейчас я делал всё возможное, что бы снова испытать это.

Сегодня я был в спальне, раскладывая коробку с фотографиями, что собрал. Счастливые воспоминания об этих двоих за все прошедшие годы. Я всё ещё не могу сказать «о нас».

Несмотря на то, что на этих фотографиях был я, с улыбкой, обращённой к миру, воспоминания были чужими.

Это была чужая жизнь.

Словно у меня был брат-близнец. Мы выглядели одинаково, но на этом сходство заканчивалось. У парня на фото было всё, в то время как у меня остались только растерянность и разочарование. Могу ли я смотреть на эти счастливые воспоминания и утверждать, что они мои? Претендовать на эту женщину и любовь, что она дарила?

А на её отвращение? Её страх?

Мне придётся принять и их тоже.

— Ты в курсе, что передняя дверь открыта? — услышал я сзади знакомый голос. Я повернулся, чтобы увидеть Брика, дружелюбного психотерапевта, стоявшего в дверях моей спальни со стопкой писем в руках.

— Нет, не в курсе, — ответил я, бросая на него любопытный взгляд, когда он вошел и протянул мне мою почту.

— Ты пропустил встречу. Я решил, что найду тебя здесь.

— Ты теперь принимаешь вызовы на дом? — спросил я, откладывая почту, желая чего-нибудь менее мрачного. Он проигнорировал вопрос, указав вместо этого на полупустую бутылку водки, которую я сжимал в руках.

— Я думал, что конкретно этот алкоголь у тебя под запретом, — заметил он.

— Ну, возможно, я поторопился с решением, — ответил я, притягивая бутылку к губам. Прозрачная огненная жидкость обжигала горло, но она помогала заглушить мои мысли и успокоиться. — Так что я дам ей второй шанс.

— В десять утра?

Я пожал плечами, чувствуя, как тело расслабляется, когда алкоголь начал действовать.

— Я перебарщиваю. Или, во всяком случае, так говорят мои карточки.

Он пододвинулся и выхватил бутылку из моих рук. К моему величайшему изумлению, я увидел, как он делает большой глоток, прежде чем поставить бутылку на тумбочку рядом. Брик обвёл взглядом комнату, сосредотачиваясь на коробке, стоящей рядом со мной на кровати.

— Полагаю, это и есть та красотка на миллион? — спросил он, кивая на фотографию, лежащую на моих коленях. Я уронил взгляд на фото, взял его и провел кончиками пальцев по жестким краям.

— Как ты думаешь, возможно ли любить женщину, которую ты не помнишь, Брик?

Он взял фотографию из моих рук, разглядывая её. Я не имел ни малейшего представления, когда она была сделана. Подписи вроде той, что была на фото из бумажника, не было, но, очевидно, это было сделано несколько лет назад — до того, как наши отношения покатились в пропасть.

Они выглядели счастливыми, валяясь на траве, с волосами Эверли рассыпавшимися по их плечам. *Они* корчили рожи на камеру, глядя снизу вверх. Изображение было пропитано невинностью и беззаботностью и, скорее всего, было сделано в момент, который они хотели запомнить на всю жизнь.

«Когда же всё пошло не так?»

— Думаю, мозг способен на многие вещи, — сказал он, отдавая фотографию. — Давай, я помогу тебе с этим, — предложил он.

Я быстро кивнул, и мы оба остались стоять, глядя на рассыпанные коробки.

— Я просто не понимаю, что произошло. Как это... — сказал я, выбирая очередной счастливый момент из моего потерянного прошлого, — ... стало этим? — я широко развел руки, охватывая комнату, как будто она символизировала всё, что пошло наперекосяк в моей жизни.

В каком-то смысле так и было.

Этот дом, эта комната — здесь всё и развалилось.

Во всяком случае, она на это намекала.

Если бы наша с Эверли жизнь не пропиталась горечью, не обернулась безрадостным сосуществованием, как она ясно дала мне понять, была бы она сейчас здесь? И был бы я сейчас таким, как на этих фотографиях? Создающим воспоминания с женщиной, которую люблю...

Я вернул фотографию в коробку и сделал глубокий вдох.

— Ты когда-нибудь собирался спросить её? Я не представляю, что именно произошло между вами двумя, но очевидно, что нечто болезненное. Это бы пошло тебе на пользу, позволило бы тебе двигаться дальше, Август, — мягко сказал Брик — тоном, которым он пользовался крайне редко. Я называл его «докторским», и обычно один этот звук действовал мне на нервы, заставляя чувствовать себя слабым и ничтожным. Сейчас же, он, как ни странно, мне помог, выветривая остатки алкоголя, успокаивая шатающуюся под ногами землю.

— Я не мог. Не после того, через что она прошла, что он сделал.

Окинув взглядом комнату, я поймал себя на том, что постоянно поправляю свои же слова.

— То, что я сделал, — исправился я. — Не могу заставлять её снова проходить через всё это. Она заслуживает того, чтобы начать всё с чистого листа, без меня. Нормальную жизнь, какой бы она её себе не представляла. А мне нужно найти свой способ разобраться в происходящем.

Кинув прощальный взгляд на разбросанные коробки, я смог найти только один выход.

— Ты не мог бы оказать мне услугу, Брик? — спросил я, пытаясь унять дрожь в пальцах. Он кивнул, а я схватил ближайшую коробку.

— Избавься от них. От всех. Я не могу находиться рядом с воспоминаниями о ней. Слишком больно знать, что когда-то у меня было нечто столь драгоценное, и я дал этому исчезнуть. Мне всё равно, что ты сделаешь, просто убери это куда-нибудь подальше от меня.

Эти слова наждаком прошлись по моему горлу. С той ночи, когда она ушла, я лишь едва дотронулся до неё, я провел долгие часы в этой комнате, просматривая фотографии, анализируя каждую улыбку, каждый смех, то, как мои руки и пальцы касались её, пытаясь нащупать тот момент, когда всё пошло наперекосяк.

Зачем? Я не знаю. Может быть потому, что я не понимал, почему я мог перестать любить такую, как она.

Но, может, я и не переставал.

Она сказала, что я держал её под замком, сделал её пленницей в собственном доме.

«Зачем я это сделал?»

Может быть, любовь не всегда чиста. Может, иногда она становится отравой, такой, что уничтожает человека до тех пор, пока он не сделает всё, чтобы получить ещё.

Как наркотик.

Если бы я всё ещё любил её, стало бы всё как прежде?

Уничтожил бы я её?

***

Я резко проснулся, и пульт выпал из рук. Я обвёл глазами гостиную. Экран телевизора мерцал, привлекая моё внимание, и я быстро перегнулся через край дивана, чтобы подобрать выпавший пульт и включить громкость.

Это был очередной старый фильм. «Назад в Будущее».

Начну ли я когда-нибудь смотреть что-нибудь из этого века?

Марти смотрел на лица его родных на фотографии и видел, как они медленно исчезают, означая то, что его личность переставала существовать.

Какой невероятный бред.

Я огляделся и едва не подпрыгнул от неожиданности.

Все грёбаные коробки, что я отдал Брику, толпились вокруг, как чокнутые преследователи, приводя меня в замешательство. Я встал, обшаривая взглядом крышки коробок, и увидел лишь, что их стало больше.

Ещё и ещё.

Весь дом был забит ими.

Я засунул руку в ближайшую коробку, вытаскивая несколько знакомых фотографий. Старые счастливые воспоминания из жизни, которую я не помню. Они были мне не нужны. Я не хотел видеть эти свидетельства того, чего у меня никогда больше не будет.

Словно по волшебству, краски с фотографии стали стекать на пол. Наши счастливые улыбки размазались и искривились, а изображение стало пропадать. Цвета смешались, оставляя темные разводы на моих руках, и вскоре я весь был измазан ими.

Я взял другое фото и ещё одно. Они все исчезали, словно прекращали существовать.

— Стойте! — крикнул я. — Я хочу вернуть их! Я хочу их обратно!

***

Я потратил слишком много времени, ожидая, когда начнётся моя жизнь.

Больше никаких дегустаций или быстрых машин. Никаких размышлений о прошлом или копания в старых фотографиях, никаких привязчивых сумасшедших снов. Я на многое не обращал внимания и проводил слишком много времени, жалея себя. Наконец-то наступила пора проснуться от непрерывного забытья, в котором я провёл последнюю пару месяцев, и взять под контроль свою жизнь.

На стойке лежала стопка счетов, на телефоне висела тысяча не отвеченных сообщений, и мысль о том, чтобы провести остаток жизни, прожигая моё состояние и ничего не делая, заставило меня покрыться мурашками.

В этой ситуации было слишком много того, что было мне неподвластно, и лишь крохотная часть, которой я мог распоряжаться – время – его я и взял под контроль.

Начав с оплаты счетов.

Я сделал глубокий вдох, приготовил себе самую большую чашку кофе из имеющихся и медленно спустился в холл, направившись в свой кабинет – место, которое я редко посещал, но которое казалось мне идеальным для оплаты счетов и прочих деловых штук.

Включив свет, я быстро огляделся. Кабинет выглядел очень официальным – тёмное дерево и кожа – как типичные Голливудские декорации. Здесь были даже причудливые зелёные лампы, которые стоили, возможно, дороже средней машины. Но, может быть, раньше мне нравился этот вид. Он был пугающим.

Может, я втянусь?

Усевшись в огромное кожаное кресло, я закинул ноги на стол из полированного дерева и откинулся назад, пытаясь представить, как я заключаю здесь сделки.

«Нет, не могу».

Очевидно, я был хорош в своём деле. Дом и счёт в банке были этому весомым доказательством. Но я не мог представить себя в строгом тёмном костюме, отдающим распоряжения по телефону, пока снаружи оставался целый мир, который я мог исследовать.

И прекрасная женщина, которой хотелось поклоняться.

«Счета. Мне нужно оплатить счета».

Прошло три дня с того момента, как я попросил Брика унести коробки с фотографиями. Три дня, и я всё ещё не мог провести и пару минут без мыслей о ней. Даже моё подсознание мечтало о ней. Мысли неспешно перетекали, пока я варил свежий кофе – один только запах заставлял думать о ней. И я задумался: работала ли она сейчас и нравилась ли ей эта маленькая кофейня. Даже сегодня, когда я взял со стойки счета, я гадал о том, как онаправлялась со всем два года, что я провёл в больнице.

Она передавала всё моим адвокату и бухгалтеру, чтобы убедиться, что всё будет в порядке. Даже счет за сотовый был оплачен за все два года, несмотря на то, что никто не предполагал, что я когда-нибудь очнусь.

Зачем? Неужели она искренне надеялась, что я смогу... или это просто проявление заботы?

Какими бы ни были её причины, она все бросила, стоило мне очнуться. Теперь все счета приходят мне, и нужно только время, чтобы разобраться с ними. Я мог бы просто

перепоручить всё обратно моему бухгалтеру, как это делала она последние несколько лет, но для того, у кого всё равно нет другого дела, это бы выглядело смешно.

Для того, кто был лишён воспоминаний о прошлом, я был самой легкой мишенью на земле. Я не хотел носиться со своей амнезией и напрашиваться на жалость. Пришло время начать пользоваться данными мне способностями.

Первый же счёт в стопке – счёт за лечение. Оплачено. Легко! Следующий – коммунальные услуги. Готово.

Молниеносно расправившись с ещё парочкой подобных счетов, я решил, что закончу в один момент. Я едва пригубил кофе из своей гигантской кружки, и он всё ещё был обжигающе горячим.

А потом мне попался счет от юриста.

Твою мать.

Чувак, который сбил меня на перекрёстке, обратился в суд с взысканием ущерба и больничных расходов. Кажется, мне нужен адвокат и быстро. С трудом припоминая первые дни после пробуждения в больнице, я не мог навскидку вспомнить юридическую контору, которая со мной связалась. Вытаскивая телефон, я пробежался по старым контактам, обнаруживая, что прежний я сортировал контакты в случайном порядке. Стоматолог был подписан просто «стоматолог». Изучение этой странной организационной системы заняло бы у меня не один вечер. Некоторые были подписаны в соответствии с профессией, у других были имена, как у Эверли. Но у некоторых стояли лишь инициалы. У многих в списке отсутствовала фамилия, что делало список мрачным и загадочным. Он что, считал себя шпионом? Я лишь сильнее почувствовал к себе отвращение.

Когда я добрался до конца списка, я не смог удержаться от смешка: «хиппи-доктор Эверли». Без сомнений, за этим скрывалась какая-то история. Которую я, возможно, никогда не узнаю.

Встряхнув головой, я пролистал ниже и наконец-то нашёл то, что искал – «юрист».

Кто знает, как его звали, и помнил ли он меня вообще, но попытаться стоило.

После нескольких гудков ответил секретарь «Джонсон, Дойл и Платт». Имена звучали знакомо, и я быстро представился. И тут, словно по волшебству, меня отключили и перевели в режим ожидания.

— Август Кинкейд, это Джейф Дойл. Это и правда ты? — раздался в трубке резкий голос.

— Да, это действительно я, сэр, — ответил я.

— Что ж, будь я проклят, но я думал, что ты умер, — хмыкнул он. Странная реакция, учитывая сказанное.

— Нет, всего лишь был в коме. Пару лет, — невыразительно ответил я.

— Оу, и правда, — он прочистил горло, видимо, не зная, что сказать. — Что я могу для тебя сделать, сынок? Уже вляпался в неприятности? — и снова этот высокомерный смешок.

— Небольшое ДТП. Мне нужен представитель в суде.

— Не проблема. Я уж было решил, что это связано с тобой и Трентом, и, должен признаться, ты заставил меня побеспокоиться.

Я понятия не имел, о чём он говорит, так что просто уклонился от ответа. Меня уже тошило от рассказов о своей печальной истории, достало видеть их ободряющий взгляд, слышать соболезнования. Он, очевидно, вспомнил, что я был в коме, пока мы разговаривали по телефону, но не знал, что у неё были последствия. Для него я был Августом Кинкейдом, что бы это не значило.

Пока всё шло неплохо.

Скоро он всё равно обо всём догадается. Но сейчас я был просто Августом, а он — моим юристом. Никаких слезливых глаз, никаких тоскливых комментариев.

Мы назначили встречу на этой неделе, чтобы всё обсудить, и он переключил меня на секретаря, чтобы уладить детали. Через несколько минут с разговорами было покончено, и я вернулся в тишину тёмной пустой комнаты.

Я посмотрел на мобильник всё ещё зажатый в руке и начал просматривать контакты в поисках одного конкретного имени.

Трент.

Вот и он. Никаких инициалов, профессии. Просто Трент.

«Кто ты такой и какой детали мне недостает для завершения головоломки из моего прошлого?»

Глава 15

Эверли

Я сделала всё, что было в моих силах, чтобы наша с Райаном жизнь вернулась на круги своя, стала какой она была до этого треклятого телефонного звонка.

Август ворвался в неё как мой личный полтерgeist, и с тех пор всё изменилось. Мы постоянно спорили, ругались из-за мелочей, и между нами возникло напряжение, которого прежде не было. И сколько бы ни былоочных кино-марафонов или страстных объятий, мы не могли найти способ вернуть всё на свои места. Что-то изменилось, и мы не знали что именно.

Я сказала «прощай», я приняла решение. Я сказала «нет» Августу. Никаких одолжений илиочных визитов в неотложку. С меня хватит. Но, кажется, спрятанное в груди сердце было со мной не согласно.

Разве не иронично?

То самое сердце, что выбрало Райана, прокричало «да», когда он подарил мне кольцо, что сейчас красуется на моей левой руке, и тянулось к нему ночью.

Каждую ночь без исключения.

И почему это сердце, столь искренне влюблённое в этого мужчину, в то же самое время отталкивало меня от него?

Когда я спросила доктора Лоуренса, как это вообще возможно, что Август помнит, как завязывать шнурки, но не может вспомнить собственное имя, он просто ответил: «Разум – это уникальная и могущественная сила».

Наверное, сердце тоже такое.

Я открыла входную дверь, возвращаясь с очередной смены на работе, оглядела пустую квартиру и задумалась, что же могло подсказывать моё сердце, и чего я сама не замечала.

Куча одеял на полу осталась после нашего полуночного теле-марафона. На столике рядом стояла пара пустых кружек, и я вспомнила тепло Райана, когда мы, прислонившись друг к другу с кружками кофе без кофеина, смотрели последнюю серию любимого шоу. Я прятала голову за его плечо на особо кровавых моментах и смеялась, когда показывали что-то смешное, и ни разу за всё это время не вспомнила об Августе или запутанных чувствах, связанных с его возвращением.

Были только мы с Райаном и наша тихая совместная жизнь.

И это всё, что мне – и моему сердцу – было нужно

Из приятных размышлений о чашке кофе после восьмичасовой смены меня выдернул стук в дверь. Я неспроста работала в кофейне, причиной была серьёзная зависимость от этого темного варева.

Отодвинув мысли о кофе на потом, я подскочила к двери. Снаружи оказался мужчина, которого я прежде не видела.

Чёрт, мне следовало бы посмотреть кто там, прежде чем открывать дверь.

Пожалуйста, пусть он окажется не грабителем.

Или насильником.

Или одним из тех ребят, раздающих брошюрки.

— Привет. Эверли Адамс? — спросил он приятным спокойным голосом, совсем не похожим на голос серийного убийцы.

А может, он хочет, чтобы я так думала?

— Возможно. А кто вы? — спросила я нерешительно.

— Извините, я не хотел вас напугать, — он сделал шаг назад. — Меня зовут Брик Абрамс. Я психотерапевт.

Ещё лучше.

— Вы что, ходите по домам? — я смутилась.

Он засмеялся, и вокруг его уставших тёмных глаз побежали морщинки.

— Нет, обычно нет. Хотя, в последнее время входит в привычку. Я здесь по просьбе друга.

Тут я заметила коробки у его ног.

— Не возражаете, я хотел кое-что показать вам? Если не хотите, то можете не впускать меня, — добавил Брик, склоняясь над одной из коробок.

Любопытство победило. Хотя мне следовало бы больше беспокоиться о собственной безопасности и возможном содержимом коробок, я чувствовала родственную душу, словно знала этого человека всю жизнь. Не знаю почему, но он казался мне другом, который у меня был, но которого я не знала.

К счастью, ничего страшного или извращенного внутри не оказалось. Только пачка фотографий. Но стоило присмотреться к ним, и я обнаружила, что они превосходят все мои худшие опасения.

Теперь мои худшие опасения помещались в эти коробки.

— Как, вы говорите, зовут вашего друга, мистер Абрамс? — спросила я, отрывая взгляд от фотографий.

— Я не говорил, но уверен, что вы и сами догадались.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, я кивнула.

— Да, но не думаю, что могу помочь вам, мистер Абрамс.

Я медленно отступила. Он поднял на меня свои грустные глаза, когда я начала закрывать дверь.

— Что если он может помочь вам?

— Он сделал уже достаточно, вы не думаете? — спросила я, чувствуя разбегающуюся по жилам злость.

— Честно говоря, я не знаю. И он не знает. В этом вся проблема, — начал он.

Я медленно потянула дверь обратно и позволила этому чокнутому собрать свои коробки и войти. Если бы кто-нибудь спросил, я бы свалила вину за свой поступок на недостаток кофеина, но на самом деле, мне просто стало интересно.

Мне был интересен этот человек, так похожий на друга.

Он сел за небольшой обеденный стол, а я поставила вариться кофе. Будь мы друзьями, как казалось сейчас, я бы просто предположила, что он не против. Среди моих знакомых — тех, кому я доверяла — не было таких, кто не пил кофе.

— Значит, вы психотерапевт Августа? — я бросила на него взгляд через плечо, хлопнув на кухне.

— Что-то вроде. Я психотерапевт, и я знаю Августа. Давайте сойдёмся на том, что я просто хочу ему помочь.

— Допустим, — ответила я. Он уходил от ответов ловчее политика накануне выборов.

— Август ничего не помнит о своём прошлом, не понимает, кто он и как стал тем, кто он есть. Он барахтается на поверхности. Вы ненавидите того, кого даже не существует.

Я уставилась на кофейник, поджидая кофе, пропуская сквозь себя эту мысль и собираясь с ответом.

— То, что он ничего не помнит, ещё не значит, что я должна простить его.

— Нет, но неужели вы не можете, по крайней мере, дать ему шанс двигаться дальше и жить новой жизнью?

— С чего бы? Мою он разрушил, — проронила я.

— Разве? — Брик огляделся, отдавая должное нашей маленькой квартирке с поддержанной мебелью, которую я с любовью подбирала, когда выдавался свободный день. Я сама подбирала обивку, так чтобы всё подходило друг другу. Обстановка напоминала сельский домик — полная противоположность тому месту, что я обставляла прежде, но всё же это был дом.

— Если вы так представляете себе свою жизнь, то, мне кажется, она стоит всех трудностей, через которые вы прошли.

Я открыла было рот, но не нашла, что ответить. Никогда прежде мне не приходило в голову взглянуть на нашу жизнь с Августом, как на долгую дорогу, что привела меня к Райану. Я всегда делила всё на «мою жизнь с Августом» и «сейчас». Два совершенно разных, не связанных друг с другом, мира.

— Я просто хочу жить дальше, — вздохнула я, разливая кофе и расставляя чашки, усевшись рядом.

— Так и он хочет. Что если вы сделаете это, оба?

— Я почти врезала ему, когда видела его в прошлый раз, — призналась я. — А ведь он был ранен.

С губ Брика сорвалась усмешка.

— Ему просто нужны ответы. Возможно дав их ему, вы сможете сами оставить всё позади и двигаться дальше.

— Так вы хотите, чтобы я просто поговорила с ним?

Он кивнул, делая глоток кофе.

— И всё?

— Это всё, что ему нужно, Эверли. В чём он отчаянно нуждается, так это заполнить пробелы.

— И вы думаете, что это и мне поможет забыть про подавленную злость и боль? — с сомнением спросила я.

— Разговор поможет залечить множество ран, — ответил Брик.

Я смогла только хмыкнуть.

Но даже после того, как мы попрощались, и даже после того, как остыла моя вторая чашка кофе... Я всё время возвращалась к этой фразе и гадала, а не был ли он прав.

«Что если рана всё ещё не зажила? И если так, то могу ли я излечиться, чтобы жить дальше без человека, причинившего мне столько боли?»

***

— Ты издеваешься, Эверли? — Райан поднял на меня глаза.

— Знаю, это звучит дико...

— Дико? Это сумасшествие. Нет, ты не можешь предлагать это всерьёз.

Видимо, моё молчание было достаточно красноречивым. Парень встал с дивана, его глаза были расширены, а сам он готов бежать. Райан любил мерить комнату шагами. А я сбегать. Наша стандартная реакция на ссору. Он мог вышагать любой разговор до тех пор, пока всё не выйдет наружу и не будет разложено по полкам — высокоэффективная личность. А я? Мне просто нужно немного пространства. Пройдя через терапию и пожив с Райаном, я

знала, что обычно пары обсуждают свои обиды друг с другом, но практическая часть всё ещё давалась мне с трудом.

Когда Август злился, или психовал, или даже просто хотел сходить куда-нибудь вечером, всё заканчивалось запиранием меня в спальне.

Я знала, что Райан был другим. Я понимала, что они совершенно разные, но необходимость сбегать никуда не делать. Даже не смотря на то, что он никогда не повышал голос и не набрасывался на меня в гневе с кулаками, я чувствовала, как разочарование клубится в воздухе, как удушающий дым, который сдавливает мне горло.

Я встала, чтобы открыть окно. Свежий воздух успокоил мои раздражённые нервы.

— Во-первых, нет, — призналась я. — Я, как и ты, подумала, что идея бредовая. Но затем я поговорила с Табитой.

Райан недоверчиво покачал головой, непослушная прядь волос упала на его глаза, пряча от меня их выражение.

— Она хочет, чтобы ты это сделала? — мягко спросил он, отворачиваясь от меня и снова меряя комнату шагами.

— Она не высказала своё мнение более или менее определённо. Она просто помогла мне разобраться в ситуации.

— И в чём именно заключается ситуация? — спросил он, нервно растирая лицо руками.

— С тех пор, как Август вернулся, всё изменилось, Райан. Для меня, для тебя. Стало другим. И не важно, как сильно мы стараемся, невозможно всё вернуть на свои места.

— На это просто требуется время, — заявил он, хватаясь за несуществующую соломинку.

— Нет, я не думаю, что время сможет всё исправить, — сказала я. — Игнорируя проблему, мы не сможем её решить.

— Тогда мы переедем, — просто сказал он. — Я могу найти работу в другом месте, а уж кофеен по всей Америке полно. Чёрт, да одних «Старбаксов» натыкано на каждом углу. Всё равно здесь дорогая квартирплата.

Райан начал нести чушь. Он был напуган.

Переступая через разделявшую нас пропасть, я взяла его за руку.

— Я не хочу переезжать, Райан. И ты не хочешь. Здесь Джайантс, и у тебя потрясающая карьера. Ты любишь этот город, не отрицай.

Он встретился со мной глазами.

— Тебя я люблю больше.

— Я знаю.

Когда его губы коснулись моих, я чувствовала его отчаянье, жажду в каждом поцелуе, пока он нёс меня в спальню. Райану было страшно, так страшно потерять меня. Мы занимались любовью неспешно, словно наши тела хотели запомнить каждый дюйм друг друга. Несколько часов спустя, он всё ещё баюкал меня в объятьях, и мы гладили друг друга. Никто не проронил ни слова, боясь разрушить умиротворяющую магию, окутывающую нас с того момента, как наши тела встретились.

Но волшебству свойственно рассеиваться, а реальность всегда выходит на первый план в наших мыслях.

— Я знаю, что не похож на большинство мужчин, — наконец произнёс Райан, разрывая молчание. Освещенная лишь луной, я повернулась к нему.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Я вижу разницу между мной и Августом, даже сейчас. Я робкий и осторожный. Любовник, а не воин, иначе говоря. Я всегда знал, что я такой. У моих родителей был робкий характер, и они воспитали меня таким же.

— Райан...

— Нет, позволь мне закончить. Благодаря этому я стал привлекательным для тебя: резкий контраст между мной и ним. Я заботился о тебе так, как никогда не заботился он. Но пожалуйста, не думай, что если когда-нибудь дойдёт до...

Я провела пальцами по его взволнованному лицу, пока он пытался подобрать слова.

— Я буду бороться за тебя, Эверли. Делай, что считаешь нужным, если это поможет тебе обрести покой, но знай, что если придётся, я переверну землю и небеса ради тебя. Я не отступлюсь.

Я нежно коснулась губами его губ.

— Я знаю, поверь мне. Я знаю.

Когда я вернулась в его объятья, вкус поцелуя был единственным, что занимало мой разум той ночью.

Он был моим будущим. И скоро моё прошлое станет лишь забытым воспоминанием.

Глава 16

Август

Прошло пятнадцать минут, а я все еще с трепетом смотрел на дисплей телефона.

Она позвонила мне. По собственному желанию.

Когда ее имя появилось на экране телефона, я подумал, что это жестокая шутка.

Для чего бы – особенно после того, как она ушла той ночью, ясно дав понять, что это последний раз, когда я видел ее, – ей вообще пытаться снова наладить со мной контакт?

Все просто – Брик.

Возможно, ужесточая каждое правило, в каком бы то ни было этическом кодексе, который он пытался соблюдать, Брик сошел со своего пути, чтобы убедиться, что он нарушил все чертовы обещания, которые дал мне, в поисках Эверли, и выполнил все мои указания в точности до наоборот.

Я просто хотел, чтобы у нее была жизнь, которую она заслуживает, и вот она здесь – в той самой точке, с которой начала.

Однако она сказала Брику, что это приведет нас к логическому завершению – имея в виду разговор о прошлом, как способ разделить наше будущее на ее и мое. Я не был уверен, что согласен с этим. Каждый путь, который я видел, вел меня к ней, и именно поэтому я хотел, чтобы она держалась подальше.

Но я был эгоистом слишком долгое время... и иногда мне казалось, что некоторые из этих черт остались во мне и после пробуждения. Я всегда буду убегать от нее, если она захочет увидеть меня.

***

Я выяснил, что мы встречаемся выпить чашечку кофе, может побывать или сделать что-нибудь традиционное и публичное. У меня не было ложных надежд о том, что она хочет быть где-либо со мной, но я искренне сомневался, что это будет где-то далеко.

И вот, я понятия не имел, почему я встретился с ней в этой скверной части города, где единственной формой искусства были газеты, парящие от порывов ветра, и случайные граффити, нарисованные на фронтонах магазинов (*Прим. Фронто́н – завершение (обычно треугольное, реже – полуциркульное) фасада здания, портика, колоннады, ограниченное двумя скатами крыши по бокам и карнизом у основания*).

Может она надеялась, что я измажусь в грязи по дороге сюда. Наивысшее возмездие?

Парень очнулся после двухгодичной комы и измазался в грязи. Снова.

После того как та безумно выглядящая спортивная машина, которую я купил поддавшись порыву, была отремонтирована, я решил продать ее, чтобы купить что-нибудь

более разумное после той досадной аварии. Довольно весело на одну ночь, но, как и многое другое, что я выяснил, скорость не была в моем стиле. Поэтому я пересел на домашний внедорожник. Он был намного меньше подвержен деформации и потреблял бензин не в таких больших количествах.

Также наверху на нем была решетка, чтобы крепить снаряжение для кэмпинга, и даже мысль об этом делала меня счастливым в какой-то мере, когда я пытался представить старого Августа в его открахмаленном костюме, выехавшим в лес и устанавливающим палатку.

Стук в окно почти заставил меня свалиться с сиденья.

Почти – я все еще сохранял спокойствие.

Эверли пыталась спрятать ухмылку, появившуюся на лице, потому что ей удалось застать меня врасплох, когда я открыл дверь и выскочил из машины.

— Еще одна новая машина? — спросила девушка, пристально посмотрев на блестящую красную краску.

— Ага, ту продал.

Она кивнула, но ничего не сказала, пока не заметила то, что было у меня в руке.

— Что у тебя там?

— О, я нашел это, убирая кладовку. Подумал, что выглядит интересно, — сказал я, показывая однообъективную зеркальную камеру. Она была спрятана на самой высокой полке в главной кладовке. Я провел расследование касательно данной конкретной модели, и она стоила целое состояние – преимущественно новые модели, или, возможно, так было несколько лет назад.

Я решил продать ее или пожертвовать местной старшей школе, но как только я коснулся ее, то понял, что она моя.

— Ты раньше любил делать фотографии. Поэтому собралось так много коробок с ними, — сказала она, поддавшись чувствам и посмотрев вниз на камеру.

— Почему я перестал?

— Почему ты перестал любить так много всего? — спросила она, уходя.

Я быстро последовал за ней вниз по улице.

— Не ты один ходишь к психиатру, Август, — сообщила она. — И когда я разговаривала со своим, она посоветовала мне это.

— Завести меня в гетто и надеяться, что я не найду обратный путь?

И снова она попыталась скрыть усмешку, что рвалась наружу через подергивающиеся уголки её рта. Тот факт, что она не желала делить со мной радость, уязвлял, но был вполне понятен.

Я всё ещё был врагом.

Она уже сделала достаточно для меня, учитывая как мало я понимал о сути наших отношений, и это многое говорило о её сердце. Надеюсь, какую бы пользу она не хотела извлечь из этого маленького эксперимента, он сработает.

— Нет, — продолжила Эверли. — Она сказала, что мне стоит начать с начала. Если мы хотим поставить, наконец, точку, возможно у нас получится сделать это в процессе.

Я кивнул, оглядывая незнакомую местность.

— Итак, наша история начинается здесь?

— Да, но десять лет назад всё выглядело иначе. Полагаю, как и мы сами.

— Я видел твои фотографии десятилетней давности. Ты почти не изменилась, — сказал я, припоминая ту, что нашёл в своём бумажнике.

Те же медно-рыжие волосы, те же ярко-голубые глаза. И если бы сейчас она улыбнулась, уверен, что увидел бы перед собой ту же красивую девушку.

Но она бы не улыбнулась. Не для меня.

Больше нет.

— В 2005 здесь была клубная зона. Полагаю, что и сейчас остались несколькоочных клубов, но вряд ли те же самые. А тогда, это было отличное место, чтобы зависнуть, и я каждые выходные пробиралась с друзьями в лучше клубы.

— И я? — спросил я, вопросительно посмотрев на неё.

— Ты с коллегами любил приходить сюда после работы выпустить пар. Думаю, тебе просто нравилось быть частью команды, потому что громкий шум и танцы тебя никогда особо не интересовали.

— Но они привели меня к тебе, — она вздрогнула. — Прости, — извинился я, осознавая сказанное.

— Всё нормально. Брик напомнил мне, что если бы я не встретила тебя, я бы не встретила Райана. А Райан — всё для меня, — наконец вымолвила Эверли, и каждое её слово резало по живому.

— Точно, — наконец смог выдавить я.

Эверли резко остановилась, и я почти врезался в неё. Она стояла и смотрела на небольшой жилой дом слева.

— Здесь я жила, — она указала на надстройку на втором этаже, где на ветру колыхался старый картон, служивший временной занавесью. Вдоль дороги валялся мусор, а оставшаяся на здании потрескавшаяся краска осипалась хлопьями. Такой вид обычно открывался, если вы случайно сворачивали не туда с трассы, и, стараясь не плятиться по сторонам, нетерпеливо ждали, когда GPS перенастроит маршрут в безопасное место.

Осознание того, что она жила здесь, причиняло мне душевную боль: на грани нужды и по соседству с опасностью.

— И долго? — мягко спросил я.

— С тех пор как мне исполнилось восемнадцать, и я перестала приносить выгоду приёмным родителям.

Я не знал, что она была приёмным ребёнком. Полагаю, было ещё многое того, чего я о ней не знал.

— А школа? Работа?

Она потрясла головой.

— Эту парочку заботили только деньги. Они выгнали меня и в тот же день заменили кем-то помоложе. Конечно, есть люди, которые делают это не ради денег, но система далека от совершенства.

— Эверли...

— Пожалуйста, не надо, — попросила она, — я помню, как стыдилась привести тебя сюда. Первые несколько недель, что мы встречались, ты спрашивал, где я живу, а я всегда находила дурацкие оправдания, типа того, что моя соседка привела парня или у меня не было времени на уборку. Но, в конце концов, ты всё выяснил. Подсмотрел в моих правах адрес и вместо того, чтобы пойти к тебе, мы оказались здесь.

Она сделала глубокий вдох, и я видел, как воспоминание отпускает её, словно отыгранное в словах.

— Я была в ужасе. Думала, что ты уйдёшь сразу, как увидишь это место. Ты был старше на четыре года. Для восемнадцатилетки, прошедшей через систему усыновления, ты казался сказочным принцем.

— Что произошло? — спросил я, разворачиваясь к ней, разглядывающей колышущиеся листы картона в окне надстройки.

— Ты взял меня за руку, подвёл к дверям квартиры и, не отпуская руку...

— Твою руку?

— Да, ты взялся за неё своими и потряс, а затем сделал самую сумасшедшую вещь на свете.

***

— Привет, я – Август Кинкейд.

— Эверли Адамс.

— Отлично. Мы прекрасно провели этот день, а теперь, не пригласишь ли ты меня в свой чудесный дом?

***

— Сначала я подумала, что ты чокнутый, но один лишь этот жест доброты дал мне смелость открыть дверь и позволить тебе войти — и буквально, и эмоционально. Мы всю ночь болтали: о жизни, прошлом и настоящем, и о том, какими видим себя через десять лет.

— И какой же ты видела себя через десять лет? — спросил я. Внезапно она отвела глаза от здания.

— Сейчас это уже не важно, — отрезала она. — Планы меняются, хорошо это или плохо. Мы приспосабливаемся. И всё, что имеет значение, это то, что мы видим перед собой.

— И у тебя это Райан, — подытожил я.

— Да.

Дальше по улице мимо старых клубов и тусклых витрин мы шли в молчании.

— Почему ты так сильно хочешь узнать своё... наше прошлое? — выпалила она, когда мы дошли до моей машины. Я повернул голову и увидел на её лице пятна гневного румянца. Прежде чем ответить, я пару секунд собирался с мыслями

— Ты когда-нибудь смотрела мистику или триллер?

— Что?

— Ну, типа «Начала» или «Исчезнувшей»? Там, где ты нихрена не понимаешь до самого конца.

— Я поняла, о каких фильмах идёт речь. И нет, не смотрела, если хочешь знать. Я не любитель мистики — всегда знаю, чем всё закончится ещё в начале. Чего я не понимаю, так это при чём здесь фильмы? — разозлилась она.

— Я пытаюсь объяснить. Можешь дать мне минуту, — резко ответил я.

Она скрестила руки перед грудью, а я пытался не обращать внимания на то, как при этом ткань блузки обтянула её грудь. Я решил смотреть на знак «стоп» на другой стороне улицы.

Так было безопаснее.

— В общем, как я сказал... В последнее время я смотрел много фильмов, чтобы как-то изучить нового себя. И я решил, что ненавижу триллеры и мистику. Тяжелое чувство постоянного незнания, большое головокружительное ощущение того, что ты что-то потерял, но что — неизвестно. Ненавижу его от всей души. В этом вся моя жизнь, минута за минутой. Осознание, что где-то есть подсказки и воспоминания — только руку протяни, но я понятия не имею, как добраться до них.

— Почему тебе так это важно? То есть, неужели ты просто не можешь начать с начала? — мягко спросила Эверли.

— Я пытался. Я пытаюсь, но раз за разом меня засасывает в пустоту. Мне нужно заполнить эти пробелы. Я хочу быть уверен, что я не...

— «Ты не» что? — настояла она.

— Что я не стану снова таким, — признался я, разворачиваясь к ней. Я встретился с её неуверенным взглядом, и она кивнула.

— Тогда продолжим. Одно воспоминание за раз.

Ни ободряющей улыбки, ни доброжелательного «до свидания» — она просто развернулась к своей машине. Но я получил обещание большего.

Больше времени с ней рядом.

Больше воспоминаний о нас, и больше шансов изменить её мнение.

Возможно, она не полюбит меня снова, но быть может она сможет найти в себе силы простить человека, которым я пытаюсь стать.

Глава 17

Эверли

— Мне это совсем не нравится, Табита, — я потрясла головой, копируя Райана, посреди её тесного офиса и вышагивая туда-сюда, страстно желая, чтобы здесь было окно, которое я могла бы открыть.

Или дверь.

— Ты уверена, что тебя это волнует именно поэтому? — спокойно спросила она. Сейчас я ненавидела спокойствие.

Спокойствие могло поцеловать меня в зад.

Прошло два часа после встречи с Августом, а я всё ещё была перевозбуждена от кофе, ярости и ещё десятка-другого различных эмоций, которые не могла разобрать. И последнее, о чём мне нужно было напоминать, — это спокойствие.

— Почему? Потому что это была худшая идея на свете? Свести кого-то вроде нас двоих вместе? Дерьмо, это всё равно, что поместить атомную бомбу и детонатор в одном месте и сидеть ждать, что же произойдет. Нереально тупая идея.

Она дала мне снять ещё один слой покрытия с ковра, прежде чем ответила.

— Почему ты думаешь, что это настолько плохая идея? Из-за твоего прошлого? Из-за того, через что вы уже прошли вместе? Или ты боишься того, что может произойти, если вы станете ближе?

— Мы никогда не сойдемся снова. Никогда, — я ответила так уверенно, как могла, чтобы оборвать этот вариант развития событий.

Но Табиту не отпугнула ни я, ни уверенность в моём голосе, у неё был талант докапываться до того, чего я старалась избегать больше всего. Меня чертовски бесила эта черта её характера.

— Почему? — надавил она.

— Потому что я... Я... — оборвала себя я, понимая, что скорее отмахиваюсь, чем пытаюсь думать. Почему я не хотела сближаться с ним? Он был совсем другим человеком, даже близко не похожим на того Августа, которого я оставила в больнице два года назад. — Он слишком опасен, — наконец призналась я.

Женщина кивнула, соглашаясь с этим. Прежний Август был опасен из-за ущерба, что он мог причинить мне как личности. Новый Август был опасен по совершенно другой причине, и я не уверена, что моё сердце сможет принять её.

— Значит, ты сдаёшься? Сбегаешь? — спросила она. Мне казалось, что когда она спрашивала, то уже знала ответ.

— Нет, — ответила я. — Я согласна с мистером Абрамсом, завершение возможно для нас, если мы сможем отпустить прошлое. У Августа не осталось воспоминаний о себе самом, поэтому я поделюсь своими. Большего не требуется.

— А Райан согласен? — спросила она, наблюдая, как я наконец-то опустилась на ближайший стул.

— В достаточной степени. Ему не нравится, что я буду рядом с Августом, как и мне, но учитывая наши отношения, он согласен принести эту жертву. Раньше мы не сталкивались с трудностями в совместной жизни. Самой большой проблемой был выбора цвета полотенец для ванной и спор о том, сочетается ли жёлтый с голубым. Когда мы сошлись, он знал, что я пострадала, но не думаю, что он до определенного момента представлял насколько сильно и случится ли этот момент вообще. Никто не представлял. Мы жили в безмятежном уединении от Августа, и вдруг оно лопнуло, как мыльный пузырь.

— Никто не может подготовиться к такому, Эверли – трагедия это или что-то ещё, что переворачивает твою жизнь с ног на голову. Те, кто считает, что готов ко всему, никогда не представляют, с какого рода трудностями им придётся столкнуться: с переживаниями, здоровьем или самочувствием. Это нормально – видеть всё немного драматично. И да, ваша ситуация уникальна, но это не делает её менее значимой. Ты стала жертвой насилия.

— Верbalное насилие не попадает в заголовки газет, но всё равно причиняет боль. От него не остаются шрамы, напоминания на теле, но ты всё равно ранен. У тебя остаются воспоминания, и день за днем ты будешь пытаться облегчить боль. И даже если твой обидчик исчезает, лицо того, кого ты когда-то любила, – оно по-прежнему перед тобой. С этим тяжело справиться. Ты ему доверяешь? Или нет? Тебе решать. Если бы он смог вернуть прежнего Августа, со всеми его воспоминаниями, мы бы сейчас говорили о другом, но он не смог. И поэтому твоя борьба продолжается.

Борьба началась в тот момент, когда я увидела его входящим в кофейню, потерянного и одинокого. Именно в тот момент, я осознала, что Августа больше нет.

— Но вдруг он вернётся, настоящий Август? — спросила я.

— Ох, ну а что если нет?

Вот это был вопрос из вопросов, тот, что я боялась задать сама себе.

Что если это и был настоящий Август?

Могла ли я ненавидеть человека, который не помнил ничего из своих тёмных делишек? Если убрать из уравнения боль и страдания, что я пережила из-за него, то что останется?

— Ты вроде говорил, что тебе понравилось, где я живу, что тебя не волновало... это, — сказала я с осуждением, шутливым широким жестом окидывая крошечное пространство моей квартиры.

— Боже, женщина... Ты вообще слушаешь, что я говорю, — выругался Август. — Меня это не смущает и не волнует.

— Значит, ты хочешь спасти меня, в этом всё дело, — я топнула ногой, раздраженная, отворачиваясь от него. И это после всего, чем я с ним поделилась, рассказав о своём детстве...

— Бога ради... — его руки обхватили меня за талию и развернули к себе. — Я знаю, что тебя не нужно спасать. Я просто хочу быть рядом, постоянно. Я пытаюсь сказать, что люблю тебя, Эверли!

Его поцелуй был напряженным и до боли жестким, наши губы касались снова и снова. Он предложил мне съехаться, а я, в своей привычной манере, вспылила.

В моей жизни не случалось ничего хорошего.

До него.

Когда вспышка страсти затихла, он запустил пальцы в мои волосы.

— Переезжай. Пожалуйста. Грей мою постель, живи в моих объятьях... и никогда не уходи.

— Хорошо, — ответила я, наконец-то понимая, каково это, когда о тебе заботятся.

Когда тебя любят.

***

— Ещё один осмотр недвижимости на сегодня? — голос Августа пробился через затянувшееся воспоминание, возвращая меня к реальности. Я пару раз моргнула, окидывая взглядом улицу, на которой стоял наш первый дом.

Дом, который мы арендовали, когда я, наконец, согласилась жить с ним вместе.

***

— Ты собираешься переехать в моё гетто? Или ожидаешь, что я соберу вещички и переберусь в твою отвратительную холостяцкую берлогу? — я улыбнулась, обнимая его обнаженный торс руками.

Парень взглянул на меня, целуя в макушку.

— Чёрт побери, если ты хочешь, то можем найти что-нибудь новое. Мне всё равно, до тех пор, пока я просыпаюсь рядом с тобой.

Так мы и сделали.

Я планировала сделать этот дом следующей остановкой по маршруту «история нашей жизни», но неожиданно мне показалось это чересчур личным.

Слишком реальным.

И, в конце концов, я просто не была готова попрощаться с этим.

— Нет, — я собралась с ответом и пояснила, — просто место для встречи.

Он обводил взглядом улицу, а я рассматривала его, ожидая хоть какую-нибудь искру узнавания — подсказка, что он помнит хоть что-нибудь — и ничего.

Для него это была просто улица.

Ничего особенного.

И это было... больно.

— Итак, чем мы сегодня займемся? — спросил он, с любопытством разворачиваясь ко мне. Я отвернулась, скрестив на груди руки, пытаясь придумать что-нибудь другое взамен.

Спасаясь от навязчивых воспоминаний о нашем первом жилье, я искала что-нибудь безопасное и простое, нейтральное, где бы эти чувства затихли.

— Поиграем в туристов, — быстро ответила я, вспомнив похожий день несколько лет назад.

— Здесь? — спросил он.

— Не совсем, но в пределах города. Пойдём. Я сяду за руль.

Я не стала ждать его. Знала, что он пойдёт следом. Любопытство не даст ему соскочить. Я запрыгнула в машину, а он сел на пассажирское кресло рядом.

Внезапно машина показалась мне тесной. Я чувствовала себя селёдкой в консервной банке. Он был везде — его запах, навязчивое присутствие — и мне не хватало воздуха.

— Хотя, с другой стороны... Может, ты поведёшь? — мне удалось выскочить из машины и жадно втянуть воздух в лёгкие.

Сзади раздался мягкий голос.

— Эверли? Ты в порядке?

Август не трогал меня, но я всё равно чувствовала накатывающий волнами жар его тела.

Я сделала шаг вперёд и обернулась.

— В порядке, — ответила я. — Просто не хочу сидеть за рулём, вот и всё.

Я двинулась к его машине и ждала, когда он её откроет. Август смотрел на меня с нескрываемым напряжением в карих глазах, словно он решал, уличить меня во вранье или пропустить его мимо ушей.

К счастью, он выбрал второе и разблокировал дверцы. Я скрылась за ними от его тяжелого взгляда.

Устроившись на соседнем кресле, он поставил камеру на подставку между нами.

— Итак, куда мы едем? — спросил Август, вставляя ключ в зажигание.

— Рыбацкая пристань (*Прим. портовый район Сан-Франциско, одна из туристических достопримечательностей города*), — я гадала, нужны ли ему подсказки, но он просто отъехал от тротуара и направился в нужном направлении.

— Я изучаю карты, — пояснил он. — В тот день, когда я заблудился и забрёл в твою кофейню, то почувствовал себя таким беспомощным и одиноким. И я бы не хотел испытать это снова, так что начал понемногу изучать город,

Я молча кивнула, а потом поморщилась.

— Что ж, неприятно говорить тебе это, но ты только что пропустил поворот.

— Что? — воскликнул он, заглядывая в зеркало заднего вида. — Вот дермо!

Я прикрыла рот рукой, сдерживая смешок.

— Знаешь, — сказал он, — если ты хочешь, чтобы всё сработало, в конечном счёте, тебе придётся открыться.

— Я не обязана испытывать к тебе симпатию, чтобы всё сработало, — раздраженно ответила я. — Ты хочешь знать о нашем прошлом — этим я и занимаюсь. И чем скорее мы это сделаем, тем скорее ты сможешь двигаться дальше. Это моё примирение.

— Что ж, ты, видимо, уже всё решила, — ответил он, растягивая каждое слово.

Остаток пути мы не разговаривали. Признаться, рядом с Августом мне хотелось ненавидеть его, и отчасти так и было. Напуганная, плачущая, юная я, запертая в ванной, всегда будет ненавидеть мужчину, обещавшего вечность, но решившего, что меня ему мало.

Но та, кем я стала... прошла через трудные времена, злясь на мужчину, таскающего за собой камеру и изучающего карты. Эти качества напомнили мне о том, кто умолял меня никогда его не бросать, согревать его постель и оставаться с ним.

Я показала ему, как припарковаться ближе к воде, практически на насыпи. Потом наблюдала, как он втискивается на место, предназначеннное скорее для двухместного автомобиля, чем для его пожирателя бензина. Но Август, казалось, знает, что делает. Он даже правильно развернул колёса — необходимость на практически вертикальных улицах Сан-Франциско.

— Мы оба выросли неподалёку, — сказала я, когда мы выбрались из машины и оказались рядом на тротуаре.

Я держала ощутимую дистанцию, пока мы шли вдоль берега.

— Однажды, когда мы прогуливались по пристани, поедая мороженое или что-то типа того, мы вдруг поняли, что ещё не делали ничего «сан-франциского».

— Чего? — переспросил он.

— Когда ты путешествуешь, что ты делаешь в первую очередь? — спросила я.

Август остановился и непонимающе посмотрел на меня.

— Окей, ну если бы ты путешествовал, что бы ты сделал в первую очередь? —
перефразировала я. Я сложила руки на деревянных поручнях, огибающих док. Перед нами
покачивались лодки с предложением аренды для поездки на рыбалку или наблюдение за
китами.

— Обратился бы за помощью к Гуглу? — предположил он.

— Вот именно. Но это было десять лет назад, и я была менее искушенной в
технических вопросах, чем сейчас, поэтому я бы выбрала туристический путеводитель. Но
смысл тот же. Мы осознали, что у нас нет туристического плана для посещения нашего
родного города.

— И ты его составила?

— Да, — ответила я, вспоминая восторг от этой идеи. — Однажды.

— И как ты ухитрилась? — спросил Август. — Разве здесь не планируют недельные
отпуска?

— Мы были очень проворны, — объяснила я, — поэтому нам нужно
поторапливаться!

Я сорвалась на бег, зная, что он следует за мной. Но в этом путешествии он не будет
держать меня за руку. Мы лишь оживляли воспоминания, а не воскрешали сопровождающие
их эмоции.

Нашей первой остановкой был хлеб. Хлеб на закваске, если точнее.

Это конечно не шло первой строкой в Гугле, но как только вы оказывались на
Рыбацкой пристани, вы понимали, почему пекарня Буден десятилетиями скормливалась
туристам тесто на закваске (*Прим. BoudinBakery – сеть пекарен, изготавливающих
оригинальный хлеб на закваске*). Пекарня занимала целый квартал, и как только мы оказались
рядом, пряный, ни с чем несравнимый запах закваски защекотал ноздри, и я оказалась в
хлебном раю.

Хлебный рай существовал.

И я хотела остаться здесь на всю жизнь.

В Буден есть ресторан, поэтому вы можете устроиться поудобнее и наслаждаться едой
вместе с друзьями или возлюбленными. Для нас, впрочем, разумнее было взять на вынос.
Провести час в компании бывшего не казалось мне приятным занятием, к тому же в нашем
путешествии было ещё несколько остановок.

Август проследовал за мной в магазин и встал вместе со мной в очередь. Я с
любопытством рассматривала его, пока он озирался вокруг, разглядывая гигантские хлебные
караваи в форме животных или спортивной символики с разложенными вокруг
безделушками.

— Это то, что мы делали на самом деле? — спросил он, пока мы приближались к кассе.

— Не совсем, вообще-то мы заходили туда, чтобы пообедать, — ответила я, указывая на стекло, отделяющее ресторан. — Но я решила, что нам не хватит времени.

Парень просто кивнул.

Мы выбрали большой каравай и кофе и покинули магазин. Я не стала тратить время на церемонии и отломила кусок руками. Хорошему хлебу не требуется масло или начинка. Его можно есть без всего, и он будет столь же восхитителен.

Я с неохотой протянула Августу пакет с хлебом, и мы направились к другим магазинам. Прежде чем двигаться дальше, нам нужно было сделать ещё кое-что.

Солёные ириски.

Ни один уважающий себя турист не упустит возможность наесться от пузга солёными ирисками, и я хотела убедиться, что Август не уйдёт отсюда, не попробовав их. Поэтому после быстрого рейда по следующему магазину мы обзавелись добычей на любой вкус и цвет, среди них были даже такие, от названия которых Августа перекосило от отвращения, я передала ему пакет, как только мы вышли.

— Превосходнейший набор солёных ирисок. Можешь начинать жевать, — проинструктировала я.

— Сейчас? — его глаза расширились.

— Да. Туристы мы только на сегодня, поэтому к концу дня это нужно съесть.

— Я же помру.

— Детский сад, — я закатила глаза. — Ты разве не в курсе, что туристы набирают за отпуск около десяти фунтов (*Прим.: около 5 кг*)? Это закономерность, — я вытащила из пакета несколько ирисок. — Я тебе помогу. Погнали.

Август засунул в рот несколько ирисок по пути к машине, а я смотрела, как его скрючило от смеси апельсина и рутбира (*Прим. (корневое пиво) – газированный напиток из коры дерева Сассапарилла*). Следовало предупредить, что не стоит смешивать разные ириски. Ошибка новичка.

— Куда дальше? — спросил Август с любопытством и воодушевлением. Он остановился позади своего ярко-красного бегемота на колёсах, но я двинулась дальше.

— Иди за мной, — кинула я через плечо, шагая на тротуар, круто поднимавшийся по склону. Через несколько кварталов дыхание участилось, лёгкие горели огнём. У поворота я взяла передышку и оценила открывшийся вид. Пристань оказалась внизу, вода сверкала в лучах полуденного солнца. Это был прекрасный весенний день, как и многие до него, что мы провели вместе в прошлом.

И всё же, сегодняшний был другим.

Совершенно другим.

Я перешла улицу, краем глаза замечая тень Августа.

— Мы поедем на фуникулёр (Прим. Фуникулёр (*фр. funiculaire, произв. от лат. funiculus – верёвка, канат*) – рельсовое транспортное средство с канатной тягой для перевозки людей или грузов на небольшое расстояние по крутой трассе), — объяснила я, когда мы шли по дорожке, которая привела нас к очереди, ждущей вагончик.

— В компании всего города,— проворчал он, когда мы заняли место в конце очереди.

— Ты хочешь, чтобы я просто пересказала, что было в тот день, или проедемся по настоящему? — проворчала я, сложив перед собой руки.

Он скользнул взглядом по моей фигуре, но сразу же отвёл глаза, стоило ему увидеть уличных музыкантов и вид, открывавшийся на воду. Всё ещё не избавившись от раздражения и нервозности, я пыталась не думать о его притягательных карих глазах и напряжении, с которым он смотрел на меня.

То время, что мы потратили на ожидание фуникулёра, можно было потратить на посещение площади Гиарделли или поездку через мост Золотые Ворота. Но мне хотелось попробовать повторить тот самый день так близко, как только возможно, а тогда... тогда мы катались на фуникулёре.

***

— Август! Только посмотри на очередь... мы ничего не успеем! Нам ещё столько осталось сделать, — заныла я.

— Но это то, что делают туристы, Эверли – стоят в очередях! — парень засмеялся, ухмыляясь так широко, что в уголках его глаз собрались морщинки.

— Хорошо, но если к концу дня я не получу шоколад из-за этого идиотского вагончика, виноват будешь ты! — я пыталась вырвать свою руку, пока он тащил меня через улицу к длинной очереди туристов, жаждущих прокатиться на настоящей канатной дороге по Сан-Франциско.

Мы медленно продвигались в очереди, прислушиваясь к разговорам вокруг. Разные языки, разные акценты – среди них были даже местные вроде нас. Люди наслаждались городом, а я всё ещё не могла связать двух слов, чтобы обратиться к нему.

Поэтому я просто наблюдала.

Наблюдала за тем, как он отходит, чтобы щёлкнуть камерой несколько зданий, людей или пейзаж. Это было то, к чему я привыкла годы назад, когда его увлечение фотографией только расцветало. Он просто бродил вокруг, а я счастливо ждала, когда он остановится, найдёт что-то совершенно обыкновенное, что можно снять необыкновенно: завитушку на

воротах под правильным углом, или то, как женщина переносит ребёнка через улицу. Он всегда мог ухватить нужный момент.

Но те фотографии он не печатал. Он никогда не заострял на них внимание.

Коробки Август заполнял нашими фотографиями.

Только нашими.

***

В конце концов, камера была убрана и забыта, как и всё остальное, а жизнь двигалась дальше.

Или так казалось.

И всё же мы были здесь, простоявали тёплый весенний день в очереди на фуникулёр, пока я смотрела за его перемещениями по улице с фотокамерой. Порой жизнь возвращает тебя в прошлое. Что ещё в моей жизни повторится?

— Кажется, мы идем следующими, — сказал Август, вставая рядом со мной.

— Угу, — коротко ответила я, глубоко погрузившись в мысли и едва заметив его возвращение.

— Ты же не это планировала на сегодня, да? — неожиданно спросил он, когда мы, купив билеты, вошли в вагончик. Я ухватилась за поручни, прежде чем фуникулёр тронулся, Август встал рядом.

— С чего ты это взял?

Он пожал плечами.

— Ты выбрала странное место для встречи, если мы собирались ехать сюда. Почему было не встретиться здесь? Просто это кажется странным, и...

— Нет, ты прав, — перебила я, — это не то, что я планировала с самого начала. Всё? Теперь ты счастлив?

Парень пытался поймать мой взгляд, пока я не отвернулась. Именно в этот момент фуникулёр решил подать признаки жизни. Дети дружно рассмеялись и закричали, когда вагон двинулся вдоль канатных путей. Проводник что-то говорил в динамик, но я не могла разобрать ни слова.

— Что мы будем делать? — спросил Август, пододвигаясь ближе. Я знала, что он делает это, чтобы не перекриваться. Мы долго ждали, и для кого-то из присутствующих путешествие по канатной дороге было исключительным событием. Мой гнев не стоил того, чтобы портить этот момент.

Я лишь потрясла головой.

— Пожалуйста, — попросил он, почти касаясь меня.

— Та улица, — наконец решилась я, — мы жили там раньше.

Он замер, впившись в меня взглядом.

— Почему ты не захотела показать мне это место?

Я сглотнула, в горле стало сухо, а внутри вагончика внезапно стало слишком тесно.

— Это слишком, — призналась я, — слишком много воспоминаний связано с ним. Я не готова.

— Хорошо, — уныло согласился Август, отступая назад, и я снова смогла втянуть в лёгкие воздух. Оглушающий скрип кабинки фуникулёра ворвался в сознание, и я неожиданно осознала, насколько сильно была сконцентрирована на Августе — окружающий мир словно растворился.

Он оставил меня в покое, пока мы двигались к развязке, во время остановки на середине пути, где пассажиры входили и выходили. Я решила выйти.

Август следовал за мной.

— Думаю, на сегодня хватит достопримечательностей, — заметила я, оглядываясь. Выти на случайной остановке было не лучшей идеей, но мы по-прежнему были в туристической зоне, так что мне потребовалась лишь минута, чтобы сориентироваться на местности.

— Нам нужно повернуть здесь, — Август указал в противоположном направлении от поворота.

Я оглянулась, понимая, что он прав, что лишь больше меня разозлило. Я молча пошла за ним по улице, на которой мы припарковались.

Это будет очень долгая прогулка.

Сзади меня щёлкнула камера, я обернулась и увидела, как Август ведёт объективом вдоль улицы, снимая выстроившиеся рядами дома.

— Как думаешь, где ты будешь через десять лет? — спросил он, когда мы перешли на другую улицу.

— Что? Зачем тебе?

— Ну, ты сказала, что смотришь в будущее, а не в прошлое, так что у тебя наверняка есть какой-то план, или представление, что делать дальше. Я помню, ты говорила, что это всё уже не имеет значения, но очевидно всё же имеет, раз ты помолвлена и планируешь свою жизнь с другим человеком.

Он приноровился к моей ходьбе, и мы шли нога в ногу, почти касаясь плечами. Я отодвинулась вправо. Сделав вдох, я ответила.

— Думаю, у меня будут дети. И дом полный смеха — всё просто.

— И это не похоже на то, что ты хотела раньше? — спросил Август.

— Нет, не совсем. Просто...

— Не похоже, — одновременно ответили мы.

Следующие пару улиц мы шли молча.

Наконец, дороги пошли под уклон, намекая на возвращение к морю. Когда мы пересекали следующую улицу, Август заметил указатель на повороте.

— Это Гиарделли? — спросил он, когда несколько человек вышли из знаменитого шоколадного магазина.

— Да, один из них. К самому популярному нужно пройти дальше, или ниже, если идти через магазин по лестнице, — уточнила я, припоминая, как болели ноги в тот день, когда мы обошли каждый дюйм города в попытке добиться звания лучших туристов Сан-Франциско.

***

— Ты помнишь! — воскликнула я, когда мы повернули за угол, и перед глазами предстала огромная освещенная вывеска Гиарделли.

— Конечно. Если моя женщина требует шоколад — я доставляю.

Прыгая к нему в объятья посреди улицы, я обхватываю его руками, как влюблённый подросток и выговариваю «мой герой».

Он всегда был моим героем.

***

— Хочешь зайти и купить что-нибудь? — спросил Август, останавливаясь у входа.

Я подняла взгляд на вывеску, едва видимую под таким углом, а потом снова посмотрела на Августа. На мгновение прикрыв глаза, я покачала головой.

— Нет. Думаю, на сегодня хватит воспоминаний.

И пошла прочь.

Он был моим героем. Но больше нет.

Глава 18

Август

Казалось, что с того момента, как она ушла, прошли годы.

Наша улица – или, по крайней мере, раньше была. Мы не сказали друг другу ни слова с тех пор, как она ушла от меня на площади Гиарделли. Я бросился за ней, только чтобы найти ее и молча ждать на капоте моего внедорожника.

Она закончила, и думаю, в тот момент я тоже.

Я не знал, что сделал – или не сделал, чтобы причинить ей столько боли в тот момент, но я устал ее обижать. Мое присутствие разозлило и расстроило ее, и насколько я знал, что эта причастность между нами должна быть взаимовыгодной, я не мог не чувствовать, что виноват во всем.

«*Если бы я мог просто двигаться дальше*».

«*Отпустить*».

Я взглянул на улицу-место, которое должно хранить столько счастливых воспоминаний в моей жизни. Вместо этого оно выглядело как любая другая дорога в Сан-Франциско – тесные, маленькие домики выстроились в ряд. Не пяди травы, но много бетона и хорошая дорожка для прогулок с собакой или с коляской. Подъездная дорога была всегда мечтой, а парковка была на улице. Это был город обеспеченных людей, и вы заплатите большие деньги, чтобы жить здесь.

Владельцы украсили территорию цветочными ящиками на окнах и красивыми растениями у дверей. Мне жаль, что я не знаю, какая дверь была нашей, какой дом был нашим.

Покачав головой, я завел двигатель и заметил сумку и наполовину съеденную ириску на пассажирском сиденье.

Мы не закончили так, как хотела она. Просто еще один провал добавился к этому дню.

Отъехав прочь от бордюра, я поехал по окрестностям, принимая все это – здания, мимо которых я проходил ежедневно, рестораны, которые я, скорее всего, посещал после работы, чтобы забрать еду на вынос.

«*Я мог это видеть*».

«*Жизнь с Эверли*».

Несмотря на все, я мог себе это представить. Ее в моей жизни, в моей постели.

Это было бы так же легко, как сделать следующий вздох.

Повернув направо, я занял первое пустое место на обочине дороги, которое смог найти, и поставил машину на парковку, выключив двигатель. Опустив голову на рулевое колесо, я сделал длинный вдох.

Если мой разум смог забыть все – каждое воспоминание, которое я когда-либо имел, то, конечно, я мог бы научить свое сердце, чтобы сделать то же самое.

«Начну прямо сейчас».

Чувствуя решимость, я поднял глаза и увидел первый ресторан, который смог найти – небольшой бар и гриль, который рекламировал только что начавшийся праздничный счастливый час.

«Превосходно».

Я знал только двух человек в этом городе. Троих, если посчитать рыжую официантку, которую я пытался избежать. Пришло время, и я решился и познакомился с новыми людьми.

Попробовал новые вещи.

И двинулся дальше. Для пользы.

***

Отказавшись от стола, я занял место в баре и неторопливо постучал пальцами по зернистому дереву, ожидая появления загруженного работой бармена.

Ресторан, один из тех фьюжн мест, которые смешали миллион разных кухонь в попытке создать что-то новое, был порядочно заполнен в будний день. Место стабильно заполнялось местными жителями, заглядывающими после работы. В основном приходили вдвоем или втроем, они заполняли столики вокруг бара и держали сами, но каждый так часто в группе или один, как я, занимали пару мест в баре.

Это не заняло много времени, чтобы заказать напиток, и как только мой заказ на лучшее пиво был сделан, я продолжил смотреть на людей, скучая.

Это заняло меньше пяти минут.

Вот почему люди ели арахис и смотрели телевизор в барах. Мы не видели людей – это был цыпленок.

— Ты выглядишь знакомым,— я повернулся направо и увидел красивую блондинку через несколько мест вниз, наклонившуюся ко мне, стараясь перекричать шум.

— Я?

— Да, — продолжала она, схватив свой напиток, и придвинулась ближе. — Ты бывал здесь раньше?

— Может быть, — ответил я с ухмылкой. Она, казалось, приняла мой ответ за флирт и ответила хихиканьем. Я просто был честен, но мне понравилась ее улыбка.

И ее смех. По крайней мере, я могу заставить кого-то смеяться.

Бармен прибыл в этот момент с моим напитком, и я предложил купить ей другой.

— Еще один Джин-тоник, — сказала она человеку за прилавком. Он кивнул и отошел.

— Хмм, — она сделала оставшийся глоток своего напитка.— О, я знаю, где тебя видела! — сказала она. — Ты работал в баре Джой вниз по улице? — спросила она, широко раскрыв глаза от волнения, словно только что сложила последний кусочек очень сложной головоломки вместе.

Честно говоря, я не знал, что сказать.

Эверли никогда не упоминала, что я работал в баре, но это не значит, что это не так.

Было ли это возможно, что эта женщина узнала меня по работе, которую я мог бы иметь десять лет назад?

«Не возможно».

— Э, — начал я, но она прервала меня.

— Майк, правильно? — ее рука упала на мою руку, и я опустил туда взгляд.

— На самом деле, Август. Но держу пари, я выгляжу лучше, чем Майк, — я усмехнулся.

Девушка засмеялась, прикрыв рот, и отвернулась.

— Я мог бы поклясться, что это ты. Но нет, ты прав. У Майка была гигантская татуировка черепа на предплечье. А у тебя?

Я поднял рукав, чтобы показать, что нет ничего, кроме мышечной мускулатуры, которую я медленно возвращал. Мои утренние пробежки приносят свои плоды.

— Определенно, не Майк, — медленно произнесла она. Девушка окинула меня взглядом в одобрительной манере. — Итак, Август? Это хорошее имя.

— Спасибо, а твое будет?

— Магнolia, — ответила она, пожав плечами, и добавила. — Моя мать была флористом.

Мне понравилось, как она прикрыла рот, когда смеялась, как будто была смущена и озадачена. Это был своего рода мило.

— Красивое имя для красивой девушки.

Ее напиток прибыл, и мы провели следующие несколько минут, узнавая друг друга. Она работала в этом районе и любила иногда приходить сюда в счастливые часы. Ее коллеги уже забили на нее, что объясняло ее одинокое состояние. Моя часть разговора была немного неловкой.

— Я на пенсии, — объяснил я.

— На пенсии? Сколько тебе лет? — ее глаза расширились.

— Тридцать один, — ответил я с ухмылкой.

— Как можно выйти на пенсию в тридцать один? Потому что я действительно хочу сделать это.

Я усмехнулся, пытаясь оценить, как это объясню. Я не стыдился своей ситуации, но не хотел рассказывать никому.

— Я был действительно хорош в своей работе. Настолько хорошо, что сделал достаточно, чтобы уйти на пенсию — намного раньше, чем ожидалось. Так я и сделал, и теперь я просто решаю, что делать дальше.

Девушка положила руку под подбородок и посмотрела на меня с удивлением.

— Bay, это удивительно.

— Вообще-то это даже скучно, — признался я. — Но думаю, я нашел кое-что, что мне действительно нравится.

— В самом деле? Что? — ее энтузиазм был подлинным, и было здорово быть интересным по обычной причине.

— Фотография. Раньше я делал много фоток, когда был моложе, и вроде как выпал из этого, но теперь у меня есть время, чтобы вернуться. Я люблю это.

— Это замечательно. Действительно здорово, — она улыбнулась, и крошечные морщинки образовались в уголках глаз. — Редко можно найти что-то, чем будешь по-настоящему увлечен.

— Согласен, — мои глаза встретились с ее. — Эй, ты хочешь пообедать, пока мы здесь? — спросил я, понимая, что не хочу, чтобы наш разговор закончился.

Ее лицо снова засветилось, и я почувствовал, как снова ее рука коснулась моей.

— Да, с удовольствием.

— И я тоже.

И хотя это было не так просто, как дыхание, я сделал первый шаг и получил стол на двоих, потому что мне нужно было двигаться дальше. Мне нужен был новый путь, в котором не было медных рыжеволосых и маленького тесного дома.

Мне нужна новая жизнь.

***

Хейт, или район Хейт-Эшбери в Сан-Франциско, было похож на калейдоскоп. Каждый жизненный путь казался инкапсулированным (прим.: инкапсуированный — содержит в себе еще что то) примерно на двестиakov пространства, от широко раскрытых глаз туристов, желающих забрать домой своеобразное сокровище для пожилого битника (прим.: термин «битники» был предложен в 1958 году журналистом «Сан-Франциско кроникл» Гербом Кэином и базировался на сложившихся в американском обществе представлениях о типичном для середины XX века социальном пласте молодежи,

характеризовавшемся асоциальным поведением и неприятием традиционных культурных ценностей нации), который каждый день проводил здесь свою жизнь, играя ту же песню, никогда не сожалея ни о чем.

Все изменилось после сумасшедших дней 60-х с приходом новых поколений и направлений, но атмосфера была по-прежнему в основном та же – необычное было прекрасным, и креативность была прославлена.

Неудивительно, что именно это место выбрал Брик для нашей следующей встречи. Как только я заметил, что он сидит в маленьком кафе, прижимая свою чашечку кофе к губам, одетый в сумасшедшую цветущую рубашку и хаки-шорты, я видел, как по-домашнему он здесь смотрелся.

— Мы когда-нибудь снова встретиться в вашем офисе? — спросил я, заняв свободное место напротив него.

— Ты не много говорил там, — он пожал плечами, делая еще один глоток кофе. — И, кроме того, кофе здесь лучше.

Напоминание о кофе заставило меня подумать о Эверли.

«Она работала этим утром? Была за стойкой, общалась с клиентами и делала чашки кофе такие, какую держал Брик?»

«Будет ли она приветствовать меня таким же образом, или встретит меня холодно?»

Я позволил этой мысли развиться и заказал эспрессо и черничный кекс, так как я не завтракал. Сидя в уютном кресле, я позволил себе минуту, чтобы насладиться теплым солнцем и прохладным калифорнийским ветерком, прежде чем погрузиться в разговор.

Люди толпились на улице перед нами, и многие из них были на пути на поздний завтрак или в надежде на утренние покупки. Сейчас было начало субботы, и вскоре это место будет полно туристов.

Вернувшись к Брику, я спросил:

— Так, когда ты отправишь мне следующий счет?

Я начал замечать, что теперь я более устойчив с финансами, что бы он прислал мне счет за месяц.

— Я еще не решил, — ответил он с легкой усмешкой.

Я покачал головой в недоумении.

— Что-нибудь на счет выбора нового места встречи, или, возможно, того факта, что ты ушел со своего пути, чтобы связаться с Эверли от моего имени?

Он прищурил глаза

— Нет – ответ на первую часть вопроса – мне очень нравится здесь кофе, и я нахожу, что ты открываешься больше за пределами офиса. Я буду делать это независимо от... других вещей. В отношении второго вопроса, ну... это была не адекватно, даже для такого ненормального, как я. Я вел себя скорее как друг, чем психолог или терапевт, которым являюсь, поэтому перестал брать за это деньги.

— Итак, думаю, если мы прояснили этот момент, я уже не смогу подать на тебя в суд? Брик усмехнулся, качая головой на мой комментарий.

— Нет, но я буду всегда рядом в качестве друга, чтобы снова вернуть все на круги своя.

— И если всё закончится хорошо?

— Я отправлю счет по почте, — пошутил он с усмешкой.

— Так много для дружбы, — я закатила глаза. Мой кофе и маффины были доставлены в тот момент, и я почувствовал себя голодным. Брик был прав: кофе и маффины не так уж и плохи.

— Твоя Эверли делает хорошую чашку кофе, — сказал Брик, когда я съел последний маффин

— Она не моя, — пробормотал я.

— Извини, ты знаешь, что я имею в виду. Она сделала мне чашечку или две в тот день, когда я навестил ее. Действительно приятно, очень мило.

— И для всех остальных, — ответил я.

— Все-таки делаю тебе больно?

Мое молчание было достаточным ответом для него.

— Ей просто нужно время, Август.

— Время для чего? — выпалил я. — Пора понять, что я не тот парень, потому что я не такой. Я снова и снова ей показывал это, но независимо от того, что делаю, я всегда буду выглядеть так же, как он, и это то, что я не могу изменить.

— Время, — просто повторил он.

«Время». Такое смешное слово для меня. Это было то, что я потерял, — так много воспоминаний и годы прошли в один момент. И все же, здесь я был ни с чем, но время растянулось передо мной, чтобы делать все, что я выбрал.

Казалось, что вся моя жизнь сводилась к одному этому слову.

«Но за что я держусь? Что принесет мне время в конце всего этого с Эверли? Она никогда не будет моей... и почему я хочу, чтобы она была? Почему я чувствую такую тягу к этой женщине, которую не помню?»

Смотря на проходящих мимо людей, я видел, как они исчезают в маленьких бутиках и модных магазинах. Мужчины покупали своим подругам и женам крошечные безделушки, ожерелья или симпатичный шарф, чтобы помнить особенный день. Если бы я бродил в одном из этих магазинов, в первую очередь я бы не знал о Эверли — что взять для нее и что ей может понравиться.

И еще, каждый раз, когда она была в комнате, я должен был быть рядом с ней.

Почему?

«Это были чувства, оставшиеся от прошлой жизни, или я действительно любил эту женщины?»

«Наверное, я никогда не узнаю».

— Ты видел Магнолию с тех пор, как я последний раз разговаривал с тобой? — спросил Брик, отвлекая мое внимание от оживленной улицы.

— Свидание номер три сегодня, — ответил я.

— Так что, дела идут хорошо?

Я кивнул.

— Она красивая. Приятно разговаривает. Что может не нравиться?

— Ты спал с ней? — спросил он неожиданно.

— Иисус, Брик, — я поперхнулся своим кофе. — Мог бы предупредить. Нет, она следует правилу пяти свиданий.

— И ты думаешь, что удержишься до счастливой даты номер пять?

Я пожал плечами.

— Да, почему бы и нет?

— Просто любопытно. Вот и все.

И теперь мне тоже.

«Какой туз прятал старый добрый мозгоправ в своем рукаве?»

Глава 19

Эверли

— За Сару и её невероятную, головокружительную и нелёгкую карьеру балерины! — прокричала я, поднимая бокал вина под одобрительные восклицания остальных двоих за нашу невероятно успешную подругу.

Мы давно не виделись, но всё-таки смогли собраться и устроить праздничный ужин в честь Сары. Задержка была не по нашей вине, дело было в основном в бешеном расписании Сары. Но мы всё же смогли договориться, и вот мы здесь.

Двое самых дорогих людей на свете, парочка бутылок вина и стол, ломившийся от домашней еды.

Это было сказочно.

— Это было ужасно, — засмеялась Сара, прикрывая рот изящной рукой, — нам нужно поработать с твоим представлением о балете.

Я потрясла головой, делая большой глоток Мерло.

— Нет, со мной всё в порядке. И, спасибо, конечно, но этот тост был великолепным! От самого сердца!

Мы расхохотались, принимаясь за обед. Я действительно постаралась в этот раз, готовя любимые блюда Сары, даже зная, что она их все лишь попробует.

Если вообще попробует.

Может она больше и не булимик (*Прим. Нéрвная булимíя – расстройство приёма пищи, для которого характерны повторные приступы переедания и чрезмерная озабоченность контролированием массы тела, что приводит человека к принятию крайних мер, призванных уменьшить влияние съеденного на массу тела*), но она всегда была и остаётся балериной. Вес крайне важен для её карьеры, и она относится к этому очень серьёзно. Жирные продукты – враг номер один, за исключением особенных случаев, и я знала, что завтрашний день она проведёт в зале или балетном классе, сгоняя наеденные калории. Тот факт, что подруга пила сегодня, означал, что этот случай особенный. Обычно она брала диетическую колу, чёрный кофе или воду. В этом была вся её жизнь, и Сара отдавалась ей на все сто процентов.

— Эв, ты меня убиваешь, — сказала она, рассматривая заставленный едой стол.

— Нет, если бы я пыталась, то испекла бы шоколадный чизкейк, — ухмыльнулась я.

— Ты не могла! — пригрозила Сара, вскакивая из-за стола к холодильнику, где я спрятала лакомство. — Ты злобная стерва! — услышала я её бормотание из холодильника.

Девушка появилась из-за дверцы, облизывая палец, и я почти увидела, как она мысленно закатила глаза.

Райан фыркнул.

— Думаю, на следующее шоу ей понадобится дублёр.

— Нет уж, — ответила она, возвращаясь к столу, чтобы налить ещё вина. — Эта чокнутая метит на моё место с самой первой репетиции. Я скорее хромой выйду на сцену, чем позволю ей эту радость.

Райан и я удивлённо переглянулись.

«Ого, танцевальная драма. Кто бы мог подумать?»

— Что ж, это... звучит пугающе. Что-нибудь ещё на работе, милая? — спросила я, пытаясь снять градус напряжения.

— Я познакомилась с парнем, — Сара скривила гримасу, счастливую глуповатую гримасу, которую я не видела так давно. С тех пор как она встречалась с моим временным коллегой, который оказался женатым. Всё закончилось плохо.

Это объясняло, почему он не виделся с ней вне работы. Я всегда думала, что это странно и немного нелепо. Остальные в кофейне никогда не знали, что могли увидеть в кладовой с припасами. Она думала, что он просто боялся обязательств, оказалось, что она была недалека от истины.

— И кто он? Я должна знать всё! — сказала я, требуя подробностей, которые причитались мне, как лучшей подруге.

— На самом деле я пока не хочу ничего рассказывать, — объяснила девушка. — Для меня это всё в новинку и не так, как раньше, и... я не хочу сглазить.

— То есть ты просто говоришь, что в твоей жизни появился парень, из-за которого ты стала такой сентиментальной и загадочной и... что? Ничего? Как так?

— Да ладно, Эв, ослабь хватку. Она вернётся к этому, когда будет готова.

— Обязательно, — согласилась Сара, поворачиваясь к Райану. — Я просто хочу, чтобы всё было по-настоящему, когда расскажу.

«Когда они так спелись?»

— Окей, допустим, — смирилась я, ковыряясь в ризотто на своей переполненной тарелке.

— Кроме того, я хочу поговорить о тебе, — продолжила она. — Из-за плотного графика выступлений я была слишком занята, и мне кажется, что у нас не было времени поговорить обо всём, что с тобой происходит.

Я подняла на неё взгляд, не зная, что ответить. То время, что я провела с Августом, казалось мне слишком личной темой. Мы оживляли наше прошлое. Я делилась с ним той

частичкой себя, которую успела похоронить. И мне не хотелось обсуждать это с лучшей подругой и женихом за обедом и бокальчиком вина.

— Я, правда, не знаю, что сказать, — неуклюже ответила я, делая глоток из бокала.

— Знаю, должно быть, это тяжело — проводить время с ним. Зачем ты продолжаешь это делать? — довольно резко спросила она.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но не смогла подобрать слов.

Я действительно не осознавала, почему делаю это, просто принимала это как факт. Я ощущала, что что-то тянет меня к нему, связывает нас вместе, и пока я не пойму, как оборвать эту связь, я не остановлюсь. И мне до странного хотелось защитить это стремление. Почему я вообще должна оправдываться?

— Дорогая, — Сара через стол взяла мою руку. Я посмотрела на неё, встретившись с тёплым взглядом. Райан затих, наблюдая за разговором. — Ты же знаешь, что не обязана делать это — вообще что угодно. Просто отойди. Вернись к нам и забудь всю эту чепуху.

Я моргнула, ещё раз, ощущая себя втянутой в отрепетированное выступление. Они оба смотрели на меня грустными широко раскрытыми глазами, что, очевидно, должно было меня утешить, но в действительности совсем не работало.

— Никто меня ни к чему не принуждает, — ответила я, выдёргивая свою руку из её.

— Мы знаем. Просто мы беспокоимся, что ты придаёшь слишком много значения тому, что говорит этот доктор Абрамс, что для тебя это якобы единственный способ жить дальше. Мне кажется, что тебе просто нужно время, чтобы приспособиться к новому. И это не обязательно должно включать в себя Августа.

Всё, о чём она говорила, потеряло значение после первого же слова.

— Мы? — переспросила я, сжимая зубы. — С каких пор вы оба стали «мы»?

Она кинула неуверенный взгляд через стол на Райана.

— Райан беспокоился о тебе, — объяснила она, пока Райан тихо сидел рядом со мной.

— Мы оба беспокоились.

— И вы просто решили обсудить меня за моей спиной?

Поражённая, Сара широко раскрыла глаза.

— Дорогая... я... ты не так поняла. Мы просто тревожились.

— Так тревожились, что не подумали пригласить меня к вашим беседам? — я почти вскочила с места, аппетит пропал. Жажда побега росла с каждой минутой, пока комната наполнялась высасывающим воздух вакуумом. Я не могла больше переносить мысль о том, как они обсуждают меня, словно беспомощного ребёнка.

Я не была беспомощной.

Я не была беззащитной.

И я больше не собиралась оставаться здесь ни секунды.

— Мне нужно подышать, — выдавила я, хватая ключи и отталкиваясь от стола.

— Эверли, пожалуйста, — сказал Райан, трогая меня за плечо, пока я направлялась к выходу.

— Неужели теперь ты заговорил? — процидила я, подходя к двери. И прежде чем услышала хоть слово, изо всех сил захлопнула ею. Они не последовали за мной. Они знали мою схему. Я всегда убегаю, всегда спасаюсь бегством.

И я вернусь, всегда возвращалась.

***

«Мне не следует быть здесь».

«Мне не следует быть здесь».

Я проехала через весь город, позволяя моим мыслям бродить вокруг да около, пока я пыталась остудить темперамент, но ничего не помогло, и по чуть-чуть, миля за милем, я всё ближе подъезжала к тёмной синеве моря.

Пока не обнаружила себя у скал, направляясь в последнее место в мире, где мне следовало быть.

«Почему, когда я чувствую себя такой одинокой, я обращаюсь к тому, кому доверяю меньше всего?»

Я выключила двигатель, приглушила фары и, погружённая в темноту, раздумывала над своим следующим действием.

Если бы я была умнее, то завела бы машину, выехала обратно на улицу и направилась в сторону дома.

Но сегодня, обнаружив, как мой жених и моя лучшая подруга сплотились против меня, словно против незрелого бунтаря, я меньше всего была расположена к рациональному мышлению и балансировала на грани риска. Возможно, поэтому я сейчас сидела на подъезде к дому Августа... размышляя, стоит ли мне вообще вылезать из машины.

Решение пришло само в виде лёгкого стука в окно, от которого я едва не выпрыгнула из кожи. Повернувшись, я увидела Августа, который наклонился ко мне, засунув руки в карманы. Он немного отступил назад, ожидая от меня реакции.

Я нажала кнопку, чтобы опустить стекло, прежде чем осознала, что уже вытащила ключи из зажигания. Глубоко вдохнув, я толкнула дверь и вылезла из машины, пытаясь подготовиться к последствиям своего спонтанного решения приехать сюда.

— Привет, — нерешительно начала я, избегая его прямого взгляда. Вместо этого я старательно изучала подъездную дорогу и вычурную кирпичную кладку у себя под ногами.

— Привет, — ответил Август, передразнивая меня.

Он не спросил, зачем я здесь, не требовал объяснений – просто стоял, терпеливо ожидая, когда я закончу сверлить камни глазами. Тогда я и заметила его ботинки. Они были симпатичными: более элегантные, чем те, что я видела на нём во время нашей экскурсии по городу – чёрные, блестящие, напоминающие о прежнем Августе – в противоположность шлёпанцам, которые я натянула, сбегая из дома. Скользя вверх взглядом, я поняла, что одет он соответственно, но не так, как раньше: костюмы за тысячу долларов и дизайнерские галстуки. Сегодня вечером он выглядел скромнее: элегантные брюки, обхватывающие подтянутую талию. Тёмно-зеленая рубашка идеально подходила к его глазам, и я с трудом смогла отвести от него взгляд.

— У тебя планы, — вырвалось у меня. — Мне так жаль, что я помешала.

Чувствуя себя до крайности смущённой, я развернулась и едва не врезалась в дверцу машины. Он молниеносно схватил меня, удерживая за талию, и тут же отступил назад. Его рука коснулась меня лишь на мгновение, но я всё ещё чувствовала её жар, опаляющий полоску обнажённой кожи между джинсами и футболкой.

— Эверли, стой. Пожалуйста, — попросил он. — Почему ты приехала?

Я развернулась и, стоя перед ним, чувствовала, как трясутся мои руки.

— Я не знаю, — честно ответила я.

Его глаза округлились, стоило ему присмотреться ко мне.

— Пойдем. Почему бы тебе не зайти на минутку? Может ты могла бы сделать нам кофе? — предложил он.

Я кивнула, но потом всё-таки не удержалась.

— А что насчёт твоих планов? — я взглянула на зажатые в его руках ключи, которые он сразу же засунул в карман.

— Не волнуйся из-за них. Ничего важного.

— Ладно, — смягчилась я.

Я проследовала за ним до двери, на которой всё ещё висел медный дверной молоток с нашими инициалами. Я постаралась заглушить чувство вины, проходя внутрь, но оно всё равно жгло меня изнутри.

«Я не делаю ничего плохого. Это всего лишь одна из наших встреч».

«Спонтанная встреча с Августом, и ничего больше».

Сегодня, я стала великим мастером самообмана.

— Может, ты начнёшь с кофе, а я сделаю один звонок? — предложил он, стягивая лёгкий пиджак. Я стояла и смотрела, как он вытаскивает заправленную в брюки рубашку, пока не осознала, что пялюсь, и поспешила на кухню.

Ничего не изменилось с моего последнего визита, и это заставило меня улыбнуться. Кухня всегда была моей территорией, и было приятно вновь оказаться здесь, не думая ни о чём. Пока варился кофе, я достала пару кружек. Я даже не пыталась прислушиваться к разговору Августа. Очевидно, ему нужно было уединиться, раз он ушёл в другую комнату; и если он разговаривал с другой женщиной – а так, я подозреваю, и было – не уверена, что хотела бы это слышать.

Мысль о том, что возможно из-за меня сорвалось свидание, осела в моей голове тяжёлым грузом.

Предполагалось, что я должна помочь ему двигаться дальше... а не тащить назад. И мне с головой хватает чувства вины, когда речь заходит об этом мужчине.

— Уже готово? — спросил он, появившись на пороге просторной кухни, сразу же включаясь в хозяйственную роль. Эта кухня могла бы быть размером хоть с футбольное поле, но всё равно в тот момент была недостаточно большой. Его присутствие всегда казалось мне больше самой жизни, и это оставалось прежним, не важно, шла ли речь о настоящем или прошлом. Он мог поменять свой стиль, причёску и даже телосложение, но его настойчивое присутствие оставалось прежним. Это всегда действовало на меня. Поражало. Захватывало чувства.

— Почти, — ответила я, выбивая пальцами ритм по холодной поверхности мраморной столешницы. Готовый кофе клубился паром и булькал, пока я не разлила его до последней капли. Я быстро повернулась, чтобы взять сахар и молоко, и развернулась обратно, чтобы закончить приготовление.

И только сейчас я осознала, что понятия не имею, какой кофе он сейчас пьёт.

Взглянув на него, я открыла было рот, чтобы спросить, но Август улыбнулся.

— Просто чёрный, — сказал он.

Я лишь кивнула, резко шагнув к холодильнику, чтобы поставить молоко обратно. Я схватила всё, не думая, уже готовая кинуть две ложки сахара и молоко в его чашку, как я делала прежде.

«Как быстро я вернулась к привычной рутине».

— Раньше я пил другой кофе? — заговорил парень.

— Да, — ответила я, — но это и неплохо. Теперь ты такой же пуррист (*прим.: человек, требовательный к сохранению изначальной чистоты, каноничности*), как я, — я подарила ему намёк на улыбку. Его глаза сосредоточились на моих губах, отмечая малейшее изменение в выражении лица. Я быстро стёрла её, замаскировав покашливанием, и прикрывая рот рукой.

«Трусиха».

Не знаю, почему продолжаю относиться к нему так ужасно. За то время, что мы провели вместе, я наконец-то осознала разницу. Возможно, у него то же лицо, та же одежда и причёска, но при прочих внешних атрибутах сам Август совершенно изменился.

К лучшему.

И всё же, я никак не могу перестать давить на него из-за того, кем он был прежде.

Может быть, это были остатки прошлых обид в наших отношениях, забытых чувств, вылезающих через психику. Или, может я боялась привязаться к нему, а потом в один прекрасный день обнаружить, что тот, с кем я сблизилась, снова исчез, потому что к нему вернулась память.

«Отличные вопросы, которыми стоит поделиться с Табитой... если духу хватит».

Признаться в таком себе самой – это одно дело. Но сказать это вслух кому-то ещё – слишком поспешно, словно одни эти мысли делают Августа важной частью моей жизни, а не являются лишь рассуждениями о возможных вариантах в моём запутавшемся разуме.

Поднимая чашку с дымящимся кофе, я посмотрела на него, натолкнувшись на ответный взгляд.

— Может, ты хочешь пройти в гостиную? — предложил он.

Я кивнула и последовала за ним в большую уютную комнату. Я оформила эту комнату для удобства, променяв идею профессионального дизайнера о минимализме на непринуждённую обстановку. Она предложила глянцевую кожу и строгие линии. А мне представлялись лишь ноги, не влезающие на диван, и круглогодичная боль в спине. Я предложила ей попробовать ещё раз, а когда она пришла в следующий раз, явно раздражённая, она представила гораздо менее формальную идею с мягкой замшой и множеством местечек, где можно пристроить ноги и расслабиться.

Усаживаясь в своё любимое место – огромное кресло, в которое я влезала целиком – я гадала, нравилась ли комната Августу так же, как она нравилась нам раньше. До того, как работа превратилась в его жизнь, и у меня ещё был он, для нас обоих здесь было сердце этого дома. Настольные игры, кино-вечера, а так же алкогольный кутёж. И если спальня всегда ощущалась бьющимся сердцем, то гостиная была нашим маленьким кусочком рая в центре дома. Невероятные виды Тихого океана, соперничающие с видом из главной спальни, позволяли наблюдать закат над водой, прислушиваясь к бьющимся внизу волнам.

Но даже этот вид мог превратиться в тюрьму, если тебе не позволено выходить.

— Она расстроилась? — наконец спросила я, решаясь разрешить сомнения между желанием и нежеланием знать его планы на вечер.

— Что... — начал он, поднимая на меня взгляд. Мои брови приподнялись в удивлении, а губы изогнулись в усмешке.

— Нет, не особо, — признался он, — я же сказал, что ничего особенного.

Осмотриваясь, я пыталась представить его здесь с кем-то другим. В месте, что принадлежало нам. Здесь мы планировали вырастить своих детей, здесь он и будет их воспитывать. Без меня.

— Это глупо, — выпалила я, — мне не стоило приходить. Ты собирался на свидание, а я всё испортила. Всё должно быть иначе, — мои слова были как осколки шрапнели, вылетая быстрее, чем я могла их осмыслить, а сама я стояла, уже готовая к бегству.

— Когда между нами всё пошло не так? Ты можешь это объяснить? — неожиданно спросил он, я тут же прекратила попытки сбежать. Я обернулась к нему, Август всё так же сидел на диване, держа полупустую чашку кофе, что я сделала для него. А он смотрел с уязвимостью во взгляде.

— Зачем тебе это?

— Ты знаешь зачем, — ответил он. — Ненавижу тайны.

— Что ж, — ответила я, снова усаживаясь на место, пока утихал адреналин от моей попытки убежать. Я взяла в руки тёплую кружку и поднесла её к губам, прячась за ней, вдыхая аромат, собираясь с мыслями.

— Не было какого-то конкретного момента... или дня. Как и у других, всё происходило постепенно. Вот только у нас всё было ненормально, во всех смыслах.

— Почему ты так думаешь? То есть, почему ты думаешь, что я сильно изменился? — спросил Август с искренним интересом.

— Ты нашёл то, что любишь ещё больше — деньги.

— Неужели так всё просто? Я, правда, был таким типом? — он поставил кружку с кофе и откинулся на диване, пока я изучала его лицо. Я не могла сказать, что он расстроен или смущён, может, немного огорчён.

— Нет, по крайней мере, не сразу. Когда мы впервые встретились, ты готов был въехать в мою халупу, лишь бы быть рядом. Но мы решили снять дом, и хотя это было больше любого места, где мы жили прежде, но это всё ещё был Сан-Франциско, что означало, что мы платим вдвое больше за возможность жить в том, что лишь называлось домом, а на самом деле было чем-то вроде обувной коробки, зато с цветочными горшками и балконом.

— И почему мы переехали? Как я дошёл от довольства обувной коробкой к нужде во всём этом? — спросил он, обводя руками комнату.

— Ты поднялся, а с деньгами поднялся ещё выше. Полагаю, сначала тобой управляло желание дать мне всё, чего у меня прежде не было, может и дальше ты руководствовался

каким-то искажённым подобием этого желания – я не знаю. Но спустя некоторое время, важным стало то, какими видят нас, а не то, что мы значим друг для друга.

— Это какая-то бессмыслица, — мягко сказал парень.

— Я тоже так думаю, но что было, то было.

— Но почему мои чувства к тебе все ещё так сильны? — спросил он, захлопнув рот, как только осознал, что сказал. — Прости. Мне не следовало этого говорить.

Между нами повисло молчание, и хотя я знала, что мне стоит уйти, я не уходила. Я не могла пошевелить и мускулом, да и не хотела...

— Тебе нравятся украшения? — совершенно неожиданно спросил он.

— Что?

Он усмехнулся чему-то своему, вокруг его каре-зелёных глаз разбежались мелкие морщинки.

— Извини, знаю, это немного не в тему. Просто ответь. Если бы ты оказалась в одном из этих маленьких магазинчиков вроде тех, что в Хайт, бродила по ним, что бы ты купила? Ожерелье, шарф... или может...

— Кофейную кружку, — выпалила я.

— Кружку типа «Я люблю Сан-Франциско»? — засмеялся Август.

— Да! Не знаю, может быть. Не смейся. Это всё твой дурацкий вопрос. Просто я их собираю. Если оказываюсь в каком-то особенном месте, всегда стараюсь найти кофейную кружку, которой бы стала пользоваться, чтобы она напоминала мне о каком-то особенном дне или месте.

Август посмотрел на меня, словно не решаясь о чём-то спросить, как будто передумал в последний момент, пока по его лицу не расползлась широкая ухмылка.

— Ну ладно, тогда магнит.

— А ты? Что бы ты купил? — спросила я, возвращая ему его нелепый вопрос.

— Хм. Возможно, ничего. Я бы лучше сделал снимки. В этом больше смысла, чем во всём, что я мог бы купить. Кроме того, это дешевле, — ответил он и подмигнул.

Можно подумать, ему нужно беспокоиться о средствах.

— Тебе действительно понравилось фотографировать, да? — заметила я, поставив пустую кружку на столик между нами.

— Ну, это что-то новое для меня, но да, мне это нравится. Всё началось с того, что я просто пытался чем-то занять своё время, но когда я очнулся, это была первая вещь, которую мне захотелось сделать. Можно я кое-что покажу тебе?

Я огляделась, колеблясь, но потом кивнула. Встав, я пошла за ним через холл. Моё сердце пустилось вскачь, когда мы подошли к дальнему углу дома, и его рука замерла на

ручке двери его прежнего кабинета. Несколько лет я не была здесь, виня эти четыре стены в том, что они встали между нами. Столько ссор начиналось здесь.

Столько раз я проигрывала, сдаваясь перед его силой, не решаясь постоять за себя. Не решаясь забыть про всё и уйти.

Август всегда подчинял меня себе своей особенной хваткой, и очевиднее всего это было здесь, где он стоял за своим внушительным столом, словно король, обозревающий своё королевство.

Я сцепила руки, а по лбу скатилась капля пота. «*Я не сбегу*».

Страх слишком долго управлял моей жизнью. Пришла пора встретить моих демонов лицом к лицу.

Сделав первый шаг за Августом, было сложно не заметить, как много он здесь изменил. Немногочисленные окна были укрыты тёмными шторами, и то, что раньше наполняло комнату надменного бизнесмена, было вытеснено, чтобы освободить место для фотооборудования и передвижных столов.

Темная ткань и различные химикаты покрывали даже бесценный стол Августа, который он когда-то так любил.

А теперь всё забыто.

Вытеснено.

— Ты превратил её в тёмную комнату, — проговорила я с чувством священного ужаса, оглядывая обстановку, которую он собрал в такие короткие сроки.

— Ну, я только начал, — ответил он, — это займёт какое-то время, но я уже смог распечатать несколько плёнок. Хочешь посмотреть?

— Да, — я слегка улыбнулась, даже не пытаясь спрятать свой восторг. Страх перед этой комнатой испарялся с каждой секундой, как лечебный бальзам, исцеляющий навязчивые воспоминания, пока Август провёл меня в другую часть комнаты, чтобы показать свои снимки.

Каждое фото было лучше предыдущего, я узнала некоторые, они были сделаны во время наших похождений по Сан-Франциско. На некоторых были случайная обнимающаяся парочка, гуляющая с детьми — мимолётные мгновения, запечатлённые на бумаге. Другие были более неопределённые: здание, снятое под случайным углом, или тень дерева, падающая на тротуар.

Там было даже несколько моих.

Он пытался спрятать их, но я увидела свой собственный взгляд, направленный на меня.

Если бы я только знала, что пыталась тогда сказать.

Глава 20

Август

Я не хотел брать ее сюда.

Слова только что вылетели из моего рта, и вот мы стоим в моем священном месте, пробравшись сквозь дюжину черных и белых гравюр, которые я выставил на прошлой неделе.

Если бы знал, что она будет здесь, я бы прибрался.

Организованный.

Планируемый.

Черт, я бы как минимум убрал ее фотографии. Те, что нашел у себя, когда дни стали длинные, а ночи такими одинокими, и я больше не мог выносить тишину. Я знал, что темные комнаты были в прошлом – цифровые фотоаппараты уже захватили весь мир – но было что-то чарующее в том, чтобы стоять в почти полной темноте, работая руками, медленно претворять в жизнь, а не быть человеком, сидящим за экраном компьютера.

Каждая фотография вернула мне немного жизни. Возможно, это была не моя жизнь, но это было что-то. И я наблюдал, что все это выглядит, как магия в тех технологических лотках. Как крошечные проблески надежды – возможно, однажды, у меня была бы жизнь, которую нужно фотографировать.

Мои глаза повернулись к небольшой доске объявлений, которую я выставил на стену для показа, и остановились на единственном фото, которое я приколол там. Два улыбающихся лица на траве, смотрят в камеру с надеждой на счастье в будущем.

Возможно, когда-нибудь, я снова вернусь к камере и найду кого-то достойного.

— Зачем тебе это?

Голос Эверли прозвучал в темноте, а я увидел, как силуэт ее руки тянется к доске объявлений. В тусклом красном свете, я увидел ее палец на фото, ее глаза омрачились, а выражение ее лица закрылось, когда она убрала его с места на стене.

— Потому что ты улыбаешься, — ответил я честно. У меня было чувство, что слишком много лжи было сказано в стенах этого большого дома. Я не хотел добавить к ним еще.

«Не сейчас, не когда-нибудь еще, надеюсь».

— Почему это так важно для тебя? — спросила она. Я сделал шаг вперед, чтобы взглянуть через ее плечо. Я наблюдал за ней напряженно, когда она почувствовала мое близкое присутствие, но девушка не двигалась.

— Почему для тебя так важно скрыть это от меня? — я выстрелил в ответ.

— Может быть, я потратила на тебя достаточно улыбок.

— Справедливо. Но это все еще то, что я стремлюсь увидеть, — ответил я мягко, снимая с фотографии ее пальцы и проводя по доске.

— Я думала, ты избавился от всех этих фотографий, — заговорила она, обернувшись, отряхнув рукав моей рубашки. — Те, где мы, я имею в виду, — пояснила она.

— Я сделал — или, по крайней мере, я думал, что это так, но обнаружил, что они лежат на полу спальни. Кажется, им удалось найти выход из коробки, в которую я их положил. Так или очень проницательный, супер-любопытный-экс-терапевт поместил его туда.

— Экс? — спросила она, едва ли удивившись.

— Он отказывается больше за меня поручаться — встречает меня в ресторанах и появляется у меня за дверью с пивом. Так что да, экс-терапевт, я думаю, — я пожал плечами, наблюдая, как она продолжает бродить по комнате. Слабое красное свечение смыло большую часть цвета, и обычно яркий медный тон ее волос превратился во что-то более темное.

Здесь нет полутонов. Нет среднего тона. Только красные и черные. Я не обрабатывал так, я мог перевернуть потолок и омыть нас в белом свете, но здесь, в этом пространстве, мне понравился контраст — отделение от нормальной жизни.

Однако, увидев Эверли здесь, я внезапно осознал, насколько эротична темная комната. Каждый изгиб ее тела был подчеркнут, усиливаясь отсутствием цвета и резким красным бликом. Ее губы казались полными, словно они просили, чтобы их коснулись и ласкали вместе с остальной частью ее тела.

Мне нужно выйти из комнаты.

— Ты покажешь мне, как это работает? — спросила она, поднимая взгляд от главного стола, который я поставил посередине, где были установлены перерабатывающие лотки и оборудование для увеличения.

— Правда? — спросил я, равная смесь страха и восторга побежала по моим венам.

— Да, я имею в виду... я действительно не хочу идти домой, и нам больше нечего делать.

— Конечно, — быстро ответил я, едва ли задержавшись с выбором.

«Я только что говорил себе бежать».

Я действительно ненавидел себя. Это или я действительно был мудаком, которым она считала меня.

Потому что, черт возьми, если я не думал о том, чтобы наклонить ее на каждой твердой поверхности и снова увидеть каждый дюйм этого соблазнительного тела, которое я,казалось, забыл.

— Как ее зовут? — голос Эверли выдернул меня обратно в реальность. Поймав конец вопроса, который едва услышал, я моргнул несколько раз, пытаясь выкинуть непристойные мысли из головы.

— Что ты сказала? — спросил я.

— Как ее зовут? — повторила она. — Твое свидание?

— О, эм... — мой разум искал ответ. — Магнолия, — наконец ответил я, занявшись тем, что собрал необходимое оборудование для развития. Девушка внимательно наблюдала за мной с другой стороны стола.

— Интересное имя, — это было все, что она сказала.

Маленькая ухмылка растянула мои губы.

— Ее мама раньше была флористом в Халф Мун Бэй. Она выросла на побережье, поэтому с нетерпением ждет встречи с домом.

— Уверена, что в детстве ее дом был не совсем таким, — прокомментировала она, проводя пальцами вдоль прохладного пластикового стола, когда ее глаза встретились с моими.

— Нет, но не все из нас могут быть связаны с одним из основателей СанГлобал.

Ее глаза широко распахнулись.

— Я думала, ты сказал, что ее мама была флористом! Не наследницей миллиардной компании!

— Я сказал, что она «была». Я не сказал, что сделал ее папа, — засмеялся я.

Эверли запустила карандаш мне в голову, и мне удалось уклониться в нужный момент.

— Ну, тебе лучше прибраться, прежде чем она придет. Не хочу, чтобы место выглядело как свалка для принцессы.

«Это была ревность?»

«Не спеши с выводами. Это приводит только к проблемам, Август».

— Я сделаю все возможное. Итак, готова ли ты испачкаться? — спросил я, наблюдая, как ее глаза встречаются с моими.

— Что?

— Руки... ты готова испачкать руки? — уточнил я, явно не указав ключевое слово в моем предложении.

— Да, вперед, — ответила Эверли.

— Ладно, сначала нам нужно очистить негатив и загрузить его в держатель, — я вручил ей ватный тампон, который только что пропитал немного спиртом и негативом.

— Я просто протираю его там? — спросила она нерешительно.

— Да.

Сначала она сделала это осторожно, а затем быстрее, видя, что ничего плохого не происходит, завершая работу назад и вперед. Не задумываясь, я схватил ее за руку и начал перемещать ее назад и вперед, чтобы высушить негатив. Рука Эверли застыла, когда ее взгляд сосредоточился на мне, и я быстро отступил.

— Извини, просто немного встряхни его, пока он не высохнет. Хорошо, — сказал я, наблюдая за ее движениями. — Это должно быть хорошо.

— Сейчас мы ставим это...? — спросила девочка, озираясь, пока не обнаружила, что я вытащил носитель — большую черную рамку с ручками.

— Сдвинь его таким образом, — указал я, аккуратно положив негатив.

— Но разве это не будет вверх дном?

— Нет, это будет здорово, — пообещал я с теплой улыбкой.

И это было. Как только он был загружен и сфокусирован, я посмотрел на фотографию.

— Ого, это с заднего двора? — спросила Эверли.

— Да, я проехал вниз по пути сегодня и сделал некоторые действительно отличные снимки. Я напечатал несколько раньше. Это был мой следующий в комплекте.

Поскольку я уже сделал так много фотографий и играл с f-стопами и диафрагмой, то я уже знал приблизительно, как долго выставлять фотографию, поэтому пропустил шаг с тест-полосками и решил просто продолжить проявлять фотографию.

— Я ничего не вижу, — сказала девушка тихо, словно звук ее голоса мог нарушить этот процесс.

— Ах, вот где происходит волшебство, — объяснил я, протягивая ей щипцы для первого лотка. — Помести нашу фотографию сюда.

Она посмотрела вниз на поддоны.

— Так много шагов.

— Просто доверься мне.

Ее глаза встретились с моими, и Эверли заколебалась.

— Ладно.

Она медленно опустила белую бумагу в раствор и помешала.

— Перемещай его туда и обратно, — сказал я, сопротивляясь желанию снова прикоснуться к ней.

— Вот оно! — воскликнула она, когда сцена снова ожила под жидкостью.

— Теперь, следующий лоток, — сказал я, стоя так близко к ней, что ощущал жар от ее тела, связанного с моим. Эверли была настолько запутана в том, что делала. Я не думаю, что даже она заметила, насколько мы близки друг к другу.

Она прошла через процесс размещения фото в каждом лотке, стоя со мной тесно рядом, пока та не была установлена.

— Теперь мы используем это, — сказал я, взяв скребок со стола. Она взяла его из моей руки, очистив внешнюю часть моей ладони, когда ее достала. Каждое случайное прикосновение или мимолетное касание ее тела чувствовалось, будто в моей голове зажигается атомная бомба. Мое сердце помчалось, мой желудок сжался, и я боролся за каждую унцию контроля, чтобы не вернуть помощь.

«Она не моя».

«Она выбрала кого-то другого».

«Двигаемся дальше».

Но независимо от того, насколько я напоминал себе об этих простых фактах, я знал, что столько раз, сколько я целовал Магнолию в наши свидания, когда я подталкивал ее к двери ее роскошной квартиры, которую ей купил отец, я никогда не чувствовал унции того, что чувствовал только от прикосновения руки Эверли.

— Она прекрасна, — сказала девушка негромко, подняв законченную фотографию.

— Да, — ответил я, и мои глаза не дрогнули от настоящей красоты в комнате. Даже без намека на макияж, Эверли озаряла комнату. Огненные рыжие волосы, молочно-белая кожа и те прелестные голубые глаза, которые, казалось, погрузились прямо в мою душу.

Я бы отдал все, что у меня было, и много еще за время с ней. Одну секунду, когда она посмотрела на меня этими глазами, я почувствовала себя любимым.

— Что же теперь? — спросила она, отвлекая меня от моих далеких мыслей.

— Вот, — ответил я, указывая на область по всему офису, где я натянул проволоку и прищепки. Я слышал, как она слегка захихикала, когда приколола фотографию и отступила назад.

— Что смешного? — спросил я.

— Я только что вспомнила время, когда приходила сюда, у тебя был миллион костюмов, которые висели прямо здесь, в этом самом месте — для различных торжеств. А теперь у тебя тут прищепки и рыболовная проволока.

Я уставился на нее, пытаясь уловить ее настроение

— Хм-м, я уверена, что куча костюмов будет довольно грязной здесь сейчас.

Эверли задохнулась от смеха, скрывая свою великолепную улыбку от меня. Но, тем не менее, улыбку.

Я сделал это.

Сделал ее счастливой – на этот раз.

Даже на секунду.

***

После уборки в темной комнате я нашел ее в гостиной, смотрящую на темную воду, когда крошечные пятна света попадали на волны, которые вымывались на берег. Когда я вошел в комнату, девушка ничего не сказала, просто стояла там, спокойно наблюдая... ожидая.

— Мы поссорились, — Эверли, наконец, произнесла, после того как я проделал свой путь через большую комнату, чтобы встать рядом с ней. Я сопротивлялся искушению смотреть, чтобы впитать ее выражение. Так или иначе, я приобрел ее доверие в тот момент, и я знал, что это тяжелая ноша.

— Ему не нравится, когда я навещаю тебя. Он считает, что это плохо для наших отношений.

— Он может быть прав, — ответил я, поворачиваясь, чтобы встретить ее неуверенный взгляд.

— Ты когда-нибудь думал обо мне, когда меня нет рядом? — спросила она негромко, ее глаза округлились в сомнении.

Подойдя ближе, чтобы она почувствовала дыхание моих слов, когда они полились изо рта, я прошептал.

— Каждую секунду, Эверли. Каждую чертову секунду.

Небольшой вздох сорвался с ее губ, когда она отодвинулась от меня.

— Я должна идти, — сказала она. — Быть здесь – не очень хорошая идея.

Она уже отступала, ее эмоции... ее физические реакции все рушились, разбиваясь, пока девушка не помчалась к двери.

— Я сожалею, что побеспокоила тебя, Август, за то, что испортила ваш вечер. Это больше не повторится.

— Эверли, черт. Подожди.

Я схватил ее за руку, остановив ее продвижение. девушка посмотрела вниз на наши скрепленные руки, ее глаза расширились от шока.

— Не убегай, — настаивал я.

— Я не убегаю. Я иду домой, где живу. Я хочу пойти домой.

Я покачал головой, невесело усмехаясь.

— Иди домой. Но не говори мне, что часть тебя не хочет остаться. Не говори мне, что в глубине души, часть тебя не хочет, чтобы ты была здесь каждое утро, делала кофе на этой

кухне и помогала мне проявлять пленку в офисе. Сегодня, на секунду, ты видела это, не так ли? Какая жизнь может быть между нами?

Ее глаза потемнели и вдруг, она вывернула руку из моей.

— Нет, — ответила Эверли. — Есть только один человек, которого я вижу в своем будущем. И его имя не Август Кинкейд.

И затем она ушла.

И я опять остался один.

Захлопнув дверь, я отправился в гостиную и расхаживал, пытаясь прочистить голову.

«Почему? Почему я делаю это с собой?»

«Ничего бы не изменилось».

«Она не моя».

Взял в руки телефон, я сделал единственное возможное, чтобы облегчить боль в моем сердце и гнев, что чувствовал от своей глупости.

— Привет? — ответила Магнолия после второго гудка.

— Эй, это Август, — ответил я, стараясь звучать как можно более непринужденно.

— Не ожидала, что снова услышу тебя сегодня.

— Эй, мне жаль, что я всё отменил. У друга была чрезвычайная ситуация. Уже обо всем позаботились. Мне было интересно, сколько свиданий я мог бы вписать в один вечер, если бы мы начали... сейчас? — спросил я, и мой голос понижался с каждым словом.

Последовало молчание, прежде чем я услышал.

— Будь здесь через двадцать минут.

И затем связь оборвалась.

Эверли оставила свою пустую кружку на журнальном столике, я повернулся и направился к входной двери.

Она ясно показала свои намерения.

Пришло время покатать свои.

Глава 21

Эверли

Если бы я была верующей, то назвала бы то, чем занималась следующие несколько дней, раскаянием.

Но так как верующей я не была, то просто называла это «тонуть в чувстве вины». И я ощущала это в полной мере.

Вина за то, что поехала к скалам, рассердившись на Райана.

Вина за то, что осталась, за то, что делала и говорила.

Вина, вина, вина.

И я ненавидела это слово.

Райан по-прежнему не спрашивал меня о том, куда я уезжала после неудачной попытки вмешаться в мою жизнь. Одна часть меня думала, что он и так уже знает, а другая часть наслаждалась тихим блаженством неведения. И каким-то образом я стала той, кого презирала – той, что вынуждала меня пролистывать страницы книги или закатывать глаза при просмотре фильма только потому, что не могла справиться с мусором в собственной голове.

Я стала тем, кого терпеть не могла.

И теперь я заглаживала вину.

И начала я со свадебных планов, которые игнорировала последние несколько недель. Столько нужно было сделать, и, учитывая то, что наши с Сарой отношения пошли трещинами, единственной из оставшихся, кому это можно было поручить, была я.

Пролистав дюжины цветочных и десертных каталогов, я неожиданно поняла, как сильно скучаю по своей лучшей подруге. Мы должны были делать это вместе. Ну, точнее, предполагалось, что она выберет всё, что мне понравится, а я буду сидеть и валять дурака, складывая бумажных лебедей из страниц каталогов, которые она так мучительно подбирала.

Ей нравилось это, а мне не очень. Вот почему мы с Августом никогда не принимали вечеринки, и поэтому же я предпочитала проводить вечер дома, завернувшись в одеяло, а не в шумном клубе. Годами я жила в чужих домах, не имея своего. Для ребёнка одна из самых важных вещей в мире – иметь место, которое можно назвать домом. И у меня его не было, пока мы с Августом не переехали в тот крохотный однокомнатный домик в городе на красивой шумной улице. Впервые я могла назвать его своим: ни соседей, ни приёмных родителей, только Август, я и наш симпатичный маленький дом.

Стены, может, и изменились, но это чувство не исчезло. Я любила возвращаться домой.

И хотя мы с Райаном предпочитали скорее снимать жильё, чем владеть им, я изо всех сил старалась сделать его нашим. И провести время там всегда будет приятнее, чем зажигать в ночном клубе. Но наша свадьба будет другой, и мне пришлось это осознать. Это будет не званый обед или пафосная вечеринка. Это будет наш день, и ему следовало уделить внимание.

«*И почему я не могу сосредоточиться?*»

Я прилежно выполняла все уничижительные обязанности. После утренней смены я сверху донизу отдраивала дом, каждый вечер, когда он возвращался с работы, я готовила убийственный ужин, но когда дело доходило до планирования самого важного дня нашей жизни...

Я не могла выдержать даже пары минут.

Шоколад или ваниль... розы или лилии? Это было какое-то сумасшествие.

— Эв, я думаю, нам нужно поговорить, — прозвучал голос Райана, вошедшего в кухню. Я подняла глаза и увидела, что он стоит передо мной, неловко засунув руки в карманы, и разглядывает разбросанные по столу брошюры. Он ощутимо сморщился и развернулся.

— Конечно. В чём дело? — спросила я, разгребая стол, чтобы освободить для него место, но парень просто отвернулся и начал мерить шагами комнату, сцепив руки за головой.

— Мне следовало догадаться. Не стоит преследовать женщину и практически умолять её встречаться с тобой, — пробубнил он.

— О чём ты говоришь? — спросила я, начиная беспокоиться.

— Ты помнишь, сколько времени тебе понадобилось, чтобы сказать мне «да»? Ты помнишь, сколько кофейных заказов и дурацких стрелялок, сколько упоминаний о гигиене и моём совершенном водительском стаже спустя ты дала нам шанс?

— К чему это всё?

— Это не должно было быть так сложно, — ответил он. — Любовь не требует таких усилий. Она просто есть. И насколько просто для меня чувствовать её, настолько трудно мне наверняка сказать, что чувствуешь ты в ответ.

Сердце заколотилось у меня в груди, стоило мне вскочить на ноги.

— Райан, ты с ума сошёл? Я люблю тебя, только тебя. Я согласилась выйти за тебя замуж! — закричала я, показывая в качестве доказательства свою левую руку.

— Где ты была, Эв? Той ночью, когда мы поругались. Куда ты ездила?

Комната затопила тишина.

С губ Райана сорвался нервный смешок.

— Вот видишь, самое печальное, что я и так это знаю. В тот момент, когда ты ушла, я знал, где ты окажешься, к кому обратишься. Ты словно компас, а он — твой истинный север. Вплоть до последних нескольких месяцев, я считал, что это я.

— Это и есть ты, — крик прорвался вместе со льющимися по щекам слезами.

— Нет, Эверли, это не я. Я лишь заполнил пустоту на время. Но твоё сердце всегда было занято. И я этого не понимаю... и никогда не пойму, особенно, после того, что он сделал с тобой. Но даже так, ты никогда не расставалась с ним. И теперь тебе нужно дать этому второй шанс.

— Что ты такое говоришь? — закричала я, обхватив себя руками, словно защищаясь. Райан, наконец, остановился и повернулся ко мне.

— Я отступаю... и даю тебе передышку, чтобы ты смогла разобраться в том, чего действительно хочешь. Его или меня.

Я сделала шаг вперёд, но замерла, увидев, как он отшатнулся.

— Мне не нужна передышка! — закричала я. — Я хочу тебя!

— Нет, не хочешь, — мягко ответил Райан. — Ты не знаешь, чего хочешь, а до тех пор, пока не узнаешь, я не хочу быть запасным вариантом.

Парень встретился со мной глазами, и я увидела в них боль и утрату, сменившиеся решимостью, когда он кивнул и направился к двери. Во мне поднималась волна паники, и я сорвалась за ним.

— Пожалуйста, Райан, не надо. Не делай этого.

— Я делаю лишь то, что ты боишься сделать сама, — сказал он, останавливаясь у двери. Он повернулся ко мне лицом, и я увидела в его голубых глазах замершие слёзы.

— Я люблю тебя, и так я пытаюсь выразить тебе свою любовь, — прошептал Райан. Он прикоснулся к моей щеке и исчез за дверью, словно призрак, оставив меня утешаться лишь тишиной и слезами.

***

Когда на этот раз моя машина подъехала к кирпичной подъездной дороге, я точно знала, где нахожусь. И зачем приехала.

Не тратя ни секунды, я отключила двигатель и вышла из машины, движимая целью. У меня были припасены слова — целая речь — и я была готова натравить их на своего врага.

Вот кем был Август. Мой личный Враг Номер Один.

Он открыл дверь сразу, стоило мне заколотить по ней. Его счастливое и удивлённое выражение померкло, как только с моих губ сорвались первые слова.

— Ты разрушил мою жизнь. Снова! — закричала я, сопровождая слова тычком пальца по его груди. Его удивление сменилось растерянностью, когда он пропустил меня внутрь.

— Я не понимаю, Эверли. Что происходит?

Я выдавила смешок.

— Ты. Ты происходишь. С того момента, как ты очнулся, моя жизнь превратилась в хаос. Мало было того, как паршиво ты обращался со мной в течение нескольких лет, нет, теперь тебе понадобилось разрушить лучшее, что случилось со мной.

Парень выдвинул руки в защитном жесте, отступая в гостиную. Мой палец по-прежнему вдавливался в его грудь и то, как Август посмотрел на него, вызывало ощущение, словно я тычу в него заряженным оружием.

— Райан ушёл от меня! — выкрикнула я, заливаясь слезами.

Его глаза наполнились сочувствием. Сочувствием, которое я не просила и в котором не нуждалась.

— Нет! — закричала я, — не смей ничего говорить. Ты уже достаточно сделал!

Отступая из зоны поражения, его взгляд стал жёстким, а руки скрестились на груди.

— И что же конкретно я сделал?

Я сорвалась, вцепилась руками в волосы и отвернулась от него.

— Он думает, что я не люблю его. Он говорит, что мне нужно время.

— Для чего? — надавил он.

— Чтобы остаться с тобой.

— А ты с этим конечно не согласна? — медленно спросил он, когда я обернулась, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Слушай, я понимаю, что мой приход сюда с объявлением о разрыве с Райаном — это твоя мокрая фантазия, ставшая реальностью, но позволь кое-что объяснить: это временно. Мы с ним снова будем вместе.

Теперь на его лице проступило раздражение.

— Думаешь, мне нравится, что ты заявляешься в таком виде? Вся такая измотанная и поломанная из-за очередного прикурка. Думаешь, мне это нравится? Боже, Эверли, если я и представлял, что ты снова зайдешь в эту дверь, то уж точно не так.

— Ненавижу, — всхлипнула я, — ненавижу всё это. Зачем ты вообще очнулся, Август? Почему сейчас? Почему ты не мог подождать? Совсем немного. Мы были бы женаты... счастливы. Устроены.

Он потряс головой, сгоняя выражение полнейшего шока.

— Ты и правда думаешь, что это что-то изменило бы? Думаешь, нужный момент имел бы какое-то значение, Эверли? Что каким-то образом ваши брачные клятвы смогли всё изменить?

— Да!

— Нет, — перебил Август, — не могли бы. Единственная разница была бы в том, что развалился ваш брак, а не ваша помолвка.

— Мы снова будем вместе! — закричала я.

— Ради бога, — выдохнул он, — если бы это было так, то после его ухода, ты бы не явилась первым делом ко мне.

Я открыла было рот, но слова потеряли смысл, когда он шагнул ближе, нарушая мои личные границы. Меня окружил его запах, а ореховые глаза выдавали его намерения.

— Точно, — мягко сказал он, — ты и я, всегда одно и то же. Оба слишком напуганы, чтобы признать очевидную и жестокую правду: мы не можем двигаться дальше, потому что слишком зациклены на происходящем.

Прижимая меня к себе, он накрыл мои губы своими. Поцелуй был грубым и жестким. Мой изумлённый выдох лишь раззадорил его, и руки вокруг моей талии приподняли меня над полом. Чем больше я сопротивлялась, тем настойчивей он был. Мы боролись, пока я не обхватила его ногами и не вцепилась зубами в его губу.

Его вскрик от боли лишь разжёг бушующее внутри пламя, не давая мне остановиться, побуждая причинить ему боль за то, что я потеряла. Август грубо схватил меня за волосы, когда я толкнула нас на диван. Мы срывали с себя одежду в бездумной ярости. Я не понимала, что происходит, кроме того, что он этому причиной. Время словно утонуло в дымке, когда страсть и боль поглотили разум.

Он был причиной всего.

Это не было нежно. Ни тягучих поцелуев, ни слов мольбы, пока он доставал презерватив из бумажника и надевал его. Ни единой мысли о правильности происходящего не промелькнуло в моей голове, когда мы двигались друг против друга. Его потемневшие глаза на секунду встретились с моими, а потом он приподнял моё обнажённое тело и резко опустил на себя, окончательно превращая наш извращённый танец в нечто более глубокое.

Я вскрикнула от вторжения, но Август не дал мне времени привыкнуть, насаживая меня вверх и вниз снова и снова на свой стоящий член. Все замыслы и фантазии о возмездии отошли на задний план от движений наших тел. Я отдалась ему в эти минуты, отказываясь от всего ради коротких мгновений блаженства.

Я запрокинула голову, когда он опрокинул меня животом на диван, широко разводя мне ноги.

— Ох, чёрт! — вскрикнула я, когда он вошёл в меня сзади. Август ни на минуту не сбавлял свой безжалостный темп, входя неторопливо и жёстко. Я подалась назад, ощущая, как кости его таза грубо ударяются об мою задницу, когда парень, обхватив мои бёдра, двигается взад и вперёд.

— Запомни это, — сказал он, склонившись к моему уху. — Запомни это, когда приползёшь завтра к своему жениху, Эверли. Запомни, как ощущала меня внутри себя. И не забывай, что мы чувствуем, когда мы вместе.

Его слова раздирали меня на части, захлестывая с головой с каждым толчком. Когда я сжалась вокруг него, он ускорился, пока не сдался неизбежному освобождению, а затем рухнул рядом со мной на диван.

Никто не произнёс ни слова, когда Август встал и направился к лестнице.

Здесь не о чём было говорить.

Я могла уйти. Мне стоило уйти. Это то, что бы сделал разумный человек.

Но вместо этого, я пошла за ним по таким знакомым ступеням.

— Не в эту, — сказала я, когда он взялся за ручку главной спальни, в которой мы когда-то были вместе. Молча он направился в гостевую спальню и подождал меня.

Так же молча я последовала за ним.

***

Струи воды не смогли успокоить мои измученные нервы. Я наблюдала за тем, как утреннее солнце карабкается над горизонтом, возвышаясь над покрывающими город тяжелыми клубами тумана. Выбравшись из кровати, я нашла свою одежду, разбросанную вокруг дивана вперемешку с одеждой Августа.

Я едва помню, как раздевалась.

Всё произошло так быстро.

И даже теперь, когда всё было закончено, и момент был упущен... я не ушла. Я не пала на колени, раздираемая угрызениями совести, ругая себя за непростительную ошибку.

Вместо этого, я продолжала совершать одну ошибку за другой. Всю ночь.

Этого ожидал от меня Райан, когда ушёл от меня прошлым вечером? Для этого оставил мне выбор? Знал ли он, что всё закончится так? Неужели все вокруг понимали меня лучше, чем я сама?

Оттолкнувшись от балконных перил, я обернула плечи одеялом, которое унесла из гостиной, и вошла внутрь, чтобы сделать чашку кофе. Я не чувствовала желания сбежать, пока Август спал. Сегодня у меня был выходной, и мне, видимо, некуда было идти.

У меня нигде больше не было дома.

У меня не было дома.

Эта мысль поселилась у меня в голове, и я остановилась на кухне на полпути, едва не пролив кофе.

«Мой бог... мне некуда было идти. Или?»

И хотя это Райан ушёл вчера, всё же это была его квартира. Я въехала к нему, а не наоборот. Когда мы решили съехаться, я жила в крошечной квартирке, которую снимала с тех пор, как уехала с утёса, и мы подумали, что лучше будет у него. Квартира Райана была больше и симпатичнее.

Я не могла предположить, что он уедет, особенно теперь.

После того, что я сделала.

Поставив кофе на стойку, я ощутила, как сердце зашлось от осознания того, что у меня теперь нет дома. Образы потрёпанных простыней и подержанной одежды наполнили мой разум, словно меня забросило обратно в детство.

Я не могла вернуться. Не могла.

Бросившись к двери, я схватила сумочку, чтобы как можно быстрее вернуться домой.

Мне нужен был план... собрать вещи... что угодно.

«*O, господи. Как я умудрилась, так всё испортить?*»

Правда, стоило мне открыть дверь, как я влетела в удивленного Брика, стоящего с поднятой рукой, чтобы постучать в дверь. Он вытянул руку вперёд, помогая мне удержаться, так как в спешке я едва не полетела кубарем, и я встретила его заинтересованный взгляд.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — сказал он, свободной рукой удерживая подставку с напитками.

— Неужели? Разве это не был твой план с самого начала? — ответила я с презрительной усмешкой, тут же возненавидев себя за то, что вылила свой гнев на Брика, но если подумать, разве не он дирижировал всем этим оркестром? Не из-за него ли в первую очередь мы с Августом встретились снова?

Если бы он не объявился у меня дома несколько недель назад, разве не была ли я тогда всё ещё помолвлена?

Разве не сидела бы сейчас в своей тёплой маленькой квартире, планируя своё будущее с Райаном?

Или может всё повторилось бы в точности так же?

Не знаю почему, но ответ мне был уже известен.

— Хочешь прогуляться? — спросил он, продолжая держать подставку. — Предполагалось, что я встречусь здесь с Августом, чтобы отправиться на пляж, но, кажется, он забыл об этом. К тому же, сейчас я могу предложить тебе немного кофе.

Я бросила взгляд на бумажные стаканчики в его руке и неосознанно закусила губу.

— Ладно, но только потому, что у тебя есть кофе.

— Я всегда знаю, как очаровать даму, — усмехнулся Брик, протягивая мне дымящийся стаканчик. Он бросил картонную подставку на стол у входной двери, и мы

пошли навстречу освежающему утреннему ветерку. Туман, осевший за ночь, медленно рассеивался. Город снова начал открываться миру, словно медленно стягивая с себя маску.

Единственным звуком был сопровождающий нас хруст гравия, пока мы медленно спускались по улице, потягивая кофе. Между домами виднелся серый океан, с поверхности которого постепенно сползала дымка тумана.

— Ты не спросил, что произошло... между мной и Августом, — сказала я.

— Учитывая, что сейчас только семь утра, не думаю, что мне нужно уточнять, я прав?

— Нет, не нужно, — я напряженно выпрямилась, но продолжила идти.

— Знаешь, я может и староват, но не настолько, — засмеялся он.

Я лишь покачала головой, пытаясь спрятать легкую усмешку, которую ему удалось из меня выжать.

— Твои шуточки, Брик, не делают ситуацию лучше, — сказала я, по-дружески толкая его в бок.

— Шуточки всё и всегда делают лучше, — возразил он. — К тому же, кто говорит, что нужно что-либо делать лучше, чем есть? Что, если всё отлично уже сейчас?

Я недоверчиво покачала головой.

— Ты и правда такой чокнутый, как говорил Август. Жизнь — это не что-то замечательное, Брик. Она сложная и запутанная, и...

— Настоящая?

— Что? — спросила я.

— Жизнь любого человека сложная и запутанная, Эверли. Это то, благодаря чему мы продолжаем дышать, а не падаем замертво от скуки. Именно хаос привносит в жизнь смысл. Не отрицай свои чувства, только потому, что они сложные или слишком простые. Отрицай то, что тебе кажется неправильным, а не то, в чём сложно разобраться.

— Звучит так, будто ты говоришь о своём личном опыте, — сказала я, когда мы прошли ещё один квартал, делая последний глоток кофе.

— Ха, да что я в этом понимаю. Я же всего лишь сельский паренёк со Среднего Запада, — подмигнул он

— Я просто боюсь снова падать в кроличью нору и совершать всё те же ошибки с тем же человеком снова и снова.

— Но он не тот же человек, разве нет? — напомнил Брик.

— Нет, не тот... но может стать.

— Да, может. И это риск для тебя, если ты решишься. Потому что любить Августа таким, какой он сейчас, не означает, что он будет любить тебя так же.

Вот и оно – мой глубоко запрятанный страх. То, что заставляло меня сбегать от него каждый раз.

«Что, если я открыла своё сердце человеку, который потом превратится в мой худший кошмар...?»

Кто сможет собрать то, что останется от меня после этого?

Никто. Потому что собирать будет нечего.

Глава 22

Август

Ее запах был повсюду.

Сладкий клубничный аромат ее волос цеплялся за простыни, воздух... черт возьми, я думал, что она навсегда впиталась в мои гребаные ноздри. Это было первое, что я заметил, когда проснулся, и будь я проклят, если это не заставляло меня хотеть пойти к ней и снова прикоснуться к ее голой коже.

Но ее здесь не было. Ее нигде не было.

Поняв, что ее запах был единственным, что она оставила в постели, я быстро выскочил из кровати и схватил пару боксеров, а затем направился вниз, чтобы найти ее.

Ее одежда, ключи... все исчезло.

Я знал, что это произойдет. Я бы даже сказал, что ожидал этого.

«*Так почему же так больно?*»

Потому что, хотя я и ожидал этого, небольшая часть меня – надежда, наивная часть – хотела, чтобы она выбрала меня. Чтобы решила, что я достоин риска.

Но она выбрала его.

Она всегда выбирала его.

По крайней мере, теперь я знал, на что было похоже прикосновение к ее коже, вкус ее губ, какого чувствовать, как ее дыхание ускоряется, пока я двигаюсь внутри нее. Нет больше воспоминаний забытой жизни, это были мои воспоминания, теперь и я буду всегда помнить их.

Блуждая по кухне, я сделал паузу, увидев, что на прилавке все еще открыт пакет с кофе. Бросив сумку, я попытался представить себе, как она выглядела, легко перемещаясь из угла в угол, как будто владела этим местом.

— Привет,— ее голос почти заставил меня подпрыгнуть, и я повернулся, чтобы увидеть ее, стоящую в дверях.

— Привет, — ответил я, с любопытством глядя на одеяло, накинутое на ее плечи.

— Я отправилась на прогулку — с Бриком, — объяснила Эверли, поднимая бумажную кофейную чашку.

— Черт! — воскликнул я, вспомнив утреннюю прогулку, которую мы планировали. Она просто пожала плечами и сняла ботинки, бросила чашку в мусор и начала двигаться по кухне. Я смотрел, как она снова взяла кофе, и часть моего сердца успокоилась.

— Все в порядке — было приятно увидеть его. Мне нужен был сеанс терапии, — девушка слабо улыбнулась мне.

Я кивнул, прислонившись к стойке, пока мы ждали кофе.

— Ты получила то, что тебе нужно? — спросил я, не совсем уверенный, как сказать то, что действительно хотел.

— Я так думаю, — ответила она смутно, глядя на меня с другого конца комнаты.

— Хорошо.

Я не знал, что еще сказать, но боялся прекратить говорить. Боялся, что, если паузы будут слишком длинными, она снова уйдет. И если она уйдет, это будет конец? Она когда-нибудь вернется?

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она, постукивая ногтями по стойке. — Ты ждешь, что я побегу... побегу в ту дверь и больше никогда не вернусь.

— Ну, это то, что ты сделала в прошлом, — напомнил я ей.

— Я знаю, и посмотри, куда это нас привело, — Эверли протяжно вздохнула, когда ее глаза встретились с моими. — Я сама допустила, что эта ситуация так запуталась, пытаясь примириться с тем, что чувствую. Ты мог бы подумать, что после нескольких лет терапии я бы лучше поняла свой ум, но, оказывается, я так же потеряна и смущена, как и была тогда. Я больше не хочу бежать, Август.

— Тогда не надо, — просто сказал я, делая шаг вперед.

— Меня это пугает, — прошептала она.

— Меня это тоже пугает.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть прошлое.

— Не стоит, — настаивал я. — Никогда не забывай того, кем я был, Эверли. Я никогда не хочу снова становиться им.

— Я не даю никаких обещаний, — сказала она мягким и низким голосом, когда сократила оставшееся расстояние между нами.

— Я не прошу ни о чем. Мне просто нужен шанс.

Так же сильно, как я хотел прикоснуться к ней и пробовать ее снова и снова, мне нужно было, чтобы она сделала первый шаг. Я не дал ей выбора в этом вопросе прошлой ночью, когда поцеловал ее, но теперь... теперь, мне нужно было знать, что она этого хотела так же, как и я.

Мне нужно было знать, что она хотела меня

Это было похоже на медленную вечность в аду, когда я наблюдал, как ее глаза блуждали по моей коже, двигаясь по изгибу моей шеи, пока они не задержались на моей голой груди. Я затаил дыхание, наблюдая, как ее пальцы потянулись, едва скользя по моему тулowiщу, когда она начала исследовать меня своими робкими прикосновениями.

Я был в огне, но застыл на месте, и впервые с тех пор, как открыл глаза в больнице, снова почувствовал себя живым.

На этот раз не было гнева, ненависти или скрытого мотива, когда я потянулся к ней. Я помню каждое воспоминание, которое провел с Эверли в этой новой жизни, но у меня было такое чувство, что об этом я мечтал.

Я поднял ее на руки и осторожно пошел с ней наверх, вспоминая ее слова прошлой ночью. Избегая главной спальни, я подошел к комнате для гостей. Если бы эта комната стала бы для нее более комфортной, я бы переместил все, что у меня было, чтобы сделать Эверли счастливой.

Я осторожно положил ее на кровать. Ее яркие голубые глаза ни на минуту не покидали меня. Они закрылись, когда я молча провел пальцами по ее обнаженной руке, через шею и по долине между ее грудями. Ее бедра поднялись, а спина изогнулась, когда я медленно поднял рубашку и бросил ее на пол.

Было так много вещей, которые я пропустил в своей спешке накануне. Я был так зол, охваченный чистым инстинктом, что не смог остановиться и оценить то, что у меня было передо мной.

Эверли была чистое совершенство перед моими глазами.

От крошечных веснушек, разбросанных по ее сливочной коже, до удивительной татуировки на ее красивом плече, я не мог бы мечтать о более совершенной женщине.

Ведя поцелуями дорожку вниз к ее животу, я начал расстегивать ее джинсы, когда она помогла мне сдвинуть их с бедер. Ее длинные и красивые ножки вызывали во мне желание быть похороненными между ними так долго, как это возможно.

Я скользнул по ее телу, держа его под своим, пока мои губы оставляли след поцелуев по пути.

— Август, — сказала она тихо.

Мои глаза встретились с ее.

— Мне нужно знать, прежде чем это зайдет дальше. Я не могу позволить кому-то еще пострадать из-за нас. Поэтому мне нужно знать, ты все еще видишься с Магнолией?

Моя голова упала на ее грудь, и я покачал ею вперед-назад.

— Нет, — ответил я. — Я попробовал. Поверь мне, я пытался.

— Это из-за имени, не так ли? — пошутила Эверли, и легкий гул в ее грудной клетке снова поднял мою голову. Я слегка ухмыльнулся.

— Нет, это была ты. Это всегда была ты, — сказал я, вспоминая ночь, когда ушел к Магнолии после того, как Эверли убежала от меня. Всего тридцать минут и два напитка, когда я извинился и закончил это. Для ее же блага.

Была только одна женщина, с которой я хотела быть.

— Я не знаю, почему или как, но так было с того момента, как я проснулся.

Эверли притянула меня ближе, пока наши губы не встретились, и никакие другие слова не были нужны. Мой рот двигался с её, пожирая ее сладкую мягкость. Нежно ее касаясь, я запустил пальцы в пряди медно-рыжих волос, и наш поцелуй углубился. Ее руки, казалось, были везде и сразу, девушка нежно ласкала мышцы моего живота, скользя пальцами вверх по моей груди, как она схватила меня за плечи и обернула свои колени вокруг моей талии. Почти как прошлой ночью, но в этот раз мы не спешили. Каждое движение, каждое прикосновение было выполнено, как будто у нас была целая жизнь, чтобы провести в этой постели.

И будь моя воля, так бы и было. Я не хотел уходить.

Когда последняя одежда была отброшена, я, не торопясь, целовал ее кожу, поддразнивая нежные пики ее сосков языком, пока Эверли не стала умолять меня остановиться. Я с радостью согласился, потянув розовый бутон в рот и увидев, как он затвердел. Эверли выкрикнула мое имя, и я чуть не кончил только от этого звука.

Мои руки тряслись, когда я схватил презерватив с соседнего столика.

Больше никаких игр.

В следующий раз, когда она закричит мое имя, это будет со мной внутри.

Ее глаза никогда не отрывались от меня, когда она смотрела, как я медленно раскрываю презерватив. Какое бы чувство вины или раскаяния Эверли, возможно, не чувствовала раньше, она отложила их на время и была сосредоточена исключительно на мне. Только я.

Этот взгляд заставил меня чувствовать, что я мог бы победить весь мир.

Это дало мне представление о том, каким я хотел быть.

Я наклонился и почувствовал, как дрожь пробежала по моему позвоночнику, чувствуя, как наши напряженные тела воссоединяются. Мы были похожи на две половинки головоломки, которые легко соединялись. Она была моей второй половиной — мне просто нужно было убедить ее в этом. И каждую секунду, что она была здесь, в моих руках, я сражался, чтобы доказать это ей.

Ее взгляд не покидал меня, пока я двигался, и я ощущал доверие, которое она испытывала с каждым мощным толчком моих бедер. Я чувствовал себя уничтоженным, открытым и уязвимым из-за огромной ответственности всего этого. Я никогда не пойму, как прежний «я» пренебрегал таким драгоценным сокровищем. Но теперь, когда у меня появился второй шанс, я бы отдал все, чтобы исправить мои ошибки.

Даже если я их не помню.

— Я знаю, что ты боишься, — выдохнул я, одаривая ее шею длинным, ласковым поцелуем. — Но я не могу игнорировать то, как правильно это выглядит, когда мы вместе.

Эверли ответила, выгнув спину, ее пальцы вцепились в мои, притянув меня ближе. Наши губы встретились в исступлении — языки касались друг друга, пока наши тела приближались к бездне. Пот стекал по нашей коже, я багровел ее, доводя до пика экстаза. Она извивалась и стонала, сжимая свои ноги плотно вокруг моей талии. Запустив руку ей под ногу, я нажал на ее бедра, освобождаясь от их железной хватки вокруг талии, прижимая их ближе к груди.

— О, Боже! — Эверли всхлипнула, когда я дотронулся до ее сердцевины.

— Отпусти себя, — сказал я, снова целуя ее губы, пока не почувствовал, как ее тело скжалось вокруг меня. — Вот и все, — прошептал я.

— Август! — закричала она, освобождение, волна за волной, охватывали ее прекрасное тело. Я не мог удержаться от прикосновения к ее губам, нуждаясь в ее вкусе, когда она распалась на части. Чувство моей собственной кульминации было неизбежным, я ни на секунду не замедлял темпов наших занятий любовью, продлевая ее оргазм. Эверли скжала мои плечи и застонала, когда я кончил.

Клянусь, я видел долбаные звезды.

Уверен, что у моего бывшего «я» было больше сексуальных контактов, чем он мог сосчитать, но для меня — практически новорожденного, едва жившего несколько месяцев, я мог сосчитать их на пальцах одной руки — с официанткой и Эверли.

Ни одна из этих встреч никогда не ставила меня на колени так. Свернувшись рядом с ней, я был уверен, что никогда больше не буду двигаться в моей жизни.

Она уничтожила меня.

Я только надеялся, что это было навсегда, потому что я никогда не хотел возвращаться к пустому одиночеству.

***

— Так вот чем ты занимаешься в свободное время? — спросила Эверли, когда я поставил полностью заполненный поднос на кровать перед ней.

Смеясь, я ответил:

— Ну, кроме фотографии, смотрю дерзкие фильмы и беру тебя в постели, да, я думаю, — ответил я, пожимая плечами.

— Это просто... — она с любопытством посмотрела на разные блюда. — Так странно.

Я усмехнулся и кивнул.

— Знаю, но все в порядке... выслушай меня.

Она посмотрела на меня, сказав взглядом, что обожает меня, когда я протянул руки в защитном жесте.

— Одну минуту.

— Ладно,— легкая усмешка приподняла уголок ее губ.

— Ты идешь в магазин мороженого и смотришь на различные виды мороженого. У каждого есть несколько различных ингредиентов, и, исходя из этого, ты делаешь свой выбор, верно?

Кусая свою губу, чтобы удержаться от смеха, она кивнула. Я проигнорировал ее, покачав головой, и продолжил свои объяснения.

— В своей жизни ты все продумала в этом меню — возможно, индивидуально или с кем-то еще, но ты приняла осознанное решение, нравится тебе это или нет. Я? Я начинаю с нуля. Глядя на такое меню? У меня действительно нет подсказки, люблю ли я карамель или вишню, или даже взбитые сливки.

— Значит, ты решил сделать это таким образом? — спросила она, снова показывая на поднос.

— Ладно, я знаю... это странно. Но я парень. Мы простые существа. По одной вещи за раз казалась хорошей идеей, когда я начал, и я просто не смог закончить ни что другое, — признался я, посмотрев на еду, состоящую из простых яиц, нарезанного сыра и кофе.

— Итак, — ухмыльнулась она, — когда ты обнаружил, что тебе нравятся яйца и сыр, у тебя не появилось идеи... я не знаю, объединить их?

— Это требует кулинарии.

— Боже мой, — сказала Эверли, покачав головой. — Ты трогательный, как малыш.

— Да. Да. Ты пришла как раз вовремя, чтобы спасти меня.

Ее рука остановилась на полпути, когда она потянулась за куском сыра.

— Что я скажу Райану? — спросила Эверли, ее лицо вытянулось, когда она посмотрела на меня. Смех над яйцами и сыром внезапно стал серьезным делом, когда она снова столкнулась лицом к лицу с реальной жизнью.

— Зачем тебе что-то говорить ему? Он оставил тебя, — мягко напомнил я ей, хватая кусок сыра.

— Все не так просто, — ответила она. — Мне нужно вернуться туда. Мне нужно найти место, где жить.

— Живи здесь, — сказал я слова, покинувшие мой рот так же быстро, как мое сердце подпрыгнуло от мысли о том, чтобы быть с ней навсегда.

Ее глаза встретились с моими глазами, страх и сомнение, казалось, скрывали ее черты.

— Ты даже больше сумасшедший, чем я думала, — прошептала она, недоверчиво покачав головой.

— Да. Когда я рядом с тобой, то чувствую себя сумасшедшим, бредовым, и впервые после того, как проснулся, я чувствую себя действительно живым. То, что я чувствую к тебе, не имеет никакого смысла, Эверли. Ничто из этого, но если мы это сделаем, тогда давай сделаем это. Если что-то, что я узнал о жизни в этом маленьком деле, мне дало, это то, что нет времени на то, чтобы пройти через все вещи.

Ее глаза были полны беспокойства, когда она усердно покусывала нижнюю губу, очевидно, обдумывая мои слова.

Лихорадочно качая головой взад и вперед, она сказала.

— Я не могу зависеть от кого-то. Не опять. Я не могу быть таким человеком.

— Но я не хочу, чтобы ты была где-то еще.

— Так сдай мне комнату, — предложила она. — Заставь меня платить арендную плату.

Мои глаза расширились от шока.

— Теперь ты вышла из своего ума! Зачем мне это делать? Я последний человек на земле, которому нужно еще больше денег, Эверли.

— И я последний человек на земле, который должен быть зависим от другого человека. Пожалуйста, Август. Позволь мне это сделать. Я бы никогда не переехала к Райану, хотя он справляется с большой частью арендной платы. Это дало ему силу власти, которую он никогда не использовал, но все же это ставит меня в невыгодное положение. Я не могу попросить его уйти, но теперь меня оставили без дома. Я не могу жить с чувством бессилия с одним человеком, чтобы сделать то же самое с другим. Особенно...

Я поднял руку, чтобы остановить ее.

— Я понял, — сказал я, взяв ее за руку. — Мне не нравится идея, что ты предлагаешь мне деньги, но я понимаю, что это необходимо. Делай то, что тебе нужно, если это означает тебя каждый день здесь.

— Пока ты соглашалась, чтобы я снова начала готовить, — улыбнулась девушка.

Мое сердце подпрыгнуло, только увидев ее улыбку. Это была одна из самых красивых вещей, которые я когда-либо видел.

— По рукам. Но у меня есть одно условие.

— Ладно, — сказала Эверли, ее бровь приподнялась, когда она ела холодные яйца.

— Я хочу начать новую жизнь. Больше не сравнивай меня с тем человеком, каким я был раньше. Я понимаю, ты не можешь забыть, и я не хочу этого. Я просто хочу, чтобы ты

знала меня нового, того, кем я сейчас являюсь. Я хочу, чтобы ты влюбились в Августа, который существует сегодня.

— Я тоже этого хочу, — прошептала она, оттолкнув поднос и придвигнувшись ко мне.

— Мы выйдем позже, — вдохнула она мне в ухо.

— Хорошая мысль, — согласился я.

И мы это сделали.

Очень, очень позже.

Глава 23

Эверли

Мне нужна одежда.

И зубная щетка и... пожалуй, всё остальное, чего на данный момент не было в моей сумочке, кроме тюбика с бальзамом для губ и пачки жевательной резинки.

Я, правда, верила в стремление Августа двигаться дальше, но, по крайней мере, у него сохранилась парочка моих вещей. Блузка, пара брюк... Я в своей попытке двигаться дальше, оставила всё, что у меня было связано с прежней жизнью, здесь, забрав лишь немногое, что я могла назвать своим. В тот момент, я не думала, что мне будет чего-то не хватать.

На пару дней я остановилась здесь, у Августа. И хотя мне нравилось разгуливать в его футболках и свитерах, таская повсюду с собой его запах, я начала чувствовать себя бездомной и отчаянно хотела иметь свои собственные вещи.

Например, бритву.

И дезодорант, без пижонского мужского аромата.

Кроме того, завтра была моя смена. Так что таскание мешковатой одежды должно было немедленно прекратиться.

У меня было два варианта. Я могла опустошить свой сберегательный счет, чтобы полностью обновить гардероб, шампунь и прочие девчачьи штучки, или я могла набраться смелости и вернуться в квартиру Райана, чтобы собрать свои вещи.

Моя внутренняя трусиха начала перечислять, сколько всего я могла бы купить в долларовом магазинчике (*Прим.: магазин фиксированных цен*), но я-то знала, что мне нужно было встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

Это было моё решение.

Я сделала в точности то, что и ожидал от меня Райан, а теперь мне нужно было лишь откровенно себе в этом признаться.

Он сказал, что хочет, чтобы я дала этому шанс, и вот она я, делаю в точности то, о чём он просил. Надеюсь только, что он действительно имел это в виду.

Боже, я самая ужасная скотина на планете.

Не знаю, сколько времени я проторчала на обочине, разглядывая дом, в котором была наша квартира. Хоть я и набралась смелости прийти, все равно выбрала для этого время, когда Райан с наибольшей вероятностью будет отсутствовать.

Себе я сказала, что оказываю ему услугу, уберегая от болезненной встречи.

Но я-то знала, что это ложь.

Я заботилась о себе. Я не хотела испытывать боль, видя его, потому что знала, что стоило мне встретиться с ним взглядом, тщательно сдерживаемые чувство вины и раскаяния за всё, что я сделала, немедленно вернутся обратно.

И что будет дальше?

Втянув воздух, я вышла из машины и быстро перебежала улицу, не поднимая головы, чтобы избежать любых случайных столкновений с соседями. Последнее, что мне было нужно – ещё один разговор о том, как продвигается подготовка к свадьбе или куда мы собираемся на медовый месяц.

Одна мысль об этом едва не заставила меня развернуться и сбежать, поджав хвост. Но я упорно шагала вперёд и проскользнула внутрь, не встретив шумных соседей. С осторожностью я поднялась по лестнице. Никто ей не пользовался, кроме некоторых повёрнутых на утренних пробежках психах. Мы все были рабами лифта, и после пары пролётов я поняла почему. Лестницы были утомительными.

Хотя, мне явно не помешает разминка.

Что-то такое, что бы заняло мои мысли о прошлом дне.

Успешно поднявшись на четвёртый этаж, я прошла по коридору к нашей квартире и нашарила ключи. Трясущимися руками отперла дверь и едва не осела на ставших резиновыми ногах. Лестница и мои нервишки вместе составляли ужасную комбинацию.

Стоя в проходе, я внимательно прислушалась к звукам внутри. Ничего.

Я была одна.

Все выглядело по-прежнему. Наши жизни выгорели дотла, но эта квартирка не изменилась, словно была в непроницаемом пузыре.

Который я собиралась проткнуть.

Я дала себе немного времени, пробежавшись пальцами по мягкому одеялу, свисающему с дивана. Оно напоминало мне плюшевого медведя, такое мягкое и бархатистое. Я любила заворачиваться в него ленивыми утрами с книгой или ещё лучше – чашкой кофе. У нас с Райаном было много приятных моментов связанных с этим одеялом, я вспомнила ночи, когда мы засыпали под ним, вместо того, чтобы идти в спальню.

Всё было таким простым. Райан думал, что меня сложно уговорить, но на самом деле это ему мне было сложно сопротивляться. После Августа я зареклась любить, вообще зареклась от мужчин. Они причиняли мне боль, и им опасно было доверять. Но потом появился Райан – полная противоположность Августу. Он был милым, мягким и терпеливым, и вскоре я увидела перед собой новый путь, тот, который несложно было представить. Любить Райана было просто и безопасно.

Возможно, это и был корень проблемы.

Может любовь и не должна быть безопасной.

А должна быть сумасшедшей и рискованной.

Пока я бродила по квартире, мимолётно касаясь всего, с чем мы были связаны все эти годы, часть меня понимала, что я всегда буду тосковать по простоте и безопасности. Часть меня всегда будет тосковать по Райану.

Поняв, как много времени ушло впустую, я быстро начала собирать вещи, максимально забивая чемоданы вещами, на которые могла претендовать. Я не старалась складывать или сортировать вещи – просто кидала их в кучу, чтобы разобраться с этим позже. Забежав в ванную, я схватила зубную щётку и шампунь около душа.

Бутылочка была всё ещё влажной.

Когда он был здесь в последний раз?

Я смотрела на каплю воды, стекающую по стенке бутылки, и вспоминала его запах. Похожий на мой... он всегда пах моим клубничным шампунем, потому что был слишком забывчивым, чтобы пойти и купить свой. Я постоянно подшучивала над ним, как же онправлялся без меня раньше, в ответ он смеялся и показывал на кусок мыла.

Уставившись на бутылку, я сделала глубокий вдох и вернула её на место.

Я могу купить себе другой.

Обернувшись, я взяла ещё парочку вещей и вышла из ванной, кидая их в чемодан, прежде чем взяться за шкаф.

— Я знал, что ты вскоре вернёшься.

Я развернулась. Райан стоял в дверях и смотрел на меня. Его волосы были растрёпаны больше, чем прежде, а глаза смотрели потерянно и устало.

— Прости, — сказала я. — Я хотела зайти, пока ты на работе.

— Я взял выходной, — кивнул он. — Я немного выпал из происходящего.

Я стояла перед ним, но не могла поднять на него взгляд. То, как он выглядел... и тот факт, что он пропустил работу – из-за меня.

— Я сама ненавижу это, Райан, — призналась я. — Я бы хотела, чтобы мы просто могли вернуть всё, как было раньше.

— Мы всегда знали, что это может случиться, Эв. Рано или поздно он бы очнулся. Я как последний идиот решил, что меня будет достаточно, чтобы ты смогла оставить его в прошлом. Но тебе нужно было разобраться во всём самой.

Глаза обожгло слезами, я сделала было шаг к нему, но остановилась.

— Райан, пожалуйста, не надо так. Это никак не связано с тобой или с ним. Это всё только из-за меня. Столько разных причин, чувств, которые я спрятала внутри, когда он впал в кому. Кона – не лучший способ завершить отношения, какими бы бурными они ни были.

— И теперь тебе нужно время. Я понимаю.

Между нами повисла тишина, пока он не сделал неуверенный шаг ближе.

— Но позволь мне прояснить кое-что. Может я и отступил, но ни в коем случае не сдался. Я буду ждать, Эверли, пока ты не поймёшь, что я единственный, сколько бы времени это не заняло.

— Райан...

— Нет, дай мне закончить. Тебе понадобится время. Время, чтобы разобраться со всеми незаконченными чувствами, которые остались у тебя к нему, но он никогда не будет достаточно хорош для тебя, как бы он не изменился.

— Ты этого не знаешь, — возразила я.

— Знаю. Он причинял тебе боль. И он сделает это снова.

Я покачала головой и начала застёгивать сумки, хватая их и с трудом подтягивая к плечу.

— Прости меня, Райан, за то, что делаю тебе больно. Ты не представляешь, как сильно я сожалею об этом, но пожалуйста, не делай всё ещё сложнее.

Мне нужно было уйти.

— По-прежнему убегаешь, как я вижу. Что ж, по крайней мере, некоторые вещи не меняются.

Он был прав, я по-прежнему убегала. Но хотя бы на этот раз я знала, куда направляюсь.

Неуверенно остановившись у двери, я повернулась к нему лицом. Обхватив пальцами тонкое золотое кольцо на пальце, которое, как я думала, останется там до моей смерти, я сняла его и положила на стол.

— Прощай, Райан.

Последним, что я увидела, были его светло-карие глаза, потом я развернулась и оставила позади квартиру, которую мы делили вместе, дом, который мы создали вместе.

Свою слишком простую жизнь.

«Боже, надеюсь, я выбрала правильно».

***

— Итак, эта штука называется сковорода... а эта квадратная штуковина — плита. И на ней можно готовить не только яйца.

Август подозрительно прищурил глаза, когда я ставила на плиту сковородку и поворачивала переключатель, чтобы включить нагрев.

— Пожалуйста, скажи, что ты жарил яйца на плите? — попросила я, но его взгляд метнулся к микроволновке.

— Ты засунул их в микроволновку? — скептически спросила я, уперев руки в бока.

— Ну, то есть, это же сработало, да?

— У меня нет слов. Серьёзно. Ни одного. Это будет сложнее, чем я думала.

— Для женщины без слов ты говоришь слишком много, — сострил Август.

— Замолкни, — рассмеялась я, шлёпнув его по руке, по пути к холодильнику.

— Ты вообще когда-нибудь пользовался плитой? — спросила я, открывая дверцы монстра-холодильника в поисках вдохновения. Я планировала пасту, но мне нужны были и другие продукты. Я обнаружила кусок сыра и немного ветчины, что, очевидно, предназначалось для ланча. Заглянув в морозилку, я нашла замороженный горошек, и это уже было что-то.

— Окей, мы будем готовить обед. Готов?

— Как всегда, — рассмеялся Август, его карие глаза вспыхивали зелёными искорками веселья.

— Просто считай этот опыт чем-то из твоей новой жизни, что ты всегда хотел попробовать, ладно?

— По какой-то причине, я уже знаю, что возненавижу готовку. Не знаю, называй это шестым чувством.

Я покачала головой и засмеялась. Он всегда боялся кухни. Вот почему я так полюбила это место в первую очередь. Когда мы впервые съехались, я быстро поняла, что никто из нас не умел готовить, по крайней мере, ничего сложнее готовой лапши. После нескольких провальных попыток совместной готовки, я взяла всё в свои руки и в свободное время училась готовить простые блюда, недорогие, но сытные.

Позднее, когда деньги перестали быть проблемой, я расширила свои интересы и начала экспериментировать с более утончёнными ингредиентами и более сложными рецептами. Август всегда гордился мной и любил то, что я готовила.

По крайней мере, пока всё не закончилось, тогда он стал слишком занят, чтобы волноваться о чём-либо ещё.

Тогда всё, чего он хотел, это быстрый перекус — и за дверь.

Но теперь, все осталось позади. Мы начинали заново, и мне нужно было помнить об этом.

Итак, уроки кулинарии.

— У тебя есть чеснок? — спросила я. Пустой взгляд определённо говорил мне «нет».

— Ладно, завтра после смены мы пойдём в магазин. И мы заполним эту кухню. Она выглядит пугающе. Я отказываюсь жить в месте, где нет еды.

— У меня есть еда. Типа того, — возразил Август, обнимая пальцами моё запястье, — но да, мы пойдём за покупками. Вместе. Для нашей кухни, — он выделил слово «нашей», и у меня в животе запорхали бабочки. Мысль о том, чтобы жить вместе снова, нервировала, пугала и бодрила одновременно.

Я откинулась назад в его объятиях, позволяя его рукам блуждать по моему телу.

— Эй, не отвлекай меня, — засмеялась я. — Я несколько дней не ела ничего путного. А теперь иди и найди мне лапшу.

— Да, мэм.

Он зашёл в кладовую, а я взялась за нож, чтобы нарезать ветчину. Я не планировала ничего сложного, но ветчина и горошек должны быть приготовлены в первую очередь.

— Есть хоть какая-то надежда на то, что у тебя есть лук? — крикнула я. Он высунулся из кладовой с упаковкой спагетти в руках.

— Я уверен, что если бы он здесь и был, то уже давно успел отрастить корни.

Я засмеялась, а когда Август подошел, то отобрала у него пасту.

— Итак, что мне делать теперь? — спросил он низким хрипловатым голосом, склонившись к моему уху.

Я громко слогнула, обдумывая все варианты ответа на этот вопрос.

— Набери в кастрюлю воду, — мягко ответила я.

Я услышала его хихиканье, когда он повернулся, чтобы достать из буфета кастрюлю.

«Вот придурак».

— И когда мы собираемся поговорить о твоей сегодняшней вылазке? — спросил Август, возвратившись с большой кастрюлей. Он так осторожно поставил её на плиту, словно боялся что-нибудь сломать, а я пыталась понять, как мы умудрились перескочить от невинного флирта к этому разговору.

— Не знаю... никогда? — пыталась отшутиться я.

— Знаю, я новичок в... во всём, вообще-то, — сказал парень, разворачивая меня к себе, — но если верить тем романтическим комедиям, что я видел, мы должны обсудить наши чувства и эмоции. Иначе нас будут преследовать ужасные, хоть и забавные последствия.

Его улыбка была заразительной.

— Ты всегда в отношениях опираешься на опыт просмотра романтических комедий?

— Ну, не всегда. Я ещё посмотрел парочку драм, чтобы быть серьёзным, — засмеялся Август.

— Боже мой, — ответила я.

— А теперь к делу, я знаю, что что-то случилось. Ты проскочила наверх с сумками, и я не видел тебя несколько часов, пока ты пряталась в комнате.

Я вздохнула, наконец решившись положить голову ему на плечо.

— Там был Райан. И это было жестоко.

Он приподнял мой подбородок, заглядывая в глаза.

— Что он сказал? И что значит «жестоко»? — его лицо потемнело и выражало беспокойство.

— Он сказал, что будет ждать меня.

Август изменился в лице, как только понял причину.

— Потому что он считает, что я снова причиню тебе боль.

Я кивнула.

— Я всегда буду беречь тебя.

— Я знаю, — сказала я.

— Нет, посмотри на меня, — попросил он, встречаясь своими карими глазами с моими. Его взгляд горел обещанием, и я не сомневалась, что он был серьёзен.

— Я никогда снова не причиню тебе боль, Эверли.

Когда наши губы жадно соприкоснулись, я надеялась и молилась, что сделала правильный выбор. Потому что жизнь с Августом точно не будет простой.

Глава 24

Август

Я не знал, как долго это продлится до того, как Эверли сможет перебраться в хозяйскую спальню, если вообще когда-либо это случится. Итак, на следующее утро я решил переместить свои вещи в гостевую спальню вместе с ней.

Я не просил ее рассказать о своих страхах о спальне хозяев, но у меня было ощущение, что я уже знал, основываясь на замке, который я удалил изнутри. Доказательство того, что я действительно заблокировал ее там.

«Почему?»

«По какой причине мужчина мог запереть женщину, которую он любил в своей спальне?»

Я просто не понимал этого.

— Почему ты поднялся так рано? — спросила Эверли, заглядывая в дверь. У нее было полотенце, обернутое вокруг ее головы и груди, и капли воды стекали по ее рукам. Если бы ей не нужно было быть на работе через тридцать минут...

— Я хотел увидеть тебя до того, как ты уйдешь... и выпить кофе, который ты сделала, — усмехнулся я.

— Кто сказал, что я сделала кофе? — она засмеялась.

— Если есть одна вещь, что я узнал о тебе за последние несколько дней это то, что ты не можешь жить без кофе, который проходит через твои вены. Особенно по утрам.

Девушка ярко улыбнулась, что я никогда не принимал как должное.

— Ты прав. Я уже выпила чашку кофе. Там внизу есть свежая кружка.

Я ожидал, что она вернется в гостевую комнату и закончит готовиться к работе, но вместо этого я услышал легкие шаги в спальне. Это был не первый раз, когда она была здесь. Несколько раз она бродила здесь, только чтобы ускользнуть в рекордные сроки. В первый раз в тот вечер, когда она отвезла меня домой из больницы после автомобильной аварии.

Тогда я видел пытки и страдания на ее лице. Я предположил, что все это было направлено на меня, и уверен, что это была хорошая часть, но я никогда не думал о том, насколько комната может повлиять на кого-то.

Сколько воспоминаний может хранить дом.

— Ты счастлива здесь? — спросил я.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, пока бродила по комнате, глядя на некоторые фотографии, которые я недавно повесил. После того, как я очистил дом от любых

упоминаний об Эверли, я начал снимать собственную фотографию. Это наполнило меня гордостью, увидев, как она восхищается этим сейчас.

— Я имею в виду — эта комната, этот дом... в нем столько воспоминаний. Было бы проще просто... начать все сначала?

— Ты хочешь продать это место? — спросила она в шоке.

— Я бы мог... для тебя, — сказал я, делая шаг в ее сторону. — Я сделаю все, чтобы сделать тебя счастливой.

Она продолжала долго ходить по комнате, остановившись у большого комода у кровати, где она молча думала.

— Этот дом наполнен воспоминаниями. Их так много — и хороших, и плохих. И иногда это так тяжело быть здесь, и все они крутятся в моей голове.

— Итак, давай переедим, — призвал я.

— Позволь мне закончить, — сказала она. — Столь же подавляющими, как это иногда бывает, это тоже успокаивает. Как терапия. Тот факт, что я могу ходить в этой комнате, прямо сейчас дает мне умиротворение. Зная, что я могу побороть свои страхи головой, а не убегать от них, как я обычно делаю? Я не могу сказать тебе, насколько хорошо это заставляет меня чувствовать себя. Я не могу спать здесь, но, по крайней мере, могу делать маленькие шаги сейчас.

— Мне просто не нравится видеть, как ты страдаешь, даже чуть-чуть. Если бы я мог убрать это, просто все это стереть...

— Нет, — ответила Эверли непреклонно. — Я люблю этот дом. Несмотря на все, это очень много значит для меня. Прямо сейчас, мне нужно бороться с привидениями — не убегая от них.

Сократив расстояние к ней, когда Эверли повернула мои часы и другие вещи, которые стояли в большой декоративной миске на комоде, я спросил.

— Я могу что-нибудь сделать, чтобы помочь?

Глядя на меня через плечо, она выдавила небольшую улыбку.

— Да. Помоги мне сделать новые.

— С удовольствием, — прошептал я, наклоняясь, чтобы захватить ее губы. Девушка отстранилась, смеясь под нос.

— Я не имею в виду эту секунду — ты заставишь меня опоздать на работу!

— Очень, очень опоздать, — согласился я.

— Август! — девушка взвизгнула, выкручиваясь из моих рук.

— Ладно, ладно! — я усмехнулся. — Но ты мне должна, когда вернешься домой.

— Сделка, — согласилась она с ухмылкой чеширского кота, которая почти заставила меня пасть на колени и забыть все, с чем я только что согласился.

— Эй, могу я одолжить твои часы? — спросила она, хватая их из большой чаши.

— Конечно, зачем? — спросил я, глядя через плечо.

— Обычно я ношу их на работу, и в своей спешке упаковывания вещей вчера, я забыла свои. Я могу вернуться, чтобы забрать их, но...

— Они твои, — сказал я, положив свою руку на ее. — Но не соглашайся на эти. Есть еще несколько там. Посмотри и выбери, какие захочешь. Я собирался пожертвовать их на благотворительность, так как у меня нет необходимости в шести часах.

— Ты понимаешь, — сказала она, стоя на цыпочках, пока копалась в чаше, — что большинство людей держат такие часы под замком, да? Не в стеклянном шаре на вершине своего комода? Ты знаешь, сколько это стоит? — ее глаза метнулись ко мне с удивленной ухмылкой.

— Наверное, целое состояние, и я уверен, что меня волновало все это дерзко... но на самом деле? Это просто часы. Они рассказывают о времени точно так же, как и те, что я мог забрать в Таргет.

— Я почти уверена, что некоторые люди будут спорить с тобой по этому поводу, — засмеялась она, примерив серебряные часы. Эверли протянула руку, чтобы посмотреть на них, а затем покачала головой и двинулась дальше.

— Да — богатые чванливые люди.

— Как ты? — дразнила она.

— Я богат, но точно не сноб.

— Нет. Эй, что это? — спросила она, когда ее рука зарылась на дно чаши.

Я подошел, чтобы присоединиться к ней и увидел, как она нерешительно вытащила крошечный зеленый шарик, который я нашел в кармане своего пальто, когда был в больнице.

— Может быть, ты можешь сказать мне, — сказал я, когда она повернулась лицом ко мне.

— Что ты имеешь в виду? — глаза у нее были широкие, как будто я сказал что-то, что испугало ее.

— Я нашел его в своих вещах, когда был в больнице. Он был в пальто, так что он должен был быть там и в ночь нападения. Я просто подумал, что ты, возможно, знаешь, что это такое, — сказал я, положив руку на ее плечо.

— Я никогда раньше его не видела, — сказала она, откидываясь назад, пока смотрела на крошечную зеленую бусину.

— Эй, ты в порядке?

— Извини, — пробормотала Эверли, отводя взгляд. — Просто та ночь – это было страшно. Я не люблю переживать это снова.

«Отлично, я идиот».

— Нет, дерньмо, конечно, нет. Иди сюда, — сказал я, притягивая ее ближе. Она пришла в мои объятия, и я чувствовал, как девушка дрожит. — Мне очень жаль, Эверли. Я никогда не буду упоминать об этом снова.

Я почувствовал, как она кивнула, когда взяла себя в руки.

— Это нормально – ты не знал. Я лучше приготовлюсь к работе. Наверняка опоздаю, если не потороплюсь.

— Конечно, конечно, — ответил я, наблюдая, как она выбегает из гостевой спальни.

«Когда же это кончится?»

***

В течение следующих нескольких дней мы с Эверли жили в счастливом ритме. Я просыпался с ней рано утром, иногда будил ее погружением под одеяло или нежным поцелуем, чтобы вытащить ее из дремоты.

Будильник был сильно переоценен.

Большинство дней она попадала на работу вовремя, хотя я отпускал ее поздно раз или два. Она угрожала жизни и здоровью, если я буду удерживать ее так, и я только будил ее пораньше. Она была не слишком довольна.

Сначала.

Я обнаружил, что Эверли легко уговоривать, как только мой рот зарывался глубоко между ее ног. Конечно, многое можно было сказать и обо мне, когда ситуация была противоположна. Если Эверли ничего не хотела, это могло бы быть в те моменты, когда я был похоронен глубоко внутри нее.

Но единственное, что она просила, это было больше.

И это было именно то, что я давал. Каждое проклятое время.

Эверли, появившаяся в моем доме той ночью, злая и обиженная, изменила всю мою жизнь. Я никогда не думал, что получу от нее хоть одну улыбку, а тем более не смогу добраться до нее, не отрываясь от страха. То, что, как я думал, могло быть затяжным чувством, оставшимся после прежней жизни, только усиливалось с каждым днем.

Чем больше я узнавал о ней, тем глубже наша связь росла... и тем дальше я падал.

Это была не просто девушка на картине, это была Эверли, зависящая от кофе, остроумная женщина, которая заставляла меня улыбаться. Она была смешной, яркой и могла приготовить динамитную пасту из ничего.

Это было чудо, что я мог бы отвести руки от нее хоть на секунду

Это было также оправданием, которое я дал себе за то, что ты едешь в кафе вместо дома, после того, как отправишься в командировку рано днем, с надеждой, что я смогу отвезти ее на поздний обед.

Стоянка была дерымовой, как это было в большинстве мест в Сан-Франциско, поэтому я оказался в нескольких кварталах отсюда и должен был прийти в кафе пешком. К счастью, туман в основном очистился, и солнце пыталось выглянуть сквозь облака, принося с собой обещание теплой погоды. Легкая куртка, которую я надел, больше не понадобится позже в этот день. Жители Сан-Франциско, я узнал, любили солнце. Они больше не будут жить в другом месте. Этот туманный, облачный город был единственным местом в их глазах, но когда солнце пробилось сквозь серое небо, это было похоже на проклятое чудо. Люди стекались в парки, билеты на байки были распроданы, и все выбежали на улицу, чтобы насладиться великолепным видом.

Когда тепло от лучей солнечного света согрело мое охлажденное лицо, я не обвинял моих товарищей по городу.

Ничуть.

Как только я добрался до небольшого кафе, мой телефон начал гудеть в кармане. Сгорая от любопытства, я полез, чтобы схватить его, задаваясь вопросом, кто может позвонить мне.

Я очень редко получал звонки. Я был в больнице более двух лет и не имел ни одного посетителя, поэтому считал себя не совсем популярным.

Имя «Трент» вспыхнуло на экране, тоже имя, о котором недавно говорил мой адвокат. Хотя вид имени вызвал у меня интерес, я серьезно задавался вопросом, не будет ли этот звонок не таким, как все остальные. Это был не первый случайный телефонный звонок или взрыв из моего прошлого, как я любил их называть. Вначале я был наивным и ответил на несколько, но обнаружил, что мой адвокат был довольно разговорчивым, и так вышло, что я чудесным образом «воскрес из мертвых». Многие мои бывшие знакомые позвонили, сказав, что они хотели проверить мой прогресс сейчас, когда я был вне больницы. Когда я спросил, почему они не потрудились проверить меня раньше, я получил несколько ярких ответов, в том числе один от мистера Паркера, который сказал, что знает меня по «клубу», и он не хотел беспокоить меня в моем деликатном состоянии.

Я был в коме.

Два года.

Я быстро поумнел к мучительным мудакам и перестал отвечать на телефон. Моя прежняя жизнь была наполнена фальшивыми людьми и их причудливым дерымом. С меня было достаточно. Я засунул телефон обратно в карман и потянулся к двери кафе.

Эверли однажды сказала, что ей нравится работать в кафе не только за бесконечный кофе, но и потому что каждый день был разным. Потому что она и ее коллеги всегда делят обязанности, сегодня она может работать здесь, а завтра – баристой. Это держало ее в постоянном движении.

Когда я шел в тот день, ее улыбающееся лицо было не первое, что я увидел, что означало, что она была в сумасшедшем кофеиновом ритме. Когда я услышал, как она крикнула о двойном взбитом с какими-то сумасшедшими добавками, я начал понимать, почему она брала себе простой и черный кофе.

Я понятия не имел, что кофе может быть таким чертовски запутанным.

— Могу я вам помочь? — спросила веселая блондинка из-за стойки.

— Да, — ответил я, слегка улыбнувшись.

— Что я могу сделать, красавчик? — подмигнула она.

— Вообще-то, я ищу Эверли. Хотел узнать, есть ли у нее планы на обед.

Она осмотрела меня сверху вниз. Ее карамельно-карие глаза оценили меня, прежде чем девушка повернулась и крикнула, перекрикивая шум.

— Эверли, у тебя посетитель!

— Хорошо! — закричала она, и я увидел пучок ее рыжих волос, выглядывающих поверх верхушек кофеварок.

— И кто ты такой? — спросила блондинка, положив руки на прилавок, как будто имела все время в мире. Я посмотрел позади себя и понял, что я действительно единственный человек в очереди, и усмехнулся.

— Я...

— Друг, — Эверли бросилась вперед и прервала меня. — Старый друг, — снова подчеркнула она.

— Ну... у твоего горячего друга есть имя? — спросила блондинка, теперь оглядывая мне сверху вниз, как будто я был большим куском стейка, а она была заключенной в тюрьму львицей, просто ожидающей вонзить зубы в меня.

— Август, — ответил я, протягивая ей руку, хотя мои глаза никогда не покидали Эверли.

— Ну, не стесняйся чаще посещать нас, Август. Гораздо чаще, — промурлыкала она

— Хорошо. И я сожалею, — сказал я, обращая мое внимание к ней. — Я не уловил твоего имени.

— Труди, — ответила она, покраснев.

— Приятно познакомиться, — я подмигнул ей, прежде чем Эверли оттащила меня.

— Я собираюсь пообедать. Вернусь через час, — сказала она, когда мы направились к двери.

— Хорошо, милая. Наслаждайся!

Мы вышли на свежий воздух и пошли куда глаза глядят. Просто бессмысленная, неспешная ходьба.

— Значит, ты думаешь, что сможешь достать мне номер телефона Труди? — наконец спросил я, с горечью в голосе.

— Остановись.

Я застыл на углу, излучая гнев в моих венах.

— Ты злишься на меня? — спросил я, видя ее взвинченное состояние.

— Да! Почему ты не позвонил или не сказал мне, что собираешься зайти? — закричала она.

— Это было бы лучше, Эверли? Это даст тебе время, чтобы придумать лучшую историю о том, кто я такой, или почему какой-то парень, кроме Райана, приезжает, чтобы отвезти тебя на обед? Не так ли? Ты не сказала им?

— Это не их дело, — тихо сказала она.

— Это не их дело, или не стоит никому рассказывать? Потому что я помню, как ты говорила мне, что ты и твои коллеги близки, поэтому, если ты не можешь признать, что происходит между нами, как ты можешь это сказать кому-то? Ты сказала хоть кому-нибудь?

Затем последовала тишина, сказавшая мне, что я хотел знать.

— Это для тебя шутка?

— Что? — ее глаза расширились. — Нет, Август. Боже, нет.

— Тогда почему я сейчас чувствую себя самым большим идиотом в мире, Эверли?

Ее руки обвились вокруг меня, и, как бы я не был смущен, погрузился в ее тепло.

— Мне очень жаль. Это еще все в новинку. Я все еще работаю над тем, что сказать... что сказать всем. Никто не знает об этой части моего прошлого. Я не знаю, как объяснить... тебя.

— Тогда не надо. Миру не нужно знать каждую деталь. Но, я хочу существовать в твоем мире. Я хочу иметь возможность прийти на твою работу и быть признанным как твой парень, а не какой-то парень, которого может подцепить твоя коллега.

— Я не уверена, что обновление статуса изменит мнение Труди об этом, — Эверли нерешительно рассмеялась, ее глаза были полны страха.

— Я хочу быть значимым в твоей жизни, — сказал я.

— Ты значим, — настаивала она, оборачивая руки вокруг меня. — Я просто не знаю, готова ли я сказать каждому.

Я отодвинулся в отчаянии, моя рука пробежала по лбу.

— Ты имеешь в виду, что не знаешь, готова ли рассказать им обо мне?

— Август, пожалуйста, попытайтесь понять. Я была несвободна две недели назад. Я...

Сделав шаг назад, не желая слышать ее оправдания, я поднял руки, чтобы остановить ее.

— Я понял.

— Август! Пожалуйста, не уходи!

Но я не мог остановить свои ноги от бегства.

«Может быть, пришло время, чтобы она увидела, как я иду дальше?»

Глава 25

Эверли

Я нервно подёргивала ногой, пока в одиночестве сидела в маленькой комнате ожидания. Солнце давно перевалило за полдень, и я знала, что это её последняя встреча на сегодня. Обычно Табита не принимала пациентов после четырёх, и стоило часам показать четыре, как дверь её офиса отворилась, и она выпроводила своего последнего клиента.

Женщина сделала для меня исключение, продлила свой рабочий день, потому что знала, что я могу струсить и сбежать, если не получится сегодня.

И она была права.

Проклятая женщина всегда была права.

Я достигла мастерства в классической схеме избегания.

То, что я называла бегством или тенденцией к исчезновению, Табита называла избеганием. Когда в моей жизни случался конфликт, я решала его, избегая саму ситуацию.

Мы с Райаном спорили о моих планах на будущую работу? Мне сразу же нужно было прогуляться или прокатиться.

Август впал в долгосрочную кому? Я годами избегала этой ситуации и вела себя так, словно ничего не произошло, пока оно не взорвалось у меня перед носом гигантской атомной бомбой.

«Да уж».

«Избегание звучало вполне подходяще».

Наконец Табита попрощалась и, подождав, пока дверь закроется, подошла поздороваться. Она всегда работала одна: ни помощника, ни администратора. Каждую встречу она устраивала сама, вот почему у неё был такой маленький список пациентов. Даже в комнате ожидания не было ничего, кроме пары стульев и россыпи журналов.

— Ты готова? — спросила она, поворачиваясь ко мне, чтобы сосредоточиться на мне в течение следующего часа.

— Сегодня и всегда, — ответила я с глубоким вздохом.

— После тебя, — она пропустила меня вперёд. Внутри маленького кабинета, в привычной обстановке я нахожу свой любимый уголок — старый, обтянутый бархатом диван с разномастными цветастыми подушками, которые я постоянно тискала в руках. Табита никогда не комментировала эту мою привычку, но я уверена, что у неё и без этого сделано достаточно терапевтических заметок обо мне.

Я свернулась в уголке дивана, схватив свою любимую подушку и скрестив ноги. Я слишком далеко зашла и слишком долго избегала это место. Находиться здесь всегда

казалось мне правильным, даже тогда, когда я не хотела этого признавать. Табита помогла мне найти опору. Она вытаскивала наружу чувства и эмоции, которые я закапывала слишком глубоко, не желая иметь с ними дела.

Иногда было трудно признать, что мне нужно быть здесь. Никому не нравится признаваться, что он нуждается в помощи, но я всегда была признательна судьбе за то, что встретила кого-то столь терпеливого, как Табита. Не думаю, что любой терапевт или куратор так бы поддерживал меня несмотря ни на что.

Я была той ещё занозой в заднице.

И всё же она продолжала встречи.

И всё так же смотрела на меня, словно я попала в переделку.

— Давно я тебя не видела, — заметила она, просматривая свои заметки, словно ей нужно было подтверждение тому, сколько мы не виделись. Мы и без этого обе знали, что это было давно. Я струсила, отменив встречу днём, когда она точно была с пациентами, просто чтобы избежать объяснений. А её голосовая почта всегда такая понимающая.

Причина, по которой я избегала это священное место? Если бы я пришла, всё, что произошло за последние несколько недель, стало бы чересчур реальным. И вплоть до сегодняшнего дня я была счастлива в своём пузыре, существуя в нём отдельно от остального мира.

— Моя жизнь превратилась в бардак, — с тяжёлым вздохом констатировала я.

Табита тепло улыбнулась.

— Любая жизнь похожа на бардак, Эверли. То, что мы с этим бардаком делаем — вот, что важно.

— Мы с Райаном расстались, — сказала я, стискивая подушку руками.

— Я знаю, — с кивком ответила она.

— Откуда?

И прежде, чем успела подумать, спросила:

— Сара?

Женщина пожала плечами и указала на мою левую руку.

— Ты не носишь обручальное кольцо. Впервые за несколько месяцев я не вижу его на твоём пальце.

Я покачала головой, отказываясь верить, что она догадалась вот так просто.

— И как дела у Сары? — дождала я.

— Ты знаешь, что я не могу ответить, — сказала она, не желая нарушать конфиденциальность её пациента.

— Знаю, просто я скучаю по ней, — ответила я.

— Тогда ты знаешь, что делать.

Я кивнула.

— Но тогда мне придётся рассказать об Августе. Что если она не захочет разговаривать со мной после этого?

— Почему бы тебе для начала не рассказать об Августе мне? А потом будем думать дальше.

— Ладно, — согласилась я.

Следующие полчаса я рассказывала ей историю обо мне и Августе. Я призналась в горечи от ухода Райана и злости, что я чувствовала, обвиняя во всём Августа. Как мой гнев превратился во что-то совершенно другое, и в разгар этих непонятных чувств я вдруг поняла, что всё ещё хочу его.

И это не приключение на одну ночь и даже не просто увлечение.

— Но что насчёт твоего прошлого? — спросила она, зная, через что мне пришлось пройти с ним в первый раз.

— Это то, с чем мне приходится бороться. Но становится легче. Чем больше времени мы проводим вместе, тем меньше он походит на того, кого я оставила в больнице два года назад.

— И кого же ты видишь вместо него? Прежнего Августа? Того, в кого ты была влюблена несколько лет назад? — спросила Табита.

— В каких-то мелочах, да, — ответила я. — Но при этом он отличается. Он совершенно другой, но нравится мне так же сильно. Узнавать о нём что-то новое... я и не думала, что это возможно, но это почти как начать заново. Теперь он любит чёрный кофе, а ещё ванильное мороженое.

— Ты кажешься счастливой, — заметила женщина.

— Так и есть... наверное.

— С чего тогда Сара должна ненавидеть тебя за то, что ты счастлива? — поинтересовалась Табита.

Я встряхнула головой.

— Последние несколько лет я расписывала этого мужчину, как самого ужасного злодея на планете. И пусть я не вдавалась в подробности, она мой друг и она всё ещё его ненавидит. Не знаю, сможет ли она когда-нибудь доверять ему.

— А ты доверяешь?

Я кивнула.

— Я начинаю доверять.

— Тогда и она научится.

— Почему ты поддерживаешь все мои решения? Неужели тебе никогда не хотелось встряхнуть меня и хорошенко наорать за все мои глупости?

Она засмеялась, и улыбка осветила её бледное лицо. Для женщины за сорок Табита выглядела сногсшибательно. Золотистые волосы и стройная фигура, сохранившаяся за годы занятий йогой, несомненно, заставляли не одну голову поворачиваться ей вслед.

— Иногда, — честно призналась она. — Но это твоя жизнь, а не моя. И это твои решения. Я здесь, чтобы помогать тебе, направлять и поддерживать. Но решения? Они целиком на твоей совести.

— Проклятье... Было бы гораздо проще, если бы кто-то мог принять их вместо меня.

— Это верно для всех нас, милая, — вздохнула она. — Но тогда мы не сможем наслаждаться хаосом, что сами же творим. Теперь твоя очередь наслаждаться хаосом.

***

После нашей прилюдной ссоры на улице у кафе я понятия не имела, какая атмосфера царит у нас дома. За эти годы мне пришлось жить с двумя разными Августами.

Август без денег и Август с деньгами.

Еще можно назвать это хорошими и плохими временами, хотя первое время, когда у нас только появились деньги, тоже можно назвать хорошим. Только когда деньги поселились в его голове, жизнь стала действительно невыносимой.

Август стал невыносимым.

В те годы мы не ругались. Я пыталась вначале, но быстро поняла, что споры с ним заканчиваются запиранием в спальне со щелчком замка. Честно говоря, спустя какое-то время нам, так или иначе, не о чем было больше спорить. Я не понимала, почему мне нельзя покидать дом, а он бы не стал объяснять. Так было решено и никаких ответов я не получила, бессмысленно и пытаться. Я надеялась, что став более добросердечной, какой я была прежде, я смогу смягчить его, но это не сработало. В действительности, чем дальше, тем более одержимым он становился.

— Я не могу перенести мысль о том, что ты уходишь отсюда, Эверли, — сказал он в приступе паники. — Пожалуйста, просто делай, как я говорю, и оставайся в комнате, пока я не вернусь. Мне нужно, чтобы ты осталась.

Его руки тряслись, пока он пытался пригладить волосы, глядя в зеркало, и поправить галстук.

— Хорошо, — прошептала я, в который раз чувствуя себя побеждённой. — Я останусь.

И я осталась.

Всегда оставалась.

Не знаю, почему я не уходила. Я могла. Это было просто.

Нет ничего сложного в том, чтобы взломать замок или выломать дверь. Бог знает, что ещё можно найти в интернете. Если бы у меня действительно была необходимость... нужда в этом, я бы что-нибудь придумала. Я могла уехать... если бы хотела. Я всегда говорила Райану и Табите... даже самому Августу, что он держал меня взаперти в той комнате. Но, знаете что? Единственным, кто держал меня взаперти, была я.

Даже если я сама того не осознавала, это был мой выбор – оставаться. Я выбрала своё место рядом с человеком, до тех пор, пока ненависть к нему не начала выкипать через край.

С тех пор я научилась тому, что лучше сражаться, чем сдерживаться.

Из попыток засунуть всё поглубже не выходит ничего хорошего. Но стоило мне повернуть ручку и войти в дом, как я почувствовала оживающую внутри меня тревогу.

«Какой Август встретит меня сейчас?»

Будет ли он тем, кого я оставила в прошлом? Жесткий и устрашающий, не желающий уступить ни дюйма. Или он будет тем, кто наравне со мнойправлялся с проблемами – партнёр, а не главнокомандующий?

Я от всей души надеялась на последнее, потому что больше не была беззащитной пешкой в чужой игре.

— Август? — позвала я, оглядывая холл на признаки присутствия Августа.

«Что если его здесь нет?»

— Здесь, — ответил он. Я пошла на звук голоса в гостиную, где обнаружила его, зажигающего свечи по всей комнате. Всё пространство было залито мягким светом, отблески огоньков плясали на стенках и потолке. Это было красиво и романтично – полная противоположность тому, что я ожидала, входя внутрь.

Мы встретились глазами, и я увидела в них раскаяние раньше, чем услышала его в голосе.

— Я больше никогда не оставлю тебя в середине ссоры, — пообещал он, подходя ближе. — Мне так жаль.

Я покачала головой.

— Это я должна извиняться. Ты заслужил объяснение, а то, что вышло у меня сегодня, было просто ужасным.

— Нет, — Август остановил меня, — я понимаю, что превратил твою жизнь в хаос. И знаю, что нужно какое-то время, чтобы ко всему привыкнуть.

— Да, — улыбнулась я, — ты превратил мою жизнь в хаос. Но мне напомнили, что иногда хаос – это то, что нужно в жизни. С того момента, как я оставила тебя в больнице, я просто помешалась на том, чтобы моя жизнь стала максимально простой и безопасной.

Думаю, поэтому меня так тянуло к Райану. У него был мягкий характер, и я знала, что он не навредит мне. Но любовь – это нечто большее, и, к несчастью, он понял это раньше меня.

— Думаешь, ты смогла бы осознать это рано или поздно? — спросил он.

Я с шумом выпустила воздух из легких.

— Не знаю. За мной есть привычка избегать очевидное, если ты ещё не заметил.

Август фыркнул с усмешкой.

— Нет, никогда не замечал ничего подобного.

Я ткнула его в плечо, пока он убирал с моего лица выбившуюся прядь волос.

— Даже если ты самая упрямая женщина на планете, я рад, что ты моя. К тому же, я совсем не против времени от времени вцепливаться в тебя здравый смысл, — сказал он с кривой ухмылкой.

— Это нечестно, и ты это знаешь.

— В любви и на войне всё честно, детка, — со смешком сказал Август. — И в тот момент я не мог противостоять тебе ни секунды. Ты была так зла, так полна огня и страсти. Убийственное сочетание.

— Я почти уверена, что сейчас покусаю тебя, — недобро улыбнулась я, припоминая нашу первую ночь. — И может, прольётся кровь. Хей, это что пахнет картошкой фри? — спросила я, улавливая неожиданный аромат жареной еды.

Август расхохотался и поцеловал меня в лоб.

— Еда никогда не проходит мимо тебя, верно?

— Точно не картошка фри.

— Я надеялся, что к твоему приходу всё будет готово, но ты меня опередила, поэтому я не успел разобрать пакеты, — объяснил он, поворачиваясь и указывая на несколько пакетов, стоявших на кофейном столике.

— О, здорово, что ты не готовил, — сказала я, в шутку смахивая пот с лица. Он закатил глаза, мы подошли к коричневым пакетам, и я окинула взглядом содержимое.

— Нет. Я не готовил. В конце концов, ты нужна мне живой.

Погладив Августа по спине, я пожалела его задетое самолюбие.

— Не волнуйся. Позже я научу тебя готовить... хоть что-нибудь, я надеюсь.

— Спасибо. Может сыр-гриль?

— Ну, я не знаю. Там нужно использовать плиту. Уверен, что готов к этому?

— Вот задница. Почему бы тебе не взять что-нибудь из еды? Я знаю, это твоя любимая. По крайней мере, мне так кажется.

Я уставилась на него с удивлением, а потом любопытный взгляд метнулся к кофейному столику.

— Картошка и чизбургеры? Это одни из моих любимых блюд. Как ты узнал?

Он показал на картонную коробку у телевизора, пока, набрав еды, мы устраивались на диване.

— Когда я вернулся домой, я был очень зол, — сказал Август. Я виновато закусила губу. — Я не понимал, почему ты хочешь держать нас — меня — в секрете. Но чем больше я об этом думал, тем яснее осознавал, что с тех пор, как вышел из больницы, я так сильно хотел, чтобы кто-то, хоть кто-нибудь, смог понять, каково это — быть мной. Хоть один день побыл бы в моей шкуре и понял, каково это, когда у тебя отобраны все твои воспоминания. Я хочу сказать... чёрт... да я даже не помню, как потерял девственность. Совсем ничего не помню.

— Шарла Ньюман. И тебе было шестнадцать, — с насмешкой прервала его я.

Он запнулся и цыкнул на меня.

— Не в этом смысл, но спасибо. Нужно будет поискать её на Фейсбуке.

Я фыркнула, откусывая бургер, а Август продолжал.

— В общем, как я сказал... я не раз хотел, чтобы кто-то был рядом. Но пытался ли я подумать и понять кого-то другого? Я был так зол на тебя, но пробовал ли я задуматься, почему ты не пустила происходящее в твои отношения с сослуживцами? Я сидел себе, и всё во мне кричало, чтобы хоть кто-нибудь понял меня, но черта с два я хотел сделать это сам.

— И ты прошерстил коробку с фотографиями?

— Да, — ответил он, — Брик вернул их мне, и я задумался, что если хочу лучше понимать тебя, неплохо было бы начать с этого.

Я улыбнулась, поглядывая на коробку.

— И что ты обнаружил?

— Тебе нравится красное дерево. И гамбургеры. Все фотографии с дней рождения за несколько лет сделаны в одной и той же бургерной. Я просидел несколько часов, пытаясь разобрать, что это за место, но не смог.

— Она закрылась несколько лет назад, — грустно ответила я. — Мы перестали ходить туда, когда ты... прежний ты... решил, что дни рождения нужно отмечать более экстравагантно.

Парень молчал и разглядывал жирный бургер в своих руках.

— Ну, больше его нет, так что мы будем создавать новые воспоминания.

— Мне это нравится, — я широко улыбнулась, вспоминая свои дни рождения, проведённые с картошкой фри и молочными коктейлями, а не шампанским и икрой.

— Только есть одна проблема, — сказал он.

— Какая?

— Я не знаю, когда у тебя день рождения, — улыбнулся Август.

Я громко расхохоталась, стиснув его плечо и укладывая на него свою голову, чтобы перевести дыхание.

— Пятнадцатое июня, — выдавила я между вдохами.

— Пятнадцатое июня, — повторил он. — Принято к сведению.

— И что ещё ты узнал обо мне из этой коробки? — спросила я, вытаскивая из бургера кусочки огурца, пока он наблюдал.

— Очевидно, недостаточно, — ухмыльнулся он. — Не любишь огурчики?

— Только не в моём бургере.

— Вовремя узнал.

— Да ладно! Расскажи мне ещё, хватит увиливать! — потребовала я, пока он подбирал кусочки огурчиков с бумажной упаковки моего бургера и отправлял их в рот.

— Ну... — начал он, — я заметил, что ты невероятно фотогеничная. Просмотрев целую коробку с твоими фотографиями, у меня зудит от желания навести на тебя объектив.

Закончив с едой, я выбросила в мусор коричневый пакет и наклонилась к Августу, придвинувшись ближе.

— Звучит эротично, — сказала я, пробегая пальцами по пуговицам его рубашки.

Он встретился со мной взглядом, и я заметила, как уголок его рта дёрнулся, сдерживая ухмылку.

— Возможно.

— Ты бы снял это? — спросила я, медленно расстёгивая четыре верхние пуговицы своей блузки, пока не показался кружевной край белья.

— Да, — ответил парень срывающимся голосом.

— А что насчёт этого? — пальцы спустились к кромке джинсов.

— Подожди. Секундочку. Я возьму камеру, — нетерпеливо сказал Август, выскакивая из комнаты. Он вернулся обратно в рекордный срок со старой чёрно-белой камерой в руках. Кроме того, на нём не было рубашки, и передо мной открывался отличный вид на его пресс и мускулистые руки.

— Снимай штаны. Хочу снять тебя только в трусиках и рубашке, — его голос дрожал, словно он вернулся с пробежки. Взглянув на него, мне захотелось в нетерпении сжать ноги.

Казалось, одна только мысль о том, чтобы снять меня, сводила его с ума. Я выскоцнула из джинсов и легла на диван, свесив ноги с краю в призывной позе, что должно было добить его.

— Ты делала это прежде? Черт, не отвечай, — ответил себе же Август и защёлкал камерой.

Я засмеялась, отворачивая голову, когда он навис надо мной.

— Нет, я просто знаю, что тебе нравится.

— О, ты знаешь.

— Может, что-то вроде этого? — спросила я, полностью расстёгивая блузку и позволяя ей скользнуть с плеча. Она упала на пол изящным ворохом. Приподнявшись на локтях, я опалила Августа взглядом, а моя грудь приподнялась выше благодаря смене положения.

— Ты так прекрасна, — выдавил он, опускаясь на колени, чтобы изменить угол. — Подожди, я только открою окно, чтобы лучше осветить твою кожу.

Я наблюдала, как он подходит к большому окну, выходящему на скалы, раздвигает шторы, затеняющие чересчур яркое солнце в полдень. Сейчас солнце почти закатилось, и его последние лучи уступали место вечерним звёздам.

— Идеально, — голос прозвучал ближе, когда парень подошёл к дивану. — Теперь, пожалуй, тебе пора раздеться.

Я согласилась, протягивая руки назад к застёжке. Лифчик легко расстегнулся и мягко упал с плеч, и камера защёлкала чуть дальше. Приподняв руку, я позволила ей опуститься на пол под прожигающий даже сквозь объектив взгляд Августа.

Я хотела, чтобы он наслаждался шоу, и медленно встала, раздвигая ноги и проскальзывая пальцами за тонкий край трусиков. Август отошёл назад, меняя угол камеры, чтобы поймать новое положение, не переставая щёлкать затвором. С чувственной грацией, о которой я прежде и не догадывалась, я мягко потянула последний предмет одежды со своего тела, пока он не оказался на полу.

Я слышала, как Август со стуком поставил камеру на стекло кофейного столика. Мы встретились взглядом, у парня тряслись руки. Тёмный, пожирающий взгляд был сосредоточен, сосредоточен на мне. Ремень и джинсы оказались на полу, и я смотрела, как Август подходит ближе — медленно, словно хищник. Мои бёдры напряглись, а дыхание сбилось, пока он, обнажённый, приближался ко мне.

Словно два магнита: он притягивал, а я в ответ двигалась к нему, не задумываясь.

Не оправдываясь.

Моё тело принадлежало ему, было создано для него.

Я всегда буду принадлежать Августу. И всегда принадлежала.

Стоило ему коснуться меня пальцами, как моя кожа от предвкушения покрылась мурашками. Не важно, сколько раз его ладони скользили по моей коже, мне всегда было мало.

Теперь я понимала, почему никогда не уходила от него. Даже когда всё было плохо. Даже когда я думала, что дальше будет ещё хуже.

Где-то в глубине души, я всё так же была влюблена в монстра, каким он стал. В глубине души, я всегда лелеяла надежду, что каким-то образом... однажды он вернётся ко мне.

И он вернулся.

Это был новый, не похожий на себя, но всё-таки Август.

И он был моим.

Парень легко поднял меня, а я обхватила руками его шею и обвила ногами его талию.

— Ты так хороша, — прошептал он, падая на диван вместе со мной, неуловимо касаясь руками моих бёдер. Опервшись на колени, я прижалась к его губам, увлекая в глубокий поцелуй, стискиваемая в крепких объятиях. Пальцами Август впился в мою округлую задницу, пока я медленно опускалась, принимая его член на всю длину.

— Блядь, — прошипел он.

Откинувшись назад, я схватила с кофейного столика камеру и протянула ему.

— Думаю, ты ещё не закончил.

Он взял камеру, не отрывая от меня глаз, пока я медленно двигалась на нём. Август развернул камеру и начал снимать со стороны, как мы занимаемся любовью.

Это было эротично, а я чувствовала себя достаточно смелой и абсолютно бесстыжей перед объективом. Я запрокидывала голову, встречая каждый жесткий толчок.

— Мне всегда будет мало. Мало тебя, — сказал Август, в голосе прозвучало отчаяние.

Я горела, а его слова лишь подкидывали дров в огонь, разжигая и распаляя меня ещё больше.

И когда Август больше не мог сдерживаться, камера упала на диван, а его руки прошлись по моим волосам, спускаясь по спине, чтобы сжаться на бёдрах, толкая себя глубже внутрь меня. Мы одновременно застонали и полностью потерялись друг в друге, пока не упали истощённые и бездыханные.

И когда он отнёс меня наверх позже вечером, тогда, когда солнце уступило место луне и звёздам, я не смогла не вспомнить то, как он относил меня в кровать в то время, когда мы жили в крошечном доме на другом конце города.

— Однажды, я дам тебе всё, что ты захочешь, — прошептал он.

— Мне нужен только ты, — отзвалась я.

— Но ты заслуживаешь большего.

Наша жизнь начиналась так просто. Всего лишь пара влюблённых. Но потом Август решил, что должен подарить мне луну и звезды, и всё, что под ними... хотя мне был нужен только он.

И пока он пытался, я потеряла и его.

После того, как всё рухнуло, я сбежала в отчаянии, в происках той незамысловатой жизни, но опять сделала всё неправильно.

Райан был прав. Любовь должна быть простой.

Жизнь может быть сложной, но любить кого-то... правильно это или нет, но это должно быть просто.

И любить Августа всегда было просто, как дышать.

Глава 26

Август

— Уйди, женщина, — пробормотал я в подушку, скрывая ухмылку на лице. — Я сплю.

— Нет, нет. Ты определенно бодрствуешь, — сказала она, забираясь поверх меня, чтобы доказать свою точку зрения. Некоторая часть моего тела приветственно приподнялась, чтобы сказать ей доброе утро, когда она хихикнула.

— Ты безжалостна, — засмеялся я, сняв подушку с головы, чтобы увидеть ее сияющую улыбку надо мной, пока я удобно лежал под ней в постели.

— Уже утро! Вставай! Время кофе! — воскликнула Эверли.

Я засмеялся, покачав головой, когда крошечные завитки ее волос пощекотали мою обнаженную грудь.

— Разве большинство людей не зомбировано следуют на кухню в поисках кофе? Я никогда не видел, чтобы кто-то выпрыгивал из постели, практически поющим в ожидании кофе.

— У меня просто хорошее настроение.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Ты чего-то хочешь, — заметил я, не вслушиваясь в ее разговор о подушках.

Притворившись невинной, Эверли набросилась на меня, пытаясь подавить смех, закипающий в ней, как старая печь собирающаяся взорваться.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь!

Схватив девушку за талию, я бросил ее на кровать и оседлал, расположив свои ноги поверх ее бедер.

— Признавайся, Адамс. Что за позитив с утра? Я знаю, что хороши в постели, но, как правило, только кофеин может вызывать такой уровень радости утром.

Я остановился на секунду, а затем посмотрел на то, что на ней было одето. Леггинсы и футболка.

— Дай мне почувствовать запах твоего дыхания, — потребовал я, пока она извивалась подо мной.

— Какого черта? Нет! — она визжала, смех, который Эверли держала внутри, прорывался. Я притянул ее к себе, быстро почувствовав запах кофе в дыхании, я знал, что обнаружу именно это.

«Предательница».

— Ты уже проснулась!

— Кофе придает мне мужества! — она засмеялась, когда я начал наказывать ее, нещадно щекоча пальцами. Девушка визжала и хихикала, звук наполнял меня миром и спокойствием, которое я думал, что никогда не почувствую. Это было как сладкий звук ангелов в моих ушах, и теперь, когда я слышал его, чувствовал его в глубине души, я знал, что никогда не буду прежним.

Я не смогу быть в этом мире без него.

— Для чего? — спросил я, пока она вырывалась из моей хватки, умоляя о милости, которую я даровал.

— Ну, я подумала... — начала объяснять она, переместившись на кровати так, чтобы сесть, скрестив ноги, напротив меня. Я лег на спину и закинул руки за голову. — Я знаю, как важно для тебя, чтобы мои друзья знали о тебе.

Я остановил ее, протянув руку, чтобы намотать локон волос вокруг пальца, когда заговорил:

— Я же сказал, что это может подождать. Это не должно произойти сразу, Эверли.

— Я знаю это, но я готова, — ответила девушка, слегка закрыв глаза, когда позволила себе сдаться ощущению пальцев в ее волосах. Это заставило меня задуматься, было ли это то, что ей всегда нравилось.

«Делал ли я это раньше?»

— Я чувствую, чем дольше мы не говорим людям, тем больше времени это не реально, — продолжила она. — И я хочу это изменить. Не хочу просто сидеть и играть с тобой, Август. Я хочу, чтобы мои друзья знали, кто ты и что ты значишь для меня. Я хочу, чтобы ты был в моей жизни.

Мое сердце ускорилось в моей груди.

— Я тоже этого хочу.

— Хорошо, тогда это подводит меня к следующему пункту.

— Хорошо, — сказал я, с любопытством приподняв бровь.

— Я хочу пригласить Сару на ужин.

— Сара? — переспросил я, сомнения начали оседать в яму моего пустого желудка, я громко сглотнул. — Твоя лучшая подруга, которая ненавидит меня? Эта Сара?

Девушка кивнула.

— Было бы лучше, если бы ты столкнулась с ней одна, и мы сделали бы это поэтапно... как они это делают, когда вводят какого-то дикого животного или что-то в этом роде?

Эверли рассмеялась.

— Ты сравниваешь себя с диким животным?

— Кто сказал, что я буду атаковать кого-нибудь? — поморщился я.

— Ладно, ладно... Я знаю, что не нарисовала ее в лучшем свете, — сказала она.

— В лучшем свете? За последние два года ты в основном заставляла ее ненавидеть меня, и не то, чтобы я обвиняю тебя, учитывая обстоятельства, но это фигово для нового парня. Между прочим, это все еще я.

— Я знаю, — сказала она, взяв меня за руку. — Поэтому я хочу, чтобы Сара была здесь, вокруг нас, чтобы показать ей, что ты изменился. Говорить ей — это одно, но увидеть своими глазами? Я надеюсь, что ты можешь изменить свое мнение быстрее, чем я.

— Ладно, — согласился я с неохотным кивком. — Но если всё пройдет плохо, помни, это была твоя идея.

— Согласна.

— Но, во-первых, у нас есть свидание в темной комнате, — сказал я, озорная усмешка распространилась по моему лицу.

Ее глаза расширились, когда она вспомнила фильм, который мы записали накануне вечером.

— Догони! — закричала Эверли, выпрыгнув из кучи скомканных одеял на кровати к двери. Я поймал ее, прежде чем она продвинулась на два фута, и бросил через плечо на кровать, когда помчался вниз.

Оказывается, разработка этих картин была такой же забавной, как и их создание.

***

Эверли была на кухне весь день, измельчая и перетасовывая, бог знает что.

Кажется, Сару ждет великий пир.

За последние несколько недель я много слышал о лучшей подруге Эверли. Я был взволнован и напуган встречей с ней. Кроме Райана, и я думаю, ее адвоката, Сара была единственной константой в жизни Эверли за последние два года. Она была там с самого начала, и я знаю, что ее мнение было высоко оценено.

Мне не нравилось находиться на плохой стороне этого мнения.

Я надеялся, что к концу вечера она станет ненавидеть меня немного меньше, и каким-то чудом не будет таскать Эверли за волосы, чтобы снова вбить в нее здравый смысл.

Я предложил пойти куда-то на нейтральную территорию. Куда-то, где кричат: «Эй, посмотри на мой полный дом!» (прим.: имеется в виду игра в покер). Но Эверли наложила вето на эту идею, решив, что, поскольку мы теперь официально пара, то должны представить себя так.

В нашем большом доме, который я купил раньше, когда неплохо зарабатывал.

Черт.

Я уже выглядел мудаком.

Я глубоко вздохнул, когда вытащил из ящика джинсы и схватил черную футболку. Я не собирался наряжаться. Не хотел казаться старомодным или перегруженным собственной самооценкой.

Просто надел джинсы и футболку с изображением парня. Ничего страшного.

Но когда я сбежал по лестнице на кухню, чтобы помочь Эверли с любыми приготовлениями в последнюю минуту, я знал, что Сара заставит меня почувствовать себя мудаком, который украл у нее лучшую подругу.

Прогуливаясь по кухне, я широко раскрыл глаза.

— Мы пригласили весь балет на обед? — спросил я, когда просматривал стол, заставленный разнообразными блюдами.

— Я вышла немного за рамки, да? — спросила она, кусая свою нижнюю губу, когда осмотрела кухню.

— Немного? Похоже, все крупные праздники объединились здесь, — засмеялся я, заглядывая, чтобы увидеть, что было под некоторыми закрытыми блюдами.

— Не трогай! — отругала она. — Ты выпустишь весь жар.

— Я думал, ты сказала, что Сара похожа на тоненькую веточку. Почему ты так много приготовила?

— Вина, — ответила она. — Я всегда много готовлю, когда чувствую себя виноватой.

— Я в курсе, — усмехнулся я, хватая ее за талию и притягивая к себе. — Я буду обязательно использовать это в свою пользу, когда буду чувствовать голод.

Эверли засмеялась, ее губы прижались к моим, как раз когда раздался стук в дверь.

— Черт побери, — я проклят.

— Она здесь, — сказала Эверли, ее глаза вдруг распахнулись от паники.

— Эй, успокойся. Ты хочешь, чтобы я открыл дверь? — спросил я.

— Нет! Боже, нет. Она с тебя шкуру заживо снимет. Я пойду. Почему бы тебе не достать вино? — предложила она, бросая полотенце на стойку.

— Конечно.

Я смотрел, как Эверли пригладила волосы, сделала глубокий вдох и пошла по направлению к входной двери. Я знал, что она была комком нервов, но девушка справляется с этим хорошо. Сара много значила для нее, и я знал, что сегодняшний день был важен для Эверли.

Я не хотел облажаться.

Повернувшись, я начал искать вино, которое она упомянула. Единственное вино, которое я выпил, с тех пор, как пробудился, было в ресторанах, один или два бокала. Я

решил, что больше пью пиво, и его было довольно много, когда закончились мои винные дни.

Пока не появилась Эверли.

Она любила вино. Понравилось все – цвет, вкус и запах. Это было похоже на взрослый вариант кофе для нее. Она не пила его каждую ночь, и ей определенно не нужен полный бокальчик, чтобы проснуться утром, но она любила выпивать бокал за ужином, заказывая его в редких случаях, когда мы выходим куда-нибудь.

Теперь, если бы я мог просто выяснить, где она ее хранила.

Открыв холодильник, я заглянул и нашел внутри бутылку белого вина. Мне просто нужно было найти красное. Удача была на моей стороне, когда я обнаружил, что она стоит у бокалов, которые были выставлены ранее.

Теперь мне просто нужно было выяснить, как открыть эту проклятую вещь.

Оглядываясь вокруг, я нашел винный штопор в ящике и начал сложный процесс открытия моей первой бутылки вина. Я начал с того, что долго пялился на штуковину, а потом смотрел на бутылку.

Это не принесло никаких результатов.

«Черт».

Эверли и Сара собирались зайти сюда и увидеть, как я стою, словно абсолютный идиот, потому что я понятия не имел, как открыть вино.

Отличное первое впечатление.

Не желая тратить больше времени, я раздвинул винный нож и положил его на бутылку, вворачивая винтообразно до тех пор, пока... хрень – что мне теперь делать?

Я пытался потянуть. Ничего. Эта маленькая чертова пробка была плотно закреплена.

— Тебе нужна помощь, малыш? — голос Эверли раздался на кухне.

Я остановился, увидев ее и Сару, которые пялились на меня из дверного проема.

— Я никогда не открывал бутылку вина, — признался я. — Или просто я не помню.

Думаю, это не одна из тех вещей, которую я вспомню, как только возьмусь за штопор.

Эверли, всегда терпеливая и добрая, вышла вперед, забирая у меня бутылку и показывая мне, что я сделал не так. Я смотрел, как она зажала винный нож вниз, что позволило вытащить пробку.

— Так просто, — сказал я, тряся головой и усмехаясь.

— Все в порядке, — сказала она с теплой улыбкой.

Я взглянул на Сару, наблюдающую за этой сценой. Ее глаза бегали туда-сюда между нами, анализируя и препарируя каждое наше движение и взаимодействие. «Она ждет, когда я ошибусь, чтобы сделать что-то, на чем она могла бы меня подловить. Что?» Я не знал

точно, но догадался, что она не приехала сюда без предупреждения. Не то, чтобы я ожидал меньшего от того, кто любил Эверли так яростно.

Нет. Я действительно уважал ее больше из-за этого.

Но это не облегчило мою работу.

— Так ты говорила с Райаном в последнее время? — спросила она, ее взгляд бегло оценил мою реакцию, прежде чем она повернулась к Эверли.

— Что? Нет. Почему ты спрашиваешь об этом? — проговорила Эверли быстро, глядя на меня и словно извиняясь. Я послал ей теплую улыбку, когда она передала мне бокал красного вина. Я передал его Саре как жест доброй воли, но она просто поставила его на стойку, безусловно, запланировав свой следующий шаг.

— Ну, это просто — он был большой частью твоей жизни. Я думала, тебе будет, по крайней мере, не все равно, как он после всего этого.

Штопор грохнул по стойке, когда Эверли хлопнула руками вниз в разочаровании.

— Послушай, я понимаю, ты злишься. Между нами все сложно сейчас. Но я пригласила тебя сюда, не для того, чтобы ты могла спровоцировать еще однуссору, Сара. Я понимаю, что Райану, вероятно, больно. Это меня расстраивает? Да. Но давай не будем забывать, кто начал все это. Непохоже, что я оставила его.

— Но ты оставила его, — Сара отступила назад, ее голос поднимался, чтобы соответствовать Эверли. Гнев в комнате был ощутим, и я вдруг почувствовал себя пойманным между ними, без всякого представления, что делать. Я слышал, что разнимать кошачий бой — плохая идея. Я был уверен, что та же логика применима и к женщинам.

— Я сделала именно то, что он сказал мне сделать, Сара! — крикнул Эверли. — Я дала Августу шанс, и, черт возьми, если он не прав. Я знаю, что это больно, и знаю, что это испортило твои драгоценные планы на свадьбу, но ты можешь быть хреновым лучшим другом и быть счастливой за меня?

— Я просто не хочу, чтобы ты страдала, — сказала она мягко.

— Это не твоя работа! Ты не можешь просто быть рядом со мной?

— Да, — ответила она, и слезы потекли по ее щекам.

Это была женская перегрузка драмы, а я был в замешательстве. Они кинулись друг к другу, обнимаясь и плача, как подростки, пока я топтался в углу с бутылкой вина, гадая, когда все это закончится.

— Я подготовила тебе еду — много еды, — сказал Эверли между шмыганьем. Сара оглянулась вокруг, ее глаза широко раскрылись от удивления. Она была так сосредоточена на своей миссии уничтожения этого вечера, что не заметила груды пищи, сложенные везде.

— На всю мою жизнь? — спросила она со смехом, когда схватила салфетку и начала промокать глаза так, как делают это женщины. Эверли сделала то же самое, но гораздо быстрее, а затем начала поднимать фольгу с лотков и вытаскивать тарелки.

— Я собиралась поставить все на обеденный стол, но сейчас беспокоюсь, что к тому времени все остынет. Так почему бы нам просто не посидеть здесь и не поесть в гостиной? — она предложила.

— Звучит здорово, — согласился я, наливая себе стакан белого вина, когда Эверли вручила Саре первую тарелку и поручила ей накладывать. Когда я посмотрел на все, что сделала Эверли, я понял, какой у нее талант. Я знал, что в тот вечер, когда смотрел, как она превратила несколько кусочков еды на моей кухне в пятизвездочную трапезу, что у нее есть потенциал, но теперь, глядя на стойку, я увидел, какой замечательный подарок у нее был.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы готовить профессионально? — спросил я, когда взял тарелку со стойки и начал поедать цыплят-тетразини, самодельную лазанью и чесночные булочки.

— Иногда, но у меня есть кофейня, — пожала плечами она.

— Ты никогда не заставишь ее покинуть кофейню, — сказала Сара. — Она любит её.

— Ну, пока она делает то, что ей нравится, я доволен, — ее глаза встретились с моими, и она тепло улыбнулась.

— Но разве ты не думаешь, что она должна делать больше? — спросила Сара, когда мы принесли тарелки в гостиную. Ее пытливый взгляд следил за мной, когда я сел на полу перед журнальным столиком рядом с Эверли.

— Она пытается тебя заманить в ловушку, Август.

— Возможно, мы с Эверли помирились, но это еще не значит, что я потеплела к тебе, — призналась Сара.

Я пожал плечами.

— Я понимаю это. И, честно говоря, я не имею право диктовать, как Эверли жить. Если кофейня делает ее счастливой, тогда она должна заниматься этим, пока ей это не надоест. Я больше не тот парень. Черт, я даже не работаю. Я не имею права никому говорить, что делать с их жизнью, когда я не делаю дерзко с моей собственной. Я не хочу запугивать ее, ни сейчас, никогда.

Она не ответила, но ее молчание дало мне надежду.

Сара и Эверли провели ужин, болтая обо всем. Я слушал, как они говорили о своей работе, жизни и Табите. Сара любила свою жизнь в центре внимания, хотя та была изнурительной.

— Вы даже не захотите видеть мои ноги, — сказала она в отношении жестокого графика, который была вынуждена соблюдать.

— Я никогда не захочу видеть твои ноги, — прокомментировала Эверли с ухмылкой.

— Они противные.

— Что ж, это чудо, что я могу ходить несколько дней.

— У тебя нет дублера? — спросил я. Обе женщины посмотрели на меня так, будто я сказал плохое слово.

— Что?

— Сара ненавидит своего дублера — со страстью поклялась, что та никогда не выйдет на сцену вместо нее.

— Есть ли причина? Или это за пределами моего понимания, как парня? — спросил я, вытаскивая чесночный хлеб, чтобы собрать какой-то невероятный соус из лазаньи.

— Да, но это сложно. Это старое соперничество. Просто танцевальная драма, — она пожала плечами, когда толкнула немного оставшейся пасты по тарелке.

— Даже я не понимаю, — Эверли вмешалась в разговор.

— Но ты поддерживаешь ненависть, потому что...

— Это то, что делают лучшие друзья, — сказали они в унисон.

— Понятно все с вами, — я поднял руки в капитуляции.

— Что случилось с таинственным человеком, с которым ты встречалась? — спросила Эверли, когда она начала собирать тарелки с нашего праздника.

— Он рядом, — смутно ответила Сара, самодовольная улыбка растянулась по ее губам.

— Почему ты такая скрытная?

— Я просто не хочу облажаться, — призналась она. Ее пальцы играли на ободке пустого бокала вина. — Он идеален, и я никогда не чувствовала себя так.

— И ты думаешь, что, сказав мне это, допрос закончится?

— Не знаю, — ответила она честно. — Мне просто нравится, когда он сам по себе. Прежде чем мы начнем вовлекать друзей и, — она издала дрожащий звук, прежде чем продолжить, — семью, я хочу знать, что это реально. И хорошо.

— Посмотри на меня, Сара. Это никогда не будет реальным, пока вы не перестанете скрываться.

Она посмотрела на нас, вздохнула, но просто покачала головой.

— Это другое. Я не могу объяснить, это просто... сложно.

— Хорошо, хорошо... я буду здесь для тебя, когда ты будешь готова показать этого человека. Он настоящий, верно? Я имею в виду, это настоящий живой человек? — пошутила Эверли, и смех последовал за этим. Сара показала язык, который только усилил смех.

— Очень смешно, — сказала Сара. — Да, он реален. Подожди. Надувная кукла считается, верно? — она хихикнула.

Я собрал все тарелки и направился в кухню. Звук их счастливого воссоединения последовал за мной, и я почувствовал огромную радость за Эверли.

Приятно было видеть ее спокойной и беззаботной со своим лучшим другом. Я никогда не хотел, чтобы она чувствовала себя обособленно от любого аспекта своей жизни, потому что выбрала меня.

Я никогда не хотел, чтобы она жалела обо мне. Потому что я знаю, что никогда не пожалею о ней.

— У меня есть еще несколько блюд для тебя, — сказала Сара, когда она вошла в кухню позади меня.

— Благодарю. Ты можешь просто положить их туда, — сказал я, указывая на столешницу рядом с раковиной. — И я позабочусь о них через минуту.

— Вообще-то, я хотела поговорить с тобой наедине, если ты не против.

— Конечно, — ответил я, положив пустой бокал, который мыл в раковине, чтобы обратить к ней всё моё внимание.

— Я приехала сюда сегодня вечером, чтобы вытащить Эверли отсюда с кулаками, если понадобится.

— Ты же знаешь, что я буду сражаться с тобой за нее, — улыбнулся я.

— Я это понимаю. И готова дать тебе испытательный срок, — объяснила она, ее руки сомкнулись на груди.

— Испытательный срок? — повторил я. Я переместился в сторону и прислонился к стойке, надеясь понять, куда этот разговор может привести меня. Я понял ее ярость — ее потребность защитить друга. Но я не отступлю.

— Я была другом Эверли в течение двух лет. Я была с ней, когда она подобрала свою жизнь из проклятого бетона и сложила ее вместе. До сих пор есть дерьмо, которое она мне не расскажет, что происходило в этом доме. Все, что я знаю, ты был чертовым сукин сыном.

Вздрогнув от резких слов, я перебил ее. Каждым словом можно было заклеймить мою грудь от искренности, которую я поставил за каждым из них.

— Я больше не он.

— Я начинаю это видеть. Но я до сих пор не доверяю тебе полностью.

— Это справедливо, — ответил я, оценив ее честность.

Не торопясь, Сара медленно вытерла руки о кухонное полотенце, прежде чем взглянуть на меня, выражение ее лица было решительным.

— Итак, второй шанс, Август. Сделай ее счастливой. Дай ей лучшую жизнь, которую ты можешь, потому что если кто-то и заслуживает этого, то только Эверли. Но я клянусь, если ты причинишь ей боль, я удостоверюсь, что ты никогда ее больше не увидишь. Ты понимаешь?

Кивнув головой в понимании, я сказал.

— Если я снова причиню ей боль, я не ожидаю ничего меньшего.

— Хорошо, — ответила она, бросая полотенце на стойку. — Теперь, Эверли послала меня сюда за тортом. Направь меня в сторону шоколада.

Я усмехнулся, удивляясь ее способности сменить направление беседы без особых проблем, и указал на массивный холодильник. Открыв его, девушка задохнулась. За этим последовало множество ругательств из уст балерины.

— Я думаю, что мой дублер мог заплатить ей, чтобы уничтожить меня, — почти заплакала она, вытаскивая массивный шоколадный торт размером почти с Техас.

— Нет, она просто любит тебя, — усмехнулся я, заметив свою порцию, когда она положила ее на стойку. Вероятно, это был размер всей береговой линии Мексиканского залива в Техасе.

Я не был балериной.

— И я люблю ее. Больше, чем ты можешь себе представить. Никогда этого не забывай.

— Я не буду, — поклялся я, глядя на нее пристальным взглядом. — И Сара, спасибо, что любила ее, когда я не мог.

Она не сказала ни слова, но просто кивнула.

Это был не слэм-данк (*прим.: вид броска в баскетболе (а также стритболе и слэмболе), при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз*), но в течение вечера, Сара и я смогли увидеться с глазу на глаз, и я понял, что мы оба бьемся за одну команду. Команду Эверли.

И все это имело для меня значение.

Глава 27

Эверли

Разбивающиеся волны однажды стали для меня чем-то вроде утешения. Нескончаемый каскад звуков был чем-то определённым, непрерывный уверенный вибраторо (*прим: вибраторо – это периодически изменяющийся тон звука, по высоте, силе и тембру соответственно*), убаюкивающий меня, снимающий стресс и успокаивающий тревогу, когда я не могла заснуть.

Но сейчас он лишь напоминал о том, где я.

Каждый удар волн о скалы внизу, ненавязчиво напоминал мне о том, что этот дом стал мне тюрьмой.

Он снова бросил меня здесь.

Это превратилось в такую обыденность, что я перестала спрашивать, куда он уходит.

За секунду до того, как захлопнулась дверь, мы встретились взглядом, и клянусь, я увидела в его глазах каплю раскаяния, спрятанную за непреклонностью. Но потом его снова перетянуло во тьму, и я осталась одна.

И мне некого было винить, кроме себя.

Когда-то я была сильной женщиной, кем-то достойной любви. Но сейчас от неё осталась лишь безжизненная раковина.

Волны продолжали биться о скалы, и я чувствовала себя запертой в консервной банке. Я стёрла каплю пота с брови, меряя шагами пространство туда-сюда, пытаясь скоротать время до его возвращения.

Двадцать два.

Двадцать два раза. Вот сколько раз он запирал меня здесь.

В первый раз я плакала и звала его, когда он ушел, умоляя его передумать. Что я натворила? Почему он делал это со мной?

А сейчас он уходил в тишине. Ничто не могло изменить его решение. После двадцати двух заключений, я поняла, где моё место.

Я до сих пор не понимала, почему это происходит. Да и задумываться перестала.

Оглядывая комнату, я теребила руками ожерелье, лежащее на ключницах, и изучала картины на стенах, рассеянно размышляя, замечал ли он их когда-нибудь.

Помнил ли он, с какой гордостью развешивал чёрно-белые фотографии по всей комнате? Меня ужасно смущало собственное изображение, развешенное повсюду, но он лишь обнимал меня со спины, скользя руками по телу, изучая свои шедевры.

— Я хочу, чтобы моя королева была хорошо видна, — шептал он.

Помнил ли он, как сильно когда-то любил меня?

***

— Проснись и пой! — раздражающее прозвенел голос сквозь дымку сна.

— Нет, — заныла я, вытряхивая из головы мучительное сновидение. Август больше не был призраком прошлого. Он был здесь. И он был моим.

— Ещё рано, — пробурчала я.

— Ничуть, — так зловеще захихикал Август, что мне захотелось ему врезать.

Очень сильно.

— Рано. Утро должно включать в себя солнце, пение птиц... кофе и счастье, — приподнимая голову от подушки, я приоткрыла глаза, не увидев ничего, кроме темноты. — И ничего из этого сейчас нет. Так что никакого просыпания и уж точно никакого пения. Проваливай.

Моя голова победно плюхнулась обратно на подушку.

— Тебе ли не знать, жаворонок, что утро начинается с темноты.

— Это рабочее утро начинается так, — чем больше я говорила, тем выше становился тон моего голоса. Сейчас он колебался между раздражающей подружкой Чендлера из «Друзей» (*прим.: речь идёт о Дженис, с которой встречался Чендлер Бинг в популярном телесериале «Друзья»*) и мисс Пигги (*прим.: мисс Пигги – персонаж детского шоу «Маннэт Шоу»*). — А рабочее утро не считается.

— Этот диалог прекратится, если я скажу, что у меня есть кофе?

— Нет, нету, — ответила я, и мой голос звучал всё раздражённее с каждой секундой.

— Откуда тебе знать?

— Потому что, Эйнштейн, я бы его учゅяла. Я работаю в кофейне и... это что, кофе? — спросила я, почувствовав в воздухе аромат кофейных зёрен. Глаза распахнулись, и я увидела перед собой металлическую походную кружку.

— Ловко, — сказала я, — спрятал в металлическую кружку. Но почему походная? И какого лешего ты будишь меня на чёртовом рассвете... да ещё в мой день рождения? — я прикоснулась губами к кружке и сделала первый утренний глоток, готовясь получить чёрную жижу, учитывая, кто её варил.

— Bay! Как вкусно! — воскликнула я, в изумлении посмотрев на кружку.

Август засмеялся.

— Постараюсь не принимать слишком близко к сердцу твоё изумление.

— Извини! Это, правда, вкусно! Но не объясняет, почему я не должна спать прямо сейчас.

— Это твой день рождения, — сказал он, словно это и было объяснение.

— И..?

— Я обещал, что это будет лучший день в твоей жизни.

— И лучший день в моей жизни начинается в шесть утра? — спросила я, уставившись на часы на прикроватной тумбочке.

— Ага! А теперь тащи свой зад в душ! — он шлётнул меня по заднице и ухмыльнулся. — Мы выезжаем через час.

***

— Проклятье! Ну почему здесь уже такая толпа? — спросил Август, когда мы, наконец, вывернули на парковку лесопарка Мьюир Вудс (*прим. Мьюир Вудс или Мьюирский лес — национальный заповедник к северу от Сан-Франциско. Знаменит тем, что основу его составляет секвойя — одно из самых высоких деревьев на планете*).

Парковка была полностью забита. В восемь утра.

— Потому что это Мьюир Вудс, — сказала я с легкой усмешкой.

— Знаю, но я думал, что выехав на чёртовом рассвете — как ты мило выразилась — мы избежим туристов.

Я встряхнула головой, стараясь не рассмеяться.

— Неа. Ты лишь присоединился к толпе идиотов, несущихся сюда со всех ног на чёртовом рассвете.

— Что ж, твою мать.

— Если проедешь дальше, вниз по улице есть ещё парковка, — я показала на длинную изгибающуюся улицу, по которой мы ехали до поворота на парковку.

— Надеюсь, ты не против прогуляться, — нахмурился Август.

— Здесь? Конечно, нет, — улыбнулась я. Он двинулся по дороге дальше, увидев небольшое свободное место. Небольшое усилие, параллельная парковка — и через несколько минут мы уже шли, взявшись за руки, ко входу. Старая добрая камера висела у Августа на шее.

— Спасибо за всё это, — сказала я, глубоко вдыхая чистый воздух.

— Я знаю, что тебе понравится здесь, и, как я и сказал, это будет лучший день в твоей жизни, — напомнил он с самодовольной ухмылкой. Она тронула уголки его глаз маленькими морщинками, которые мне так нравились. Заглядевшись на их удивительное сочетание с ореховыми глазами и рельефной челюстью, я едва не врезалась в толпу впереди, выровнялась и снова пошла вместе со всеми.

— У тебя свисает слюнка... вот здесь, — засмеялся он, отмечая мою рассеянность.

— Заткнись.

Мы дошли до деревянного домика администрации, чтобы купить билеты. Я столько раз была с ним здесь, что само это место казалось нашим.

Словно мы вернулись домой.

Но для него это всё было словно впервые.

Столько прекрасных воспоминаний было утеряно.

И понимание того, что прежде чем создать новые воспоминания, ему пришлось потерять всё прошлые, словно бы промыть мозги, это причиняло боль. Чувство вины за то, что он потерял все воспоминания детства: его родители, семья... причиняло боль. Много боли.

Если бы я знала, что это единственный способ вернуть обратно того мужчину, что я знала прежде, до того как деньги и власть захватили его, выбрала ли я ему такую жизнь? Был бы это эгоизм с моей стороны, желать кому-либо такую жизнь, только чтобы вернуть человека, которого я помнила?

Это был один из тех вопросов, что я продолжала задавать себе, хотя уже знала ответ.

Однажды я была безнадёжно влюблена в монстра и сейчас с радостью вернула бы его обратно.

Любить было так просто. Жизнь же, напротив, была воплощением хаоса.

— Скажи, почему тебе так нравится это место? — спросил Август, после того, как пожилой мужчина в окошке продал нам билеты. Он следовал маленькой карте, на которой были указаны разные тропы и указатели вдоль пути, а я просто наслаждалась воздухом. Мне не нужна была карта, чтобы указывать мне дорогу.

Я бродила по этим извилистым тропинкам столько раз, что невозможно сосчитать.

— Этот запах, — ответила я.

— Тебе нравится запах?

— Да... вдохни поглубже, — посоветовала я, присматривая для нас местечко на обочине. Я наблюдала, как он в изумлении покачал головой, когда встретился со мной взглядом, но парень всё же сделал, как я сказала, и глубоко вдохнул, впуская в лёгкие горный воздух.

— Что ты чувствуешь? — спросила я.

— Воздух? — ответил Август, с кривой усмешкой.

— Серьёзно? И всё?

— Горный воздух? — уточнил он, наблюдая за тем, как я делала глубокие вдохи, спускаясь по тенистой тропе. — А что ты чувствуешь?

— Всё, — ответила я. — Освежающий аромат дерева, резкий запах земли с привкусом чистой струящейся воды. Это лучший освежитель воздуха, который только можно купить за деньги, но невозможно упаковать в бутылку, потому что его невозможно повторить.

Он ничего не ответил, и мы прогуливались по тропе между деревьями, а Август делал снимки. Остальные обходили нас — семьи, пары и даже несколько школьных групп, тыкающие пальцами вверх, разглядывая гигантские секвойи. Выезд из города был лишь в получасе езды, но вступая сюда, ты словно оказываясь в другом мире. Настолько далёком от шума и суеты, что казалось, лес дышал уединением и не потревоженным спокойствием. Даже носящиеся туда-сюда по дорожке школьники не могли лишить меня чувства умиротворения, которое всегда возникало в этом месте.

— Что ещё? — спросил Август.

— Что? — переспросила я, взглянув на небольшой островок неба между деревьями.

— Что ещё тебе нравится здесь? — мягко спросил он.

Я оглянулась, пытаясь выбрать что-то одно. Мне нравилось здесь всё, абсолютно всё. Уединение. То, как я чувствовала себя здесь. То время, что мы проводили с ним здесь так давно.

— О, это здесь, я покажу, — сказала я, потащив его за собой вдоль тропы. Мы подошли к одной из моих любимых отметок. За многие годы из-за штормов или из-за засухи здесь повалилось множество деревьев, и вместо того, чтобы передвигать их, департамент лесничества обычно оставлял их там, где они упали, если это не мешало тропе или не создавало угрозу безопасности. В этом случае, самое старое дерево разрезали напополам, чтобы продемонстрировать невероятные годичные кольца гигантской секвойи.

— Здесь, — сказала я, указывая на дерево со множеством колец. Здесь было несколько отметок, указывающих на значимые исторические события, которые произошли почти тысячу лет назад. — Когда я стою здесь и смотрю на это дерево, то чувствую себя такой незначительной.

— Что? — лицо Августа вытянулось в изумлении.

— Не перебивай, — усмехнулась я. — Прежде, чем это дерево упало, оно прожило почти девятьсот лет. Ты и я оказались бы лишь пылинкой, крохотным маячком на этом радаре времени, едва заметные по сравнению с ним.

— Как-то не весело.

— Заткнись, я рассказываю, — засмеялась я. — Иногда, когда жизнь становится слишком безумной, и я чувствую, что хуже уже не может быть, мне нравится приходить сюда и вспоминать, что я не единственная в этой вселенной. Что почти за десять сотен лет жизни этого дерева сотни тысяч людей жили и умирали, чувствуя в какой-то момент то же

самое, что и я... и велика вероятность, что их жизни были хуже, чем моя, потому что у меня, по крайней мере, есть фен и водопровод.

Август усмехнулся и закатил глаза.

— Есть целая тонна причин того, почему я люблю эти леса, но одна — самая большая.

Они возвращают меня к реальности.

— И прекрасно пахнут, — подмигнул Август.

— Да, пахнут просто невероятно.

— Тебе только что снесло крышу от воздуха и деревьев, — сказал он с ухмылкой.

— Да, и что?

— Это охренительно мило.

— Погоди только, пока я не начну говорить о водопадах. Я обожаю водопады... о, и ручьи!

Август расхохотался.

Мы спускались по тропе, болтая всю дорогу, пока я показывала свои любимые места и даже делилась некоторыми воспоминаниями.

— Однажды ты поцеловал меня здесь, — сказала я, указывая на растущее вдоль тропы дерево с огромной дырой в стволе. Это было любимое место для снимков у туристов, и обычно здесь была очередь, но благодаря нашей медленной прогулке, мы отстали от толпы и оказались в одиночестве.

— Прямо здесь? — спросил Август, толкая меня к дереву.

— Да, — ответила я, громко сглатывая, когда мы встретились взглядом.

— Как-то так? — он приподнял мой подбородок и медленно провёл губами по моим губам. Жар от его дыхания скользнул по моей щеке, и по моей спине пробежала дрожь.

— С днем рождения, Эверли, — прошептал он, захватывая в плен мой рот. В моём животе порхали бабочки, а я вцепилась в него, желая оказаться подальше от посторонних глаз. Единственное, что я хотела на свой день рождения — его. И только его.

Сейчас же.

Когда он отстранился, от его улыбки останавливалось сердце. Я видела несколько молодых туристок в юбках сзади нас, и смущение на их лицах было очевидным. Я посмотрела на Августа, распахнув глаза от смущения. А он лишь рассмеялся и схватился за камеру, показывая фотографии, что он сделал без моего ведома.

«Дьявол, с губами этого парня на моих, сквозь лес мог проломиться танк, а я бы и не заметила».

— Я хотел заснять этот новый поцелуй на память, — объяснил Август, пока я разглядывала эту весьма нескромную картину.

— Бедные ребяташки должно быть напуганы до смерти, — заметила я.

— Эти бедные детишки скорей всего делали что-то и похлеще, — уточнил он.

— Скорей всего так. Когда я была в их возрасте...

— Стоп! Не хочу ничего знать, — он поднял руки в знак протеста, пока мы пробирались обратно к администрации.

— Что значит «не хочу ничего знать»? Я-то всё знаю о твоих похождениях.

— Да, но я не хочу. И, честно говоря, об этой стороне своей жизни я тоже знать не хочу. Теперь у меня есть ты, и это всё, что имеет значение.

— И для меня так же?

Он кивнул.

— Да. Раз уж речь обо мне, считай, что у тебя тоже амнезия, и ты забыла всех, кроме меня, так что мы равны.

— Ты же понимаешь, что это глупо.

— Такой вот я дурак, — пожал плечами Август, — за это ты меня и любишь.

Мы оба застыли и всё вокруг замерло.

Удивлённое выражение на его лице дало мне понять, что он не собирался этого говорить. Но сказал.

Слово на букву «л».

Я повернулась к нему с колотящимся сердцем и ответила.

— Да, люблю.

***

— Следующий пункт программы я не могу отнести на свой счёт. По крайней мере, не полностью, — быстро проговорил Август, когда мы оказались на тёмном перекрёстке.

— Ладно, — ответила я, оглядываясь в поисках подсказки. — Ты собираешься купить мне кокаин? Отвести в клуб или набить мне татуировку? — я оглядела сомнительного вида здания вокруг.

На самом деле, мне не было страшно, я когда-то жила в подобном месте. Правда, я тогда была пожёстче, но почти уверена, что если бы дошло до дела, я бы не побоялась пустить в ход кулаки. Или спрятаться за Августа и оказывать ему моральную поддержку.

«Да, этот вариант мне нравится больше».

— Это, несомненно, сделало бы этот день незабываемым, но нет. Не сегодня. Извини. Мы просто собираемся перекусить.

— Правда, не стоило, — засмеялась я, удивляясь, где, чёрт возьми, мы собираемся здесь перекусить. Я не видела ни одного ресторана, если не считать небольшого круглосуточного магазина на улице.

Я не требовала тратить на себя кучу денег, но не испытывала тяги к пищевым отравлениям или тем гадким хот-догам из забегаловки, которые выглядели так, словно лежали там со времен руководства Буша.

Старшего.

— Да ладно, не ставь на мне крест, — сказал Август, открывая дверцу машины с такой усмешкой, что я сразу ощутила себя трусихой. Сделав глубокий вдох, я открыла дверцу и грациозно ступила наружу с высоко поднятой головой. Мы встретились на обочине.

— Куда? — спросила я, выдавая больше уверенности, чем чувствовала на самом деле. Мы переместились из моего самого счастливого места на земле в самое настоящее гетто, и я пыталась сообразить, как это должно сделать этот день самым лучшим.

Но я лишь приняла его руку и последовала за ним. Потому что доверяла ему. Полностью.

Мы прошли небольшой многоквартирный дом. Он напомнил мне о той каморке, которую я снимала до знакомства с Августом. Той, которую так боялась ему показать. Той, по которой парень никогда не судил обо мне.

То место, где я влюбилась в него.

Здесь не было занавесок. Только решётки. Многие ряды решёток. Это было похоже на самую настоящую тюрьму, и я гадала, чувствовали ли это те, кто живёт здесь. Тюрьма – не единственная форма заключения. Иногда сама жизнь может казаться холодной и бесконечной, как эти холодные железные прутья.

Я вспомнила, как стояла у грязных занавесок, тогда, размышляя, найду ли когда-нибудь свой дом, место, где мне захочется остаться. У меня была бесперспективная работа, и всё, что я видела перед собой – препяды и закрытые двери. Август показал мне, что жизнь может быть чем-то большим, чем череда отказов. Он научил меня, что в глазах других людей может быть доброта, и если я захочу большего, то смогу этого добиться.

Даже если это всего лишь должность баристы в кофейне.

Август всегда радовался тому, какой я была... пока деньги не заставили его жаждать большего. Большего от жизни и от меня. Теперь он изменился, и я видела лишь кусочки прежнего Августа, складывающиеся в прежний образ, когда жизнь состояла лишь из него и меня. И ничего больше.

Это давало мне надежду на будущее.

На наше будущее.

Я держала его за руку, пока мы поднимались на третий этаж. Здесь не было лифта, и я удивлялась, как они умудрились избежать ответственности за эту отжившую свой век

рухлядь. Но разглядывая протекающий потолок и истёршийся ковёр, я вспомнила, каково это, жить в таком месте.

Заброшенном месте.

Никого не волновало, работает ли у тебя водопровод и не бегают ли по ночам тараканы по полу. Здесь жили бедняки, забытые системой и брошенные на произвол судьбы.

Я хорошо помнила это.

И у меня сердце кровью обливалось.

Четыре двери по коридору и, наконец, Август остановился. Моя ладонь стала влажной в его руке, и я вытащила её, пытаясь обтереть о джинсы. Я ждала, что он постучит в дверь, тихо стоя за его спиной немного в стороне, словно это что-то изменило бы в моём чувстве собственного достоинства.

Не изменило бы.

Я практически съёжилась от страха.

Бывшая уличная крыса. Забившаяся в угол.

Как далеко я ушла от этого.

Дверь открыл высокий пожилой мужчина. Седые волосы и длинные подкрученные усы показались мне знакомыми. Пока я стояла, уставившись в тёмные карие глаза, пытаясь припомнить, где видела его раньше, я услышала грубоватый бруклинский акцент.

— Это вы Август?

— Да, сэр, — ответил Август.

— Заходите, — ответил старик, пропуская нас мимо ужасного вида двери. Стоило мне ступить за порог, а моему носу вступить в контакт с царящими в квартирке запахами, как я немедленно вспомнила, где видела его прежде.

Я впилась взглядом в Августа.

— Как? — выдавила я, оборачиваясь к пожилому повару, который когда-то был хозяином моей любимой бургерной.

Она закрылась несколько лет назад, и больше о ней ничего не было известно.

— Сара, — сказал Август. — В тот день, на обеде, я показал ей несколько твоих фотографий у бургерной, и она её узнала. Только в отличие от тебя, она знала имя владельца. А только у меня появилось имя, несложно стало найти и его самого.

— Это был самый странный звонок в моей жизни, — заметил старик, покачав головой и перевернув бургер на большой электрической сковороде.

— Меня зовут Эверли, — я подошла и протянула руку. Он сделал так же, вытирая жир с рук краем полотенца, свисающего с его плеча.

— Джоуи, — ответил стариk. — Я тебя помню. Маленькая рыжеволосая девчонка, объявлявшаяся раз в месяц. Дважды, когда выпадал день рождения, — он усмехнулся. — Вместе с мистером Денежный Мешок. Не забывай о нашем уговоре, — предупредил он, смягчая угрозу улыбкой на обветренном лице.

— Не забуду, сэр, — ответил Август, — я намерен выплатить всё до последнего цента.

— В этом я не сомневаюсь. А теперь, что вы хотите увидеть в своих бургерах? — спросил Джоуи, а на моём лице расплылась глупая улыбка.

— Вы будете готовить для нас? — спросила я.

— А зачем ещё вы здесь, дорогуша? Ты думала, вы забрались в эту часть города, чтобы осмотреть окрестности? Твой парень сказал, что ты хотела попробовать моих бургеров на свой день рождения. Я буду готовить, а он отвалит мне за это кругленькую сумму.

— Ты чокнутый, — засмеялась я, шагая к Августу, чтобы положить ладони на его шею.

— Может быть, немного, — подмигнул он, — а теперь, сделай свой заказ!

— Ладно, ладно! — ответила я, с воодушевлением перечисляя всё, что хотела увидеть в своём эпическом именинном бургере. Джоуи лишь кивнул и улыбнулся, не пытаясь записывать заказ. Он никогда и не записывал. Ни один из официантов в его ресторанчике не возвращал рукописный листочек с заказом, когда я была там. Все проговаривалось вслух и исполнялось в абсолютной точности.

— Эм, Джоуи... а почему вы закрыли свой ресторан? — спросила я.

Он долго сверлил взглядом бургеры, молча переворачивая их, словно перед его уставшими глазами пробегали прожитые годы.

— Я не хотел закрываться. Просто так получилось, как это часто бывает. В город пришла крупная сеть, покупатель ушёл, и впервые за долгое время я не смог выплатить аренду. Ресторанный бизнес не так прост. Всегда есть кто-то крупнее и привлекательнее, готовый отобрать твой хлеб. Это место было моими душой и сердцем. С тех пор, я не смог встать на ноги, — он сделал глубокий вдох, несколько раз моргнув, и поднял взгляд. — Но приятно знать, что кто-то скучал по мне.

— Ещё как, — ответила я, — не было другого такого места, как ваше.

— Это была неплохая забегаловка, — согласился Джоуи. — Я частенько проезжаю мимо того места, теперь там продают дурацкий замороженный йогурт. Выглядит так, словно кого-то стошило радугой.

Я не смогла сдержать смешок. Август позади меня хрюкнул от смеха, пока Джоуи заворачивал наши бургеры и картофель фри. Мы поблагодарили его за еду, и Август вручил ему пачку банкнот. Джоуи не стал пересчитывать их, что означало, что либо он нам доверял, либо его это не волновало. И я знала, что это было первое. Каким-то образом старик, который жил в доме больше похожем на тюрьму, почувствовал к нам доверие за те минуты, что мы узнали друг друга.

— Джоуи, я хочу, чтобы у вас было это, — сказала я, потянувшись к часам на моём запястье. Он посмотрел, как я отстегнула их и протянула в своей маленькой руке.

— Немного великоваты, да? — спросил он, посмотрев на большие серебряные часы.

— Да, это был подарок, и я не думаю, что они мне идут. Я решила, что может вам они понравятся, а если нет, то вы сможете вложить их в свой бургерный фонд.

— Бургерный фонд? С чего ты взяла, что я хочу вернуться в дело? — спросил он, переведя на меня взгляд, пробегаясь пальцами по сверкающему металлу Ролекса.

— Вы бы не выглядели таким счастливым, когда готовили, если бы это не было вашей страстью, — ответила я.

Он сглотнул, словно сдерживал рвущиеся наружу эмоции.

— Спасибо тебе, Эверли... Август. Спасибо вам большое.

— Удачи, Джоуи, — ответил Август.

Я помахала на прощанье, и, держа бургеры и картошку, мы вышли их квартиры, а когда я обернулась, ободранные полы и грязные стены больше не казались мне пугающими.

Если Джоуи и я смогли здесь выжить, для всех остальных тоже оставалась надежда.

До тех пор, пока мы помним об этом.

***

— Может ты присмотрел местечко и для того, чтобы съесть их? — спросила я, шаря рукой в пакете, пока аромат заполнял салон машины. У меня уже текли слюнки, и потряхивало от голода, когда я пыталась удержаться от того, чтобы отщипнуть картошки и засунуть её в рот целиком.

Я не могла поверить, что Август разыскал Джоуи и уговорил его приготовить для нас бургеры и картошку.

В его доме.

На электрической сковороде и крохотной плите, которую любой мог купить в Уолмарте (*прим.: крупная торговая сеть*). Я задумалась, что же делало его бургеры такими потрясающими, в то время как мои получались просто вкусными, хотя я готовила их на своей кухне точно так же.

— Вообще-то нет... я думал о нескольких местах у воды, но если у тебя есть вариант получше, дай знать.

— Поверни здесь, — скомандовала я, и он сделал крутой поворот с автострады.

Через несколько поворотов мы въезжали на нужное место — тайное место, куда я приезжала, чтобы побывать в одиночестве. От всего и ничего одновременно. Сюда я приезжала, когда Райан перебарщивал с разговорами о школе и карьере... когда мы с Сарой ругались, или если работа была слишком напряжённой.

Даже бариста может чувствовать переутомление время от времени.

Это всегда было только моим местом. До Августа. Только его я приглашала сюда. И сейчас я снова хотела это сделать.

Август выключил зажигание, взглянул на огромный массив моста на заднем плане.

— У меня есть наша фотография в этом месте, — сказал он, доставая бумажник из заднего кармана. Он вытащил старую потёртую фотографию, которая истрепалась от постоянной носки в бумажнике, но я сразу её узнала.

— Эта старая, — сказала я, улыбаясь, когда на моё лицо упали волосы. Я наклонилась ниже, присматриваясь, чтобы разглядеть надпись, которую сделала когда-то давно. — Мы были совсем детьми, — засмеялась я, увидев дату.

— Ты расскажешь мне об этом дне? — спросил он, когда мы принялись за еду, не давая ей шанса остыть.

— Кажется, мы встречались уже пару месяцев, может дольше. Мы были по уши влюблены. Так было с нашей первой встречи, — призналась я, со стоном откусывая от бургера первый кусок.

Август усмехнулся, с изумлением наблюдая за тем, как я с энтузиазмом поедаю восхитительную еду.

— Я приезжала сюда с тех пор, как была ребёнком. До того, как смогла приезжать сюда сама, я ездила на автобусе и пересаживалась в БАРТ (*прим. BART – система метрополитена в городах Сан-Франциско и Окленд*), чтобы попасть на место.

— Почему сюда?

— Не знаю. Я была в машине с одним из приёмных родителей в тот момент, и я помню, как мы проезжали мимо. Конечно, я сотни раз видела мост Золотые Ворота прежде, раз я выросла в этом городе, но с этой стороны он выглядел грандиозно — огромный, словно мог перемахнуть через весь океан, словно из другого мира. В тот момент моей жизни, мне нужно было что-то волшебное, выходящее за грань реальности.

— И оно стало таким? — спросил Август.

— Для моего восьмилетнего воображения — да. Стало.

Парень поднял взгляд на мост, на сверкающие красные тросы, протянутые от одного конца бухты к другому.

— Понимаю.

Я спрятала смущённую улыбку и продолжила.

— Так что, после того, как мы начали встречаться, я решила, что ты достаточно классный, чтобы привезти тебя сюда.

— Полагаю, сейчас я снова достаточно классный? — мягко спросил он, встречаясь со мной взглядом.

— Весьма, — ответила я, забыв про еду.

— И что же делают классные парни в местах вроде этого? — спросил Август.

Я провела пальцами по рельефу его груди и закусила губу.

— Творят магию, — ответила я, подталкивая его назад, чтобы показать, сколько волшебства может быть в обычном мосте.

Глава 28

Август

Я больше не скучаю по воспоминаниям.

Жизнь с Эверли заполнила меня.

Заполнила мое существование.

Впервые с тех пор, как я проснулся один в больничной койке, я не искал то, что было потеряно для меня.

С ней я нашел все.

Все встало на свои места. Я мог видеть наше будущее, чувствовать его... схватить его кончиками пальцев. Жизнь двигалась вперед, и у меня наконец-то было все, что я искал.

Пока все это не ускользнуло так быстро, что я не мог ничего сделать, кроме как смотреть, как все вокруг рушится, как песок.

***

Рассматривая гигантские десерты в местной пекарне, я попытался принять быстрое решение и потерпел неудачу.

После недели полнейшего блаженства с Эверли, я до сих пор понятия не имел, какой ее любимый десерт.

Думаю, я мог бы добавить это в кучу вещей, которые осталось обнаружить. Это вдруг стало моим любимым развлечением.

— Могу я вам помочь? — спросил пожилой человек за прилавком. У него были добрые глаза и кусочки муки на его обветренном лице. Основываясь на недостатке сотрудников и размере места, я предположил, что он был владельцем.

Когда мужчина отступил, выпрямив свое уставшее, старое тело, я снова посмотрел на большой прилавок десертов, задумываясь, сколько времени требуется ему, чтобы сделать каждый из них вручную. И так каждый день.

— Что бы вы порекомендовали для любителя кофе? — спросил я с усмешкой, пока исследовал работу его жизни. Каждый десерт был как произведение искусства, и я мог видеть гордый блеск в его глазах, когда он заговорил.

— О, хорошо, вы не ошибетесь в шоколаде, — ответил он, указывая на несколько разных пирожных, печенье и брауни, которые были особенно хороши.

— Я возьму их все, — сказал я. Его глаза загорелись от восторга.

— Да, сэр! — ответил он с жаром и занялся упаковыванием половины магазина, потому что это почти все, что я заказал.

Но мне было все равно, потому что сегодня мы с Эверли праздновали. После того, как я отправил свою работу в несколько галерей по всему городу и ничего не слышал в течение нескольких недель, я потерял надежду. Я был новым талантом – никто обо мне не слышал и на самом деле, почему кто-то хочет меня принять? Это было рискованно, но после того, как я сидел дома целыми месяцами без каких-либо других навыков трудоустройства, это было то, что мне нужно было взять.

Наконец, я получил телефонный звонок, который ждал. Небольшая, местная галерея хотела показать несколько моих фотографий – на пробной основе – но если их купят, это может сработать, чтобы стать чем-то более постоянным.

Это было началом, началом чего-то реального, и я не мог дождаться, чтобы поделиться этим с Эверли.

С моими покупками в руках, я оставил очень счастливого владельца пекарни позади и направился домой. Эверли скоро закончит свою смену, и я хотел, чтобы все было просто идеально, прежде чем она доберется домой.

Лето прибыло без особых фанфар в Сан-Франциско. Погода немного прогрелась, туман стал толще, но кроме роста туризма, ничего не изменилось. Именно это сделало Калифорнию такой желанной – полное отсутствие сезонов. Не надо было чистить снег, собирать листья, и когда лето пришло в бухту, люди продолжали носить футболки и джинсы до августа, как будто ничего не изменилось.

Тем не менее, здесь меня удерживал вид – бесконечный вид на побережье. Я бы с легкостью отказался от каждого пенни, которые имел, если бы не панорама береговой линии, которая приветствовала меня каждый раз, когда я заходил в свою входную дверь. Возможно, я был гигантской задницей в тот день, но мне удалось добиться одного, и это был этот дом.

Удерживая пакеты и коробки с пирожными, я пробрался через входную дверь и поставил все на кухне. Зная, что у меня осталось время, прежде чем Эверли вернется с работы, я схватил пиво и вышел на крыльцо, выходящее на Тихий океан.

Волны бились о камни внизу, и соленые брызги океана заполнили мои легкие ощущением покоя, которое, как я думал, никогда не найду. Этот дом действительно стал для меня домом. Наконец-то мне показалось, что это принадлежало мне, а не незнакомцу.

Прогуливаясь здесь впервые, все эти месяцы назад были похожими на то, что я не хотел. Как я мог проснуться с тем же именем и все же быть совершенно другим?

Я знал, с первого момента, как увидел ее в больничной палате. Я не хотел быть Августом Кинкейдом, которого она помнила, но я понятия не имел, кем хочу стать, поэтому решил остановиться где-то посередине. Я был еще в процессе самопознания и до сих пор разгребал проблемы, которые обнаружил в разгаре всего этого.

— Помнишь, когда я помог тебе переехать сюда, и мы стояли здесь, как гребаные короли на башне замка? — незнакомый голос пробился сквозь грохот волн.

«Черт, мне действительно нужно научиться запирать чертову дверь».

Я резко поднял голову, чтобы встретить моего нарушителя лицом к лицу. Он был высокий, хорошо сложенный, с блестящими карими глазами и угрожающей усмешкой, которая могла бы показаться улыбкой. Его волнистые черные волосы идеально соответствовали его костюму. От него веяло деньгами и властью. Скорее всего, на данный момент он носил больше денег в одежде на своем теле, чем большинство людей заработали бы за год.

Я ничего не сказал, просто не сводил с него глаз. Не нужно сразу показывать все мои карты.

— Не поприветствуешь? Никаких приветственных слов для твоего старого приятеля и партнера Трента?

Так это был парень, который взрывал мой телефон последние несколько недель. Нарушитель спокойствия, о котором говорил мой адвокат. Он был упорным маленьким дерзким.

— Ты звонил несколько раз, — рассеянно сказал я, приманивая его на дополнительную информацию.

— Ну а что, черт возьми, я должен был сделать, Август? Ты вышел из больницы и не удосужился позвонить? Месяцы? Я должен выяснить от нашего гребаного адвоката, что ты встаешь и гуляешь. Ты знаешь, как это заставляет меня выглядеть? Как это будет выглядеть?

— Я не могу себе представить.

Потому что, действительно, я честно не мог. Но было приятно, что он навещал меня в больнице. Ой, подождите...

— Что, черт возьми, с тобой не так? — взревел он, вступая в мое пространство, его голос был наполнен ядом и гневом. — Ты думаешь, это какая-то больная шутка? Кажется, ты думал, что мир вращается вокруг тебя, не так ли? Хорошо, позволь мне рассказать тебе кое-что, мудак — это не так. Пока ты принимал длительную сиесту, остальные из нас рвали наши гребаные задницы, и пришло время платить по счетам.

«Счетам?» Вдруг что-то щелкнуло на место, воспоминания и разговоры выровнялись. Эверли однажды сказала, что я уволился из-за старого друга, хотя она никогда не упоминала его имени. Она сказала, что после того, как я пошел работать на него, я изменился.

«Нет слов приветствия для твоего старого приятеля и партнера Трента?»

«Черт».

Независимо от того, как далеко я дошел, казалось, что вопиющая правда моего прошлого всегда найдет меня, независимо от того, что я сделал с моей новой жизнью.

— Смотри, Трент, не так ли? — сказал я, начиная со вступительной речи, которую произносил снова и снова элитной толпе юристов и бизнесменов, с которыми я связывался так давно. После того, как они обнаружили, что старый Август был мертв и похоронен под слоями амнезии, они обычно понимали все быстро. Новый Август, который говорил о фотографиях, а не о фондовых портфелях, и кто предпочел поход вместо участия в гала-приеме, был уже не интересен им, и хотя у меня были деньги, я не был достоин их времени.

И меня устраивало это.

— О чём, черт возьми, ты говоришь? — набросился Трент, его слова были как когти, направленные исключительно на меня.

— Я не знаю, кто вы, но если вы позволите мне объяснить, это может прояснить некоторые вещи, — сказал я спокойно, прежде чем продолжить. Я рассказал ему все.

Ну, в основном все. Я рассказал ему сокращенную версию, в том числе ограбление, мою кому и в результате потерю памяти.

— Значит, ты ничего не помнишь? — спросил он, почти ошеломленный новостями.
Почти.

— Ничего до этой ночи, нет.

— Прости, мужик, — его поникшая голова дрожала, как будто он жалел меня.

— Все нормально. Ты не... — я остановился, наблюдая, как его плечи начинают дрожать. Мой разум не мог обработать то, что видели мои глаза, пока его взгляд не встретился с моим, и я услышал это.

«Смех».

Он смеялся. От боли, от страданий и от всех потерь, которые я перенес.

— Ты неправильно понял, приятель. Я не извинялся за твое несчастье. Я приносил извинения, потому что все обстоит намного хуже.

Мое раздражение усилилось, когда мои кулаки сжались.

— Как это, приятель? — спросил я, бросая его же слова в лицо.

— Видишь ли, у нас с тобой партнерство. Это одна из тех вещей, которая работает как брак, пока «смерть не разлучит нас», не то, что я пробовал эту особенную вещь — слишком много рыбы в море и все такое. Но я слышал, что они работают одинаково. И хорошо, вот что: ты не умер.

Я приблизился к его лицу, достаточно близко, чтобы увидеть белые зубы, когда его холодная, злобная улыбка появилась на лице.

— Если вы не слушаете, позвольте мне дать вам сокращенную версию, чтобы ваш маленький мозг мог ее понять. Я не помню ничего о моей прежней жизни, включая, но не ограничиваясь, так называемым, партнерством с вами. Так что простите меня, если я не буду вникать в эту идею, но думаю, я откажусь.

— Иисус, ты на самом деле пустой лист, не так ли? — сказал он, откидываясь назад, с широко раскрытыми глазами. — Удивительно. На секунду я подумал, что ты просто играешь со мной, но от тебя ничего не осталось. Ничего.

— Теперь вы понимаете? — спросил я, глядя на него.

— Да. Я прекрасно понимаю, — широко улыбнулся он, потирая руки. — Пришло время работать.

— Я не работаю на тебя! — взревел я. Слова вырвались изо рта, как пушка. — А теперь убирайся!

Он не сдвинул с места. Негодяй не сдвинул ни на дюйм, его руки медленно скользнули в карман костюма за тысячу долларов, и он начал расхаживать по крыльцу. Я смотрел, как он взял пиво, которое я открыл, прежде чем выйти сюда, и медленно поднес его к своим губам.

— Ты будешь работать на меня, и вот почему, — небрежно сказал он, поставив пиво на перила. Его голос был жутко спокойным, в огромном контрасте с грохотом ниже. — До твоего маленького инцидента получается, что ты задолжал мне деньги. На самом деле много денег.

— Я выпишу вам чек, — вмешался я, на что он только засмеялся.

— Не думаю, что ты вполне понимаешь концепцию. Так что позволь мне сделать это для тебя. Ты можешь думать, что ты на вершине, потому что у тебя есть несколько миллионов, спрятанных в банке. Это всего лишь мелочь, которую мы делали за день. Ты когда-нибудь задумывался, почему ты можешь позволить себе такое место?

Вообще-то у меня были мысли об этом, но, как и все о прошлом, я просто отпустил это.

Очевидно, это была большая ошибка.

— Причина, по которой мы могли позволить себе такое дермо, как этот дом, в котором ты стоишь, и сумасшедшая огромная яхта, которой я владею, потому что мы никогда не держим все в одном месте. Мы держим наши деньги скрытыми от посторонних глаз Большого Брата. Это работает. Или, по крайней мере, до тех пор, пока ты не решил потеряться на два года, оставив после себя огромный долг и никого, кроме меня, чтобы убрать после тебя. А я ненавижу беспорядок.

— Сколько? — я стиснул зубы.

— Пять миллионов долларов.

Я старался не выдавать свои эмоции, заморозить свое выражение, усмирить свой темперамент.

«Какого черта я ввязался в это?»

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду? — спросил я.

— Видишь ли, это сложная часть амнезии, не так ли? Но думаю, я всегда мог бы пойти к твоей прекрасной девушке и спросить. Она была и тогда, не так ли? Как ее звали? Эверли? Она была горячей штучкой, если я правильно помню.

Он, очевидно, не звонил. Он смотрел — ждал подходящей возможности огородить меня этой информацией — и теперь знал, что нажал нужную кнопку, чтобы заставить меня вздрогнуть. Правильный нерв, который может привести меня к обрушению. Я понятия не имел, кто этот человек и на что он способен, но исходя из того, как Эверли кричала при одном упоминании его имени и его маниакального смеха, я не рисковал.

— Что ты хочешь? — спросил я, зная, что он получил меня. Зная, что я сделаю все, чтобы держать Эверли в безопасности, даже если это означало отказ от всего.

— Ты всегда был немного чувствительным, когда дело доходило до нее, — сказал он с озорной усмешкой на лице. — Ты вернешься на работу, как хороший маленький мальчик, и мы больше не будем говорить об этой амнезии. Никто никогда не должен об этом слышать. Что касается твоих клиентов, ты отправился в длительный отпуск после очень травмированного пребывания в больнице, и теперь хорошо отдохнул и готов сделать как можно больше гребаных денег.

— И когда они узнают, что у меня нет навыков брокера, и потеряют каждый собственный пенни? — спросил я, каждое слово отрывисто выходило как темный звук, погружая меня глубже в ад.

— Они не могут отличить свою голову от своей собственной задницы, поэтому я буду тянуть все струны. Как только они обнаружат, что их любимый Август Кинкейд, наконец, вернулся, твои любимые клиенты рванут к нам с распростертыми объятиями, и мы будем наводнены таким долгим бизнесом, что не будем знать, что делать.

— Значит, я всего лишь твоя марионетка? — спросил я, и мои глаза потемнели, когда он облегченно засмеялся.

— Да. Видишь ли, ты всегда была лицом, а я — мозгами. Люди меня не очень любят, поэтому я и привел тебя на борт. Ты, с хорошим внешним видом и полезными идеями. Ты был именно тем, что мне было нужно. Люди поверили тебе, когда ты сказал им, что заработаешь им деньги, даже когда мы слепо их ограбили. И удивительная часть... они просто продолжали возвращаться.

Его хладнокровное спокойствие, когда он говорил об ограблении людей и их жизненных сбережений, было жутким. И то, что я однажды помогал ему сделать это, с такой же улыбкой на лице, заставило меня почувствовать тошноту.

— Ты знаешь, что входная дверь открыта? — голос Эверли пронзил напряжение, когда мои глаза широко распахнулись от паники. Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть ее шаг во внутренний дворик, ее лицо было улыбающимся, пока она не встретила глазами Трента, а затем все, казалось, исчезло из нее, как вода, вытекающая из сита.

— Что он здесь делает? — буркнула она, ее слова были едва слышны из-за стиснутых зубов.

— Ничего, — сказал я, застыв на месте, наблюдая, как она смотрит на него с другого конца комнаты. — Он просто пришел в гости.

— Он пришел в гости? — повторила она, в ужасе обращаясь ко мне. — И ты позволил ему войти?

— Эверли, так рад тебя видеть, — Трент улыбнулся злорадно, заставив мои кулаки сжиматься.

«Я еще не проверил, нравится ли мне быть кого-то в морду, но думаю, Трент казался хорошим кандидатом, чтобы попробовать это».

— Почему бы тебе не пойти наверх и не подождать, пока я попрощаюсь со своим старым другом, — сказал я спокойно, даже когда ярость и паника скрутили и перевернули кишечник, заставляя меня чувствовать беспокойство.

Она застыла, когда мое предложение пронзило каждый ее нерв. Все, что я хотел, чтобы она была как можно дальше от Трента. Я просто хотел, чтобы она была в безопасности. Я всегда хотел, чтобы она была в безопасности.

Увидев, как она стоит так близко к этому мужчине, окутанная страхом, заставило меня задуматься. В спешке, чтобы защитить ее — ее реакция сказала мне, что я произнес одну вещь, которая заставила ее почувствовать себя не в своей тарелке.

— Что ты только что сказал? — прошептала Эверли, одинокая слеза скатилась по щеке. Я видел, как ее доверие рассеивается, отступая, когда она сделала несколько шагов назад.

Мой взгляд устремился к Тренту, который наблюдал за всем нашим разговором с выражением развлечения, нарисованным на его гребаном лице. Затем он сосредоточился исключительно на Эверли, как она попятилась от нас, его взгляд медленно бродил по ее телу, и я взбесился.

— Пожалуйста, наверх. Сейчас, — она вздрогнула от моих резких слов, повернулась к двери и побежала. Я слышал, как ее рыдания раздаются с лестницы.

— Я хочу, чтобы ты ушел. Убирайся из этого дома, уходи, — сказал я, не утруждая себя взглядом в его сторону.

Трент подошел к слайдеру и остановился.

— Я попрошу моего секретаря позвонить тебе в понедельник. Не разочаровывай меня, Кинкейд. Ты можешь не помнить, но я не веду себя любезно с теми, кто должен мне — даже если этот должник случайно был моим другом.

— Мы не друзья.

— Мы позаботимся об этом. Убедись, что скажешь Эверли, что я попрощался... и позабочусь о нашей девушке... не хотел бы, чтобы с ней что-то случилось.

А потом он исчез. Я услышал, как хлопнула входная дверь, прежде чем побежал вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки, чтобы найти ее. Я остановился перед главной спальней. Это было последнее место, где я ожидал ее найти, но Эверли была неподвижна, стояла рядом с двуспальной кроватью, глядя на незаконченный проект, который я еще не показал ей.

— Что это? — спросила она, сосредоточившись на черных рамках, разбросанных по всей кровати.

— Поздний подарок на день рождения. Я хотел снова придать комнате жизнь. Когда снял все фотографии и положил все в коробку, комната потеряла так много. Она потеряла свой свет. Я подумал, что это даст ей гораздо больше.

Ее пальцы проследили ближайшую картину — крупный план наших лиц, когда мы целовались. Оригинальный портрет был намного более эротичным, взятым из одной нашей ночи, когда мы фотографировались во время занятия любовью, но я обрезал его, потому что любил ее выражение — подавляющая потребность, которая, казалось, поглощала ее. Это само по себе было эротично.

— Но почему здесь? Почему в этом месте? — продолжала она, ее голос был отдален и сдержан.

— Здесь были хорошие воспоминания. Я хочу снова их возродить.

Ее глаза охватили многочисленные рамы, взяв дюжину картин, которые я выбрал для нас, прежде чем Эверли молча передвинулась по комнате. Остановившись на голом пятне на стене, где краска была немного тусклее, она смотрела на квадрат, где стояла последняя фотография. Слезы начали течь по ее лицу.

— Ты такой же, как он. И я закончу так же, как она, — всхлипнула она в свои руки.

— Нет, нет, нет. Мы то, что мы делаем сами, Эверли. Разве ты не видишь, что наше прошлое не имеет никакого отношения к тому, кем мы являемся сегодня.

— Ты ошибаешься, — воскликнула она, покачав головой. — Это уже происходит. Я вижу, это уже начинается.

Теперь она расхаживала по комнате, ее глаза запылали, когда я попытался следовать за ней.

— Что видишь? Что ты имеешь в виду?

— Почему он здесь, Август? Расскажи мне! Что Трент делал здесь?

Я открыл рот, чтобы ответить, но остановился, мой предыдущий обет остался верным. Я бы сделал все, чтобы сохранить ее в безопасности. Даже если это означало отказ от моего собственного будущего.

Даже если это означало отказ от всего.

— Я не могу этого сделать, — сказал я мягко.

— Не можешь или не хочешь?

— Это имеет значение? — спросил я, чувствуя, как мое сердце вздрагивает от каждого ложного слова.

— Нет, — признала она, ее взгляд упал на пол, как и все наши надежды и мечты. — Но я не могу быть здесь, если он вернется в твою жизнь. Я не смогу. Этот человек однажды разрушил нашу жизнь. Я не буду стоять и смотреть, как он делает это снова.

Я просто кивнул, принимая ту судьбу, которая, я знал, обязательно придет. Судьбу, которую я принял в тот момент, когда понял, что не могу защитить ее и рассказать ей все.

«Как зовут твою девушку?» Холодные слова Трента затмили мой разум, заставив меня вдруг осознать, насколько я похож на себя в прошлом. Так чувствовал себя старый Август? Когда он запирал ее все это время? Неужели он действительно сделал отчаянную попытку спасти ее, а не вынашивал план, чтобы держать ее взаперти?

— Зачем ты это делаешь? — спросила она. — С чего бы тебе рисковать всем, что у нас есть? Как... раньше?

Я покачал головой, ненавидя себя. Ненавидя, что она действительно верила, что я выбираю жизнь власти и богатства, чем быть с ней.

— Иногда дело не в том или ином, Эверли. Иногда это просто то, что должно быть.

— Всегда есть выбор, — тихо сказала она.

Я наблюдал, как она молча осмотрела комнату, как будто переживала кусочки прошлого. Каждое прикосновение ее руки к мебели казалось прощанием. Каждое прикосновение ее кончиков пальцев вдоль постельного белья было прощальным. Она уходила, и я не справлялся ее останавливать.

Больше никаких застенчивых улыбок и поцелуев с ароматом кофе. Память о ее коже была бы не более чем призрак, с которым я боролся во сне. Она исчезнет. Навсегда.

«Как я могу продолжать? Как мне выжить без нее?»

— Почему ты думаешь, он это делал? Закрывал меня здесь? Было ли это из-за жестокости или какого-то искривленного увлечения...

— Я думаю, может быть, он делал это из любви, — сказал я, мягко прерывая ее, когда шагнул вперед и взял ее за руку. Я видел, как она вздрогнула, но не вырвала руку. — Я не думаю, что он когда-нибудь остановился бы — как кто-нибудь может перестать любить тебя?

— Любящий меня уничтожил тебя, — всхлипнула она, по ее щеке пробежала слезы.

— Любя меня, ты вернула меня к жизни, — поправил я.

— Но ненадолго.

Ее глаза встретились с моими, когда она попыталась отступить.

— Люби меня еще один раз, — умолял я. — Пожалуйста...

Я сделал нерешительный шаг вперед, когда мой палец медленно скользнул по ее влажной щеке. Ее веки дрогнули, у нее перехватило дыхание. Это было именно то, что мне нужно было знать — она хотела этого так же, как и я.

Я мог бы отпустить ее, но сначала я хотел утонуть в этой любви... это обещание гораздо большего, еще на одну ночь.

До того, как наступит реальность, и я потеряю ее навсегда.

Отодвинув огненную прядь ее волос, я поднял ее подбородок и поцеловал слезы, из-за чего у нее задрожали губы и появились свежие слезы.

— Я хочу ненавидеть тебя. Я хочу оттолкнуть тебя, кричать и ругаться. Я не хочу этого, я не должна. Но я хочу... Боже, да. Если это мои последние несколько часов с тобой — вот как я хочу провести их. Что со мной не так? Мы не правы, Август. Это неправильно, — воскликнула девушка, ее лицо зарылось в мою грудь. — Я так зла, — всхлипнула она.

— Я знаю. Мне очень жаль, — повторял я снова и снова, имея в виду большее, чем она могла когда-либо знать.

— Убери ее, убери боль, — просила она, ее глаза поднялись на меня в отчаянной мольбе о спасении.

Когда мои пальцы запутались в ее волосах, наши лбы соприкоснулись, и я глубоко вздохнул и молча спросил, где бы найти силы. Силы, чтобы сделать ее своей в течение ночи, когда ее тело обернулось бы вокруг меня, зная, что это будет в последний раз. И мужество, чтобы позволить ей уйти на следующее утро, зная, что она уходит с моим сердцем в руках.

Это не значит, что это должно было закончиться.

Мои губы встретились с ее, когда я поцеловал Эверли, пытаясь запомнить каждый момент. Каждый стон, цвет ее губ, как она изогнула шею, когда я прижался к ней — скоро это будет все, что есть у меня.

Моя жизнь была бесконечным поиском в прошлое, и теперь мне казалось, что у меня будет только это.

Ничего, кроме горстки воспоминаний.

Когда мои руки скользнули вокруг ее талии, я поднял ее, чувствуя, как длинные ноги Эверли обхватили меня. Поднеся ее к кровати, я сделал паузу, вспомнив о разбросанных фотографиях. Зная, что они только причинят нам боль позже, я осторожно посадил Эверли на край кровати и начал убирать комнату. Фотографии, которые я тщательно выбирал и печатал, упали на пол в кучу вместе с их выполненными на заказ рамами.

Они больше не имели значения.

Ничего из этого не имело значения.

У меня была только одна ночь.

Я игнорировалibriующий звук, когда фотографии и рамы с грохотом упали на пол. Мое внимание было сосредоточено исключительно на Эверли. Это всегда была Эверли.

Стоя на коленях перед ней, мои руки дрожали, когда я снял ее блузку через голову, позволив ей упасть на пол к забытым картинам. Голубые глаза встретились с моими, когда Эверли медленно расстегивала пуговицы моей рубашки, позволяя кончикам пальцев прикоснуться к моей голой коже.

— Я всегда буду помнить, как это чувствуется, — прошептал я.

— Не надо, — она покачала головой. — Не давай обещаний. Ты никогда их не держишь.

Я больше ничего не говорил, но знал, что это было одно обещание, которое я никогда не нарушу. Она постоянно клеймила меня. Возможно, у меня не было особых воспоминаний о ней, когда я проснулся в больнице, но моя душа и мое тело узнали ее мгновенно.

Возможно, она уже не будет моей после сегодняшнего вечера, но каждая часть меня всегда будет принадлежать ей.

Одежда была сброшена, и, когда я присоединился к Эверли на кровати, я пытался запомнить каждый дюйм ее тела. Мягкий изгиб бедра, рассеяние веснушек над ключицей, напоминавшее мне конфетти, и даже ветвь дерева, которая исчезала над ее правым плечом.

Мои пальцы инстинктивно отследили замысловатую татуировку, следуя за ней к ее спине, где висела птичья клетка. Она повернулась, позволив моим рукам слегка исследовать ее кожу.

— Пришло время этой птице лететь, Эверли, — тихо сказал я. — Пришло время для нее мечтать, исследовать и найти свой собственный путь.

Опустив голову на подушку, ее глаза внимательно следили за мной, она спросила.

— А что, если она слишком напугана?

— Она найдет свой путь. Она сильнее, чем ты думаешь.

— Не знаю, прав ли ты. Однажды я сказала, что никогда не буду плакать по тебе, — прошептала она, ее голос сломался, когда я держал ее в руках в последний раз. — Думаю, я тоже не сдерживаю обещаний.

Эверли повернулась ко мне, широко открыв глаза, когда я наклонился и поцеловал мокрые щеки, пока наши рты не слились друг с другом, и до конца ночи слов больше не было сказано. Мы снова и снова терялись друг в друге, разжигая огонь, который, несомненно, будет гореть до конца времен.

Но иногда любви и страсти недостаточно.

Когда я проснулся на следующий день, она ушла.

И я остался один, с кучей фотографий и безжизненным домом воспоминаний.

Глава 29

Эверли

Они говорят, что время лечит.

«*Но может ли оно прощать?*»

Этот вопрос кружился в моей голове снова и снова, пока я поднималась по лестнице к квартире Райана в тот судьбоносный день. После того, как мой мир рухнул у меня на глазах, я пряталась несколько недель. Отказывалась покидать дом Сары по несколько дней, я нянчилась с собой, чтобы исцелиться от разрыва с Августом, на этот раз ради чего-то хорошего. Я должна была предвидеть. Я должна была знать.

Никто не меняется.

Не настолько.

Не в лучшую сторону.

Сара всерьёз восприняла роль лучшей подруги, ни разу не сказав «я же говорила», и ни разу не упрекнув меня за разбитое сердце. Однако, она угрожала подпортить некоторые анатомические части Августа – предложение, которое я отвергла.

Здесь было столько же моей вины, сколько и его.

Его, по крайней мере, извиняла амнезия. Я же помнила всё, но всё равно вернулась, умоляя о большем.

Августу всегда удавалось вытащить на свет бесчувственную часть меня.

Но все эти тихие недели, я плакала до тех пор, пока меня не сморил сон, в её крошечной квартире, вспоминая ощущение его тела, его слова и обещания, пока не осознала кое-что о себе и жизни. Любить Августа было просто. Влюбиться в него оказалось самым простым, что я сделала в жизни. Но когда дело дошло до борьбы, он всегда уходил.

Всегда оказывалось что-то лучше, смелее или ярче, что призывало его на другую сторону, а меня всегда было мало. Даже после того, как он изменился, стал кем-то другим, он выбрал богатство, власть и престиж вместо любви. Он выбрал Трента.

А я осталась не у дел.

Опять.

«*Когда же я научусь?*»

Райан сказал мне, что любить кого-то должно быть так же просто, как дышать.

Я сделала это. А теперь мне хотелось, чтобы кто-нибудь поборолся за меня. И Райан молча боролся за меня до сих пор, желая, чтобы я пришла к выводу, который он давно уже сделал.

Сердце в груди несется, словно скоростной поезд, наконец-то последний шаг – и я у двери. Мелкий фиолетовый орнамент на двери, который я сама сделала акриловой краской, и деревянный абрис из магазинчика для творчества, по-прежнему были на месте. Это был мой первый творческий опыт и весьма неудачный. Несчастный цветок выглядел так, что он не прижился бы даже в детском саду, но Райану он понравился так сильно, что парень прицепил его на дверь и не разрешал мне снимать.

Он всегда любил меня. Даже, когда это причиняло лишь боль.

Даже, когда это было почти невозможно.

Подняв руку, я несколько раз постучала и замерла, хотя моё сердце угрожало выпрыгнуть из груди в любую секунду. Дверь открылась, и я увидела его. Нежные карие глаза и тёплая любопытная улыбка.

— Что ж, это заняло много времени, — сказал Райан.

— Да, — я улыбнулась, падая в любящие руки и чувствуя, наконец, что я вернулась домой, в безопасность.

***

Оказалось, время действительно лечит даже самые глубокие раны. С каждым днём, тот вред, что причинил мне Август, всё больше казался старым воспоминанием, и я всё глубже погружалась в своё чувство к Райану.

Время не стояло на месте.

Любовь снова нашла себе дорогу.

Но по-прежнему бывали дни, когда я не могла не давить на старый шрам, словно непослушный ребёнок, расчёсывающий заживающую царапину. Иногда мне нужно было напоминать себе.

Горевать.

В такие дни мне хотелось исчезнуть, уехать на другой конец города и погрузиться с головой в воспоминания. То место у моста больше не было моим. Личным. Когда я приехала сюда, то могла видеть и чувствовать только его. Воспоминания о мягких нотках в его голосе не отпускали меня, а от одной мысли о его прикосновениях бросало в дрожь.

«Приезжал ли он сюда, чтобы вспомнить? Горевал ли он об утрате?»

Как бы сильно я не любила Райана, часть меня всегда будет любить Августа. Две совершенно разные жизни, и в каждой я была по-своему счастлива. *«Как одно сердце может вместить в себя любовь к двум совершенно разным людям?»*

За спиной раздался хруст гравия, я обернулась навстречу свету фар. Не только я знала об этом месте. В городе с миллионом жителей, невозможно было найти место только для себя, но эту машину я знала. Этого непрошеного гостя я бы впустила.

Фары затухли, и дверца машины распахнулась. Я сделала шаг вперёд и встретила его на половине пути.

— Давно не виделись, — сказал Брик, и от тёплой улыбки по его лицу рассыпались морщинки.

— Давненько, — ответила я, — даже слишком. — Я сократила расстояние между нами, обхватив его руками в долгом объятии, едва сдерживая слёзы, грозившие вырваться наружу.

— Всё хорошо, — успокоил меня он. — Я не буду говорить.

Из меня вырвался приглушенный смешок, когда шлюз открылся, и из моих глаз хлынула вода.

— Сейчас я счастлива, — наконец выдавила я сквозь всхлипы, — но почему мне по-прежнему больно?

Он отодвинулся, и его добрый взгляд встретился со мной.

— Это всегда больно. Так было и в первый раз. Но тогда ты лишь заменила боль злостью.

— Я хочу злиться на него. Мне было бы куда проще, если бы я его ненавидела, — призналась я.

— Я знаю. Мне тоже.

— От тебя он тоже отгородился? — спросила я, любопытство съедало меня, когда я повернулась к нему в темноте.

— В целом, да. Каждый раз, когда я прихожу или звоню, он занят или находит оправдание. Он изменился, и эти перемены не в лучшую сторону.

— Это всё Трент. Он словно паразит. В тот момент, как он вторгся в нашу жизнь, всё поменялось. А сейчас он снова вернулся, и наш Август потерян.

— Август сам выбирает свой путь, — сказал Брик, потирая мои плечи, чтобы согреть.

— Всё, что ты можешь теперь — выбрать свой. Боль будет уменьшаться с каждым днём, и скоро это будет лишь воспоминание, а не острие ножа в животе. Живи своей жизнью, Эверли. И позволь ему жить своей.

— Ты же не расскажешь ему про это? — спросила я, когда мы развернулись к мосту. Я обхватила себя руками, защищаясь от ветра и внезапно осознавая, что уже довольно поздно.

— Ему придётся перезвонить мне, чтобы это стало возможным... но нет, — ответил Брик. — То, что было здесь сказано, останется между нами.

— Значит, мне стоит ожидать счёт по почте? — пошутила я, толкая его в плечо.

Мужчина усмехнулся. Звук был как шум от гравия, когда он парковался – грубый и рваный.

— Нет. Ты же знаешь, вызовы на дом я для клиентов не устраиваю. Просто встреча двух друзей.

— Отлично, — ответила я, — потому что я почти уверена, что мой терапевт не приемлет визиты на дом, — я огляделась и засмеялась. — Или визиты к мосту, — уточнила я.

— Это бы нисколько меня не удивило, — ответил Брик, улыбаясь уголком губ. Одной рукой он обнял меня за плечи, и мы двинулись обратно к машинам. Он остановился рядом со мной у водительской дверцы и взял меня за руку.

— Следующий твой звонок будет счастливым, — уверенно сказал он.

— Как ты можешь быть так уверен? — спросила я.

Он сжал мою руку и улыбнулся.

— Потому что ты боец, Эверли. Ты выдерживала удар за ударом с тех пор, как была маленькой. И Августа Кинкейда ты тоже выдержишь.

Я кивнула, понимая, что он прав, что я уже сделала свои первые шаги к этому. Та пульсирующая боль внутри, которая, казалось, удвоилась за прошедшие недели, больше не имела надо мной власти. Медленно, но она уменьшалась до небольшого трепета, появляющегося время от времени.

И в такие моменты я буду оплакивать.

Оплакивать жизнь, которой у меня никогда не будет.

Оплакивать мужчину, которого потеряла уже не единожды.

А потом я буду двигаться дальше и радоваться новой жизни, которая только что началась.

Потому что жизнь снова была полна возможностей. И Брик был прав. Я боец.

И этого у меня никому не отнять.

***

— Если ты притащишь сюда ещё одно платье с перьями, я убью тебя! — завопила я через всю комнату.

— Эй, это ты привела меня сюда. Это была твоя первая ошибка! — услышала я в ответ крик Сары, когда консультант начала помогать мне выбраться из очередного монструозного платья.

Это было одно сплошное дежавю: Сара протягивает мне отвратительные платья в бесконечно белом магазине.

Я могла бы избежать ситуации в целом. У меня в шкафу висело идеальное платье, но каким-то образом оно оказалось запятнанным.

Испорченным.

После воссоединения с Райаном, после месяцев, проведённых в узнавании друг друга заново, он опустился на одно колено и снова сделал мне предложение.

И я с радостью согласилась.

На этот раз, мы собирались пройти по проходу, и когда мы это сделаем, я собиралась отдать своё сердце человеку, который верил в меня... даже, если я не могла. Райан был лучшим из нас. Он видел любовь безусловной и бесконечной. Каким-то образом, он знал, что лучше отпустить меня, и я снова найду путь домой.

И сейчас я была полна решимости найти идеальное платье, в котором скажу своё «да». Но Сара делала это почти невозможным, как обычно. Решив перепробовать несколько магазинов вместо одного, Сара успела за день протащить меня через весь город, наконец-то остановившись в магазинчике, который я видела каждый раз по пути на работу. Когда я выбралась из последнего чудовища и добавила его к куче других отброшенных в сторону платьев, мной овладело уныние. Присев в углу, пока консультант готовила следующее платье – что-то гораздо более простое из того, что она выбрала, основываясь на моих требованиях, а не Сары – я со смешанным чувством ожидала в своём белом белье и бюстгальтере без бретелек, пытаясь сделать всё возможное, чтобы не чувствовать дискомфорта.

Что оказалось не так-то просто, потому что... кто может не чувствовать себя странно в одном нижнем белье?

Модели нижнего белья, полагаю.

Но уж точно не нормальный человек. Нормальный человек, с недостатками и изъянами, которые бросались в глаза в ярком освещении и в окружении зеркал, украшавших примерочную невест. Может быть я и худая, но здесь чувствовала себя жердью, критически осматривая шрамы, которые умудрилась заработать, потому что у меня не было родителей, которые бы предостерегли меня, выпирающие кости, потому что я всегда получала еду последней, и напуганную птичку, что сидела в клетке на моём плече, потому что была слишком напугана, чтобы сделать первый шаг.

«Думаю, пора выпустить птичку из клетки, Эверли».

Легко ему говорить. Его не будет рядом, чтобы увидеть, смогу ли я взлететь с расшатанной ветки. Или может, я всё ещё выглядываю из-за дверцы клетки, выжиная возможность сделать первый шаг.

Однажды он дал обещание, что никогда больше не причинит мне боли.

Куча пустых бесполезных обещаний.

— Окей, готовы примерить ещё одно? — ободряющим тоном спросила девушка, разгоняя туман, окутавший мой разум.

— Да, — бодро ответила я, вскакивая со стула к платью.

«Ни каких мрачных мыслей, Эверли», — упрекнула себя я.

— Платье очень элегантное, но сдержанное. Я знаю, вы говорили, что с опаской относитесь к кружеву, но я увидела это и решила, что это тот крой, что вы искали. Подумала, вам понравится.

Когда ткань расправилась, и я бросила на него взгляд, то словила один из тех глупых моментов, о которых все говорят: глаза наполнились слезами, пока я боролась с нахлынувшими эмоциями.

— Итак, это «да»? — спросила девушка со смешком.

Я смогла лишь кивнуть, уставившись на своё отражение, пока консультант заканчивала со шнурковкой сзади. Платье добавляло изгибов там, где у меня их в помине не было, декольте подчёркивало мою небольшую грудь, делая её женственной, а не мальчишеской. Я чувствовала себя прекрасной, очаровательной и другими похожими прилагательными.

— Хотите показать подруге? — спросила она, отходя от двери, чтобы я могла пройти.

— Да, пожалуйста, — ответила я, осторожно делая шаг, когда она повела меня к огромным зеркалам в передней части магазина.

— Боже. Мой! — вскрикнула Сара, увидев меня. — Если ты не купишь это платье, я впихну тебя в него силой и заставлю надеть его в день свадьбы.

— Как мило, — пропела я, закатив глаза и осторожно вставая на возвышение. Чудесная девушка придержала мне платье и помогла его расправить, пока я вставала в центре.

— Знаю, это прозвучит немного эгоцентрично, но я бы сама на себе женилась в этом платье.

Сара хихикнула, поднимаясь со стула. Она казалась маленькой и низкой, в то время как я возвышалась над ней, стоя на покрытом ковром возвышении, и осознание ситуации заставило нас расхохотаться. Повернувшись к ней, я взяла её руки в свои и потянула, чтобы она встала рядом.

— Теперь нам нужно найти платье тебе, — сказала я.

— Думаю, нам нужно ещё немного времени, чтобы посмотреть на это, — настояла она, приподнимая мою руку за пальцы выше, в неловкой попытке заставить меня покружиться. Мы хихикали как девчонки, изображая ужасную пародию на вальс.

— Наверное, танцы лучше оставить тебе, — предположила я.

— Или просто рядом с тобой должен стоять мужчина, — раздался знакомый голос, разрезая глупое очарование момента словно нож, примораживая меня к мести.

«*Он не может быть здесь*», — повторяла я про себя снова и снова, оборачиваясь. Я коротко зажмурилась в отчаянной попытке отмотать время назад.

Я бы успела сбежать. Я бы и в этот раз выбрала безопасный путь и была бы счастлива.

Ему нужно держаться от меня подальше.

Мне нужно было, чтобы он держался от меня подальше.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — раздался ледяной тон Сары, пока мои глаза выдали меня и широко распахнулись, а я встретилась лицом к лицу с человеком, разорвавшим мой мир на части.

Снова.

— Я лишь пришел поздравить невесту, — мягко сказал он.

Все в нём было другим. Начиная с одежды — строгий чёрный костюм — и заканчивая прямой осанкой. Даже его взгляд был другим: холодным, безжалостным и почти жестоким.

«*Куда ты катишься, Август?*»

— Тебе стоит уйти, — выдавила я, мой голос дрожал от напряжения.

— Нам нужно поговорить, — его взгляд коротко метнулся в сторону Сары, — наедине.

Рука Сары сжалась вокруг меня.

— Если ты думаешь, что я оставлю тебя с ней наедине...

— Всё в порядке, Сара, — мягко сказала я почти шёпотом.

Её широко раскрытые глаза остановились на мне.

— Ты должно быть с ума сошла. Ты согласна?

Оглядевшись, я заметила любопытный взгляд консультанта и нескольких покупателей.

— Не хочу устраивать сцену, — сказала я ей на ухо. — Я просто дам то, что он просит, потом он уйдёт и всё будет закончено.

— Райан никогда не простит меня за это, — взмолилась Сара.

— Позволь мне всё уладить, — сказала я. — Просто иди в мою машину. Я встречу тебя там, когда закончу.

Я видела, что она не хотела уходить. После того, как мы жили вместе, видели друг друга днями и неделями напролёт, когда я едва могла вытащить себя из кровати, я понимала почему. Август был врагом, причиной моей боли и страданий. Но как бы я не была согласна

с Сарой, я всё равно не снимала с себя вины. Это был мой выбор. Я выбрала этого мужчину из всех остальных.

И выбор был неверным.

И его холодные безжизненные глаза, были лучшим тому подтверждением.

— Если тебе что-нибудь будет нужно, позвони мне, и я буду здесь, — сказала Сара, стискивая мою руку, перед тем как быстро направиться к выходу, опустив голову. Прежде чем исчезнуть за дверью, она бросила на меня взгляд, и я коротко кивнула. Она ушла.

А я осталась с Августом.

— Мило как она тебя защищает. Хотя, она обещала оторвать мне несколько конечностей, если между нами что-нибудь пойдёт не так...

— Можешь поблагодарить меня за то, что отговорила её от конкретно этого обещания. Она, в отличие от прочих, всегда держала своё слово.

Он улыбнулся и от угрозы в его улыбки я похолодела.

— Это было жёстко.

— Что ты здесь делаешь, Август? Как ты нашёл меня? — спросила я, не двигаясь, а он сделал уверенный шаг ко мне, ослабляя галстук.

— Я же сказал... пришёл тебя поздравить, — он ухмыльнулся, не утруждаясь отвечать на второй вопрос. — Слышал, что ты помолвлена. Снова. Я удивлён, как быстро Райан принял тебя обратно с распостёртыми объятиями, учитывая то, как быстро ты сбежала из них, чтобы прыгнуть в мои.

— Сукин сын, — вскипела я.

Он проигнорировал замечание, скользя взглядом по моему телу, смягчаясь.

— Ты действительно выглядишь потрясающее.

— Если ты пришёл только за этим, то можешь уходить, — я попыталась отвернуться, но он внезапно сократил расстояние между нами, заставляя сердце сбиться с ритма.

— Я хотел показать тебе кое-что, — сказал он, и от близости его тела моё дыхание участилось, воздух вырывался из лёгких как штурмовой ветер. Когда Сара стояла позади меня, она казалась маленькой и глупой. И хотя я до сих пор смотрела на Августа сверху вниз, его вид едва ли можно было назвать глупым, а вот я чувствовала себя подавленной им.

Он не дал мне шанс вставить слово, вытаскивая что-то из кармана, но не показывая мне.

— Позволить тебе уйти было самым тяжёлым решением в моей жизни, — сказал он, но прозвучало это так, словно он говорил это себе, а не мне. Я с опаской следила за ним, гадая, куда делась его человечность, с той последней ночи, что я провела с ним.

И лишь одно всплыло в голове.

«Трент».

— Я провёл дни... даже недели, ненавидя себя и то решение, что принял. Я похоронил себя в той проклятой коробке, разглядывая наши фотографии... твои фотографии, пока едва не сошёл с ума от желания. Это было дико, и я знал, что не смогу жить без тебя. Мне нужно было вернуть тебя. Я взял несколько фотографий, сжимая их так сильно, пока планировал, что именно скажу тебе, чтобы ты вернулась. А потом кое-что случилось — кое-что на одной фотографии зацепило мой взгляд.

Он встал рядом, а я непроизвольно отшатнулась назад. Август вытянул руки, удерживая меня на месте, а затем засунул их в карманы. Одну он вытащил обратно с зажатым в ней зелёным камнем.

— Ты помнишь его? — спросил он.

Моё сердце заколотилось, я кивнула, мой взгляд застыл на крошечном камне в его руках.

— Помнишь, как я спросил тебя, видела ли ты его раньше, и ты сказала «нет»?

Я снова кивнула, из уголка глаза скатилась слеза. Я сделала судорожный вздох, ожидая, что вот-вот раскроется единственная тайна, которую я держала в себе почти три бесконечно долгих года.

Подняв другую руку, он перевернул зажатую в ней фотографию, ту, что была сделана много лет назад на одном из моих бургерных дней рождения. Август наклонился, стоя за моей спиной, его глаза полны жизни и воодушевления, так же как и мои, пока я задувала торчащую из моего гамбургера свечу. Мы выглядели моложе, беззаботнее и счастливее.

— Ты видишь ожерелье на твоей шее? — спросил он, удерживая фотографию.

Я медленно сглотнула, кивая.

— Да.

Ответ получился вымученным и пустым, а я продолжала смотреть на фото. Оттуда я видела свою собственную улыбку, а вокруг шеи было надето прекрасное изумрудно-зелёное ожерелье.

— Очень странная вещь произошла, когда я увидел это зелёное ожерелье, украденное камнями, вокруг твоей прелестной шейки. Моя голова наполнилась шумом, перед глазами помутнело, и неожиданно я оказался на коленях, проживая заново воспоминание. Только это было воспоминание не об этой жизни, это было воспоминание из моей прошлой жизни. Угадаешь, что это было, Эверли?

Мои губы задрожали, пока я тщетно пыталась сдерживаться.

— Нет? Позволь, я тебе напомню. Ты и я... в тёмной аллее? Никого кроме нас. Ни злобных воров или пугающих грабителей, как ты удачно придумала для полиции. Только ты и я. Как же я оказался в коме, Эверли? Как? — давил на меня Август.

***

— *Мы должны уехать. Здесь не безопасно, — упрашивал он.*

— *Нет, это мне не безопасно с тобой! — кричала я, вырываясь из его хватки. Август пытался схватить меня, я беспорядочно дёргалась в крепком захвате, пока, наконец, мне не удалось освободиться, и, развернувшись, мой кулак встретился с его головой. Боль от сорванного ожерелья заставила меня обернуться как раз в тот момент, когда его тело рухнуло на землю, голова ударила о тротуар, а вокруг него рассыпались крохотные зелёные камушки.*

***

— Я, — вырвалось у меня, — это сделала я.

— Да, — ответил он, беря мою руку в свою. Она тряслась, когда он раскрыл мою ладонь и положил туда камушек. Его холодные безжизненные глаза встретились с моими, и он произнёс слова, которые я боялась услышать с той самой ночи, когда он очнулся.

— И я помню всё.

Чудовище вернулось.